

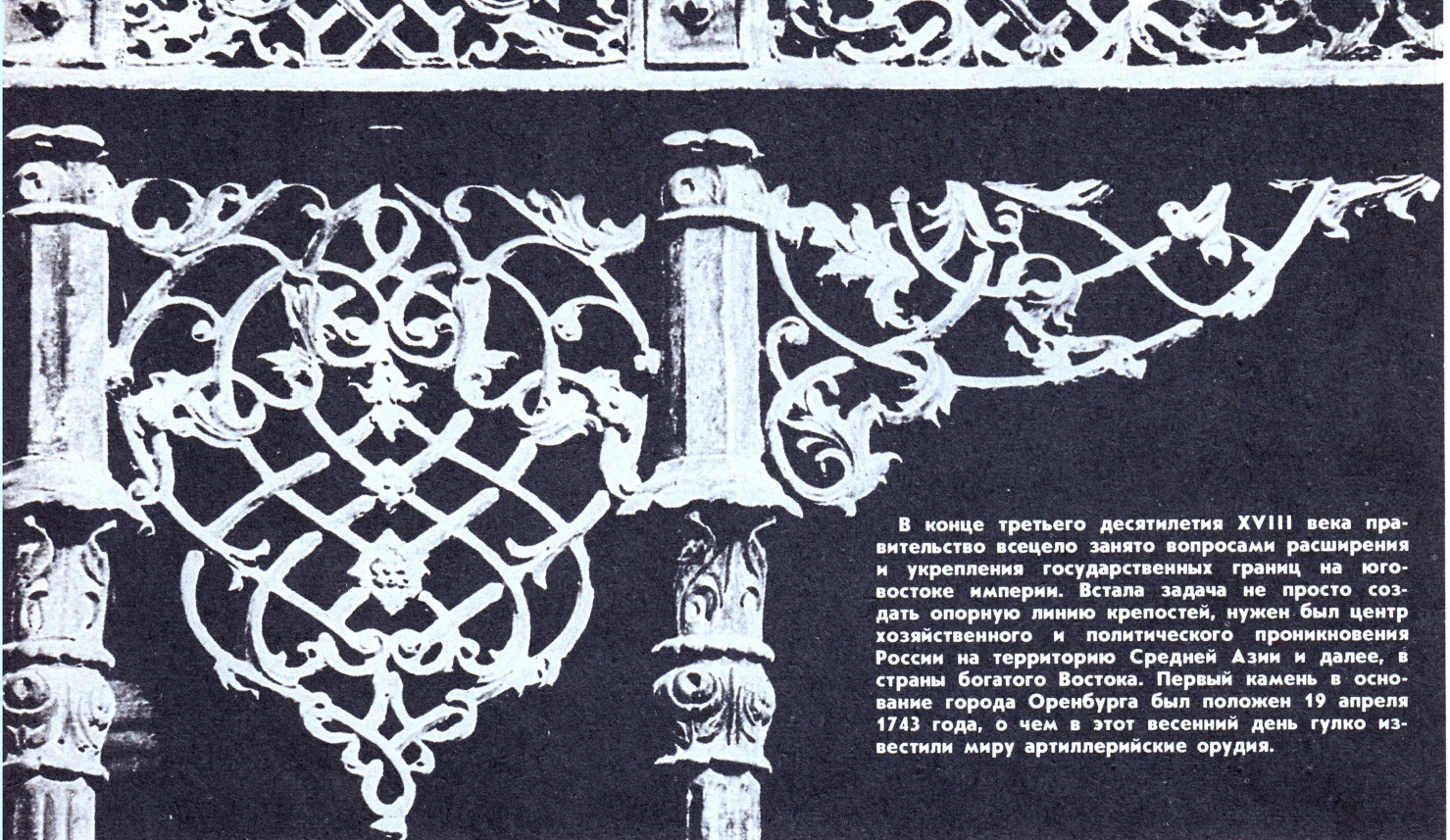

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

12 '88

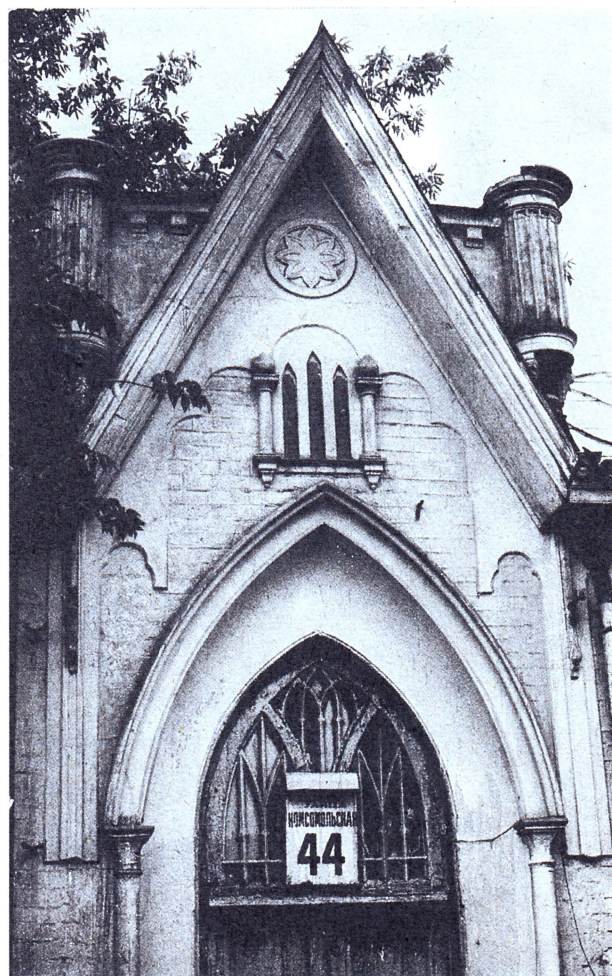
В конце третьего десятилетия XVIII века правительство всецело занято вопросами расширения и укрепления государственных границ на юго-востоке империи. Встала задача не просто создать опорную линию крепостей, нужен был центр хозяйственного и политического проникновения России на территорию Средней Азии и далее, в страны богатого Востока. Первый камень в основание города Оренбурга был положен 19 апреля 1743 года, о чем в этот весенний день гулко известили миру артиллерийские орудия.

Читайте на стр. 33 очерк Анатолия Прусса

Фото Игоря Горячева

А
Ю
З
А
Б
И
Ю
Л
Э
М

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

12 '88

В НОМЕРЕ:

Б. Рябинин О ЧЕМ МОЛЧИТ СТАРАЯ БЕРЕЗА	2
Ю. Лобанцев МАЯКОВСКИЙ НА ВЫСТАВКЕ «ХХ ЛЕТ РАБОТЫ». Стихи	5
Ю. Надточий «ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН ДВОРЯНИН БАТЕНЬКОВ»	6
Н. Мережников ТАКОЕ ВРЕМЯ: ДНИ КАК ГОДЫ... Стихи	8
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Головачев ВЛАДЫКИ. Повесть. Окончание	9
С. Лукьяненко ЗА ЛЕСОМ, ГДЕ ПОДЛЫЙ ВРАГ...	22
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	23

А. Прусс МЕЛОДИЯ УЗОРА	33
С. Сметанин СТИХИ	34
В. Крапивин ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман. Книга вторая «НА- СЛЕДНИКИ». Окончание	35
В. Сороколетов, Н. Кривоногов СТИХИ	58
О. Ласунский КНИГА МИНЦЛОВА — ЗЕМСКОГО НАЧАЛЬНИКА	59
М. Минский КОНВЕРТ-РЕКОРДСМЕН	60
ЖУРНАЛ ИЗМЕНЯЕТ СЕБЕ!	61
К. Мелихан ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ	64
М. Кагарлицкий МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЛ!	64
С. Логинов СОЛЕННЫЕ ОГУРЧКИ	65
А. Лоза ОБИДЕЛ...	66
Ю. Шинкаренко «НИКТО НАС НЕ РАЗЛУЧИТ...»	67
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1988 ГОДУ	76
МИР НА ЛАДОНИ	77
ЛАУРЕАТЫ-88	78
Н. Широкова БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ	79

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы и
поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения).

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в стро-
ке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и до-
ставки обращаться в районные
отделения «Союзпечати».

Сдано в набор 07.09.88.
Подписано к печати 21.10.88.
НС 15185.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл.-печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 12,4.
Усл. кр.-отг. 11,76.
Тираж 480 000.
(2-й завод: 250 001—480 000).
Заказ 467.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Игоря Горячева к очерку
Анатолия Прусса «Мелодия
узора»

Из выступления председателя колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашской АССР Аркадия Павловича Айдака на XIX Всесоюзной конференции КПСС:

— В свое время из-за трудности с языком процесс ухода людей из чувашских деревень в города наступил значительно позже, чем в русских, хотя жизнь на селе, как и у них, была тяжелейшая. Когда я начал работать председателем, а это было 24 года назад, значительная часть наших колхозников разошлась по Оренбургской, Волгоградской и Горьковской областям, чтобы заработать хлеб на пропитание, так как урожаи были мизерными — по 7—8 центнеров с гектара, а надои на корову менее одной тысячи килограммов в год. Со временем народ вернулся обратно. И это обстоятельство, а также внедрение всего нового на грани риска в производство позволили поднять экономику хозяйства, хотя три раза укрупнились. Внедрение почвозащитной системы земледелия и проведение других природоохранных мероприятий позволили без применения уже в течение 9 лет ядохимикатов и гербицидов получать стабильные урожаи зерна — 34—35 центнеров с гектара и создать хорошую кормовую базу.

БУДУЩЕЕ
ПРИРОДЫ

О ЧЕМ МОЛЧИТ СТАРАЯ БЕРЕЗА

Борис РЯБИНИН

Старая береза одиноко стоит в чистом поле. Вокруг нее шумит и хлопочет жизнь: колосятся хлеба, порхают бабочки, льется песня жаворонка, за пригорком, слышно, негромко тарыхтит трактор, а она, бедная, уныло торчит тут, без единого зеленого листика, словно осужденная на вечную одинокую тоску-муку, только пролетающие вороны порой садятся на нее и каркают...

Почему не спилят эту березу, на дрова хотя бы? Отжила свое — и хватит, пусть на месте ее зазеленеет новая поросль или трактор распашет тут лишний клочок земли и в кассу колхоза поступит еще одна прибыльная копейка... А может, есть тайный и веший смысл в ее печальном присутствии здесь, за околицей чувашского села?..

Много загадок задает земля. Отчего вымирают леса и меняется климат? Как сделать, чтобы поля не теряли урожайности? Как остановить эрозию почвы, дабы вода и ветер не превращались в наших врагов и не отнимали того, без чего невозможна жизнь? Спорим: надо ли применять химию? Как добиться, чтобы люди на земле не знали недородов, упадка в земледелии, периодов застоя и голода?

Подтолкнул меня заглянуть в эти края услышанный в Москве на пленуме Центрального совета Всероссийского общества охраны природы рассказ о том, что чувашский колхоз «Ленинская искра» оставляет по осени необработанные делянки со спелым хлебом, чтобы птицы могли кормиться здесь, набираться сил для перелета. Согласитесь, такое случается не везде, и естественно было желанье все это увидеть.

...Лето в разгаре. Сухая наезженная дорога среди косящихся нив и благоуханных колков с перепархивающими стайками говорливых птиц быстро бежит под колесами машины и как-то незаметно, сама собой переходит в сельскую улицу.

Утро яркое, солнечное, жара еще не наступила — с полей веет свежестью. Улица веселая, приглядная, прикрытая кронами деревьев, чистенькие нарядные домики с деревянными резными узорами — картинка, а не улица. Бросается в глаза, что повсюду идет ремонт, а кто-то строит наново. Очевидно, с наступлением устойчивой погоды и кратким перерывом в напряженных полевых рабо-

тах выпало свободное времечко позаботиться о домашности, личном подворье. Строят домики, начинают с ворот. Таков обычай. Это как знак того, что за крепкими воротами ничто не пропадет, а коль добрый гость придет — распахнутся широко. Дом — не просто дом, а становление хозяина. Старинная притча учит: мужичиной становятся не тогда, когда бритвой скосилась начал, а когда себе дом построил. Строят не в одиночку, а с друзьями, соседями, а то и при участии всего села. Делается все надолго, крепко.

А ведь можно было ожидать совсем другое!..

Из официальной справки:

«По характеру и масштабам подверженности почв водной эрозии Чувашия относится к наиболее эрозированным регионам Нечерноземной зоны РСФСР.»

Особенностью рельефа является чередование речных долин и невысоких грядово-увалистых водоразделов, в значительной степени изрезанных оврагами и балками. В республике 84 % сельскохозяйственных угодий размещено на склонах, более 630 тыс. га, или 78 % пашни подвержено водной эрозии. На землепользовании колхозов и совхозов овраги и балки занимают 98 тыс. га, из них действующие овраги около 17 тыс. га.

В результате воздействия водной эрозии сокращаются площади пахотных земель, снижается плодородие почв, растет расчлененность территории действующими оврагами. Ежегодный ущерб, наносимый водной эрозией почв сельскому хозяйству республики, составляет более 50 млн. рублей...».

На памяти май 1982 года. Октябрьский зал Дома Союзов. Идет пленум Центрального совета общества охраны природы. На трибуне председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашской АССР А. П. Айдак. Невысок, худощав, подвижен, манерами и фигурой напоминает юношу. Извлек из портфельчика несколько листочков машинописного текста с цифирью.

Это он поразил тогда (и порадовал) сообщением, что

у них в колхозе остаются неубранными участки посе-
вов — чтобы кормились птицы и разная лесная живность...
Неужто правда? И никто за это не намылил шею пред-
седателю: как же, нарушение хозяйственных расчетов, от-
ступление от общепринятой практики. (О пользе для «ди-
кой» природы в этом случае не думают).

— Климатические и природные условия республики,—
четко докладывал он,—способствуют воспроизводству
имеющихся почти всех видов животного мира средней
полосы Российской Федерации. На площади в 110 тысяч
гектаров лесов, болот и водоемов у нас создано шесть
комплексных, один сурковый и один бобровый заказник...
Дальше шел отчет по линии общества охраны природы:
только за один 1981 год устроено 1150 солонцов, 750 ис-
кусственных гнезд, заготовлено 541 центнер растительных,
концентрированных и сочных кормов. Участвуя в биотех-
нических и природоохранных мероприятиях, члены обще-
ства отработали более 22 тысяч человеко-дней. Ежегодно
в весенний период проводятся двухмесячники по охране
гнездящихся птиц и нерестующих рыб. Юные друзья при-
роды весной из «котшиуровавшихся» водоемов переносят
миллионы штук мальков в реки и пруды. Растет число
лосей, европейских оленей, медведей, зайцев, лис, бобров
и пернатой дичи — уток, куропаток, глухарей, перепелов...

Свой колхоз Айдак охарактеризовал «сравнительно
передовым в своей республике и экономически крепким,
что в значительной мере явилось результатом 15-летней
усиленной природоохранной работы всех его членов». Раньше он был самым отстающим в районе. Средний уро-
жай зерновых не поднимался выше 6—8 центнеров с гек-
тара, 80 % пашни было подвержено смыву.

— А теперь?

— Приезжайте, посмотрите,— приглашал Айдак.

...Здание правления колхоза — старое, деревянное; ря-
дом строятся из кирпича столовая, магазин. (Уже показате-
ль: наперед не административные службы, а то, что об-
легчает, помогает жить людям). Входим в правление. На
стене — слова: «ОХРАНЯТЬ ПРИРОДУ — ЗНАЧИТ ОХ-
РАНЯТЬ РОДИНУ. М. ПРИШВИН».

«Ленинская искра» — этакое суверенное государство,
раскинувшееся легко и привольно посередине Чувашского
плато, со своим уставом и непреложным порядком. Кол-
хозные владения — 32 километра от одного конца до дру-
гого — около 7000 га, пашни — 4560 га. Это — деревни
Атликаси, Хочащева (там средняя школа, большая), Лап-
ракасы (по-чувашски лапра — грязь, касы — переулок...
был грязный переулок, теперь чистенькое аккуратное се-
ление), Верхние Очаки — центральная усадьба, 200 дво-
ров (40 машин личных), а всего 1228 дворов, 14 дере-
вень (в том числе две «неперспективных», маленьких, ко-
торые «на страх врагам» с ходом времени оказались вовсе
даже перспективные, существуют поныне, живут не хуже
других!). Четырнадцать деревень — ни в одном магазине
ни явно, ни тайно не продается алкоголь. Сами колхоз-
ники просили не продавать, еще до принятия известного
постановления по преодолению пьянства и алкоголизма.
Отсутствуют самогонщики — вот ведь какой фокус...

В колхозе 3587 душ, работающих — 2434. 42 специа-
листа с высшим образованием — агрономы, механизаторы,
есть лесовод, энтомолог, егеря.

Тот, кто не видал, не знает толком, что такое эрозия
(смыв и выветривание почвы), какую губительную роль иг-
рает она в судьбах человека и земли, вряд ли сможет
понять в полной мере, охватить умом размеры беды, ко-
торая ждет нас, если не одолеть ее. Остановить эрозию
очень непросто.

Здесь же, в «Ленинской искре», вообще сотворили
чудо.

Урожай бывает не столько от росы, сколько от пота,
учит народная мудрость. Да уж, верно, пота было про-
лито немало. Да и земля здесь не ахти — серые суглин-
ки.

Кое-где в деревнях сохранились ивы-долгожители:
три с половиной обхвата. Местами ивы-ивушки плакучие,
потоньше, держались еще по краю оврагов. Они-то и по-

сказали, как надобно действовать; с того и начали — с
зелени, кустарников. Дерево — союзник! Впрочем, и наука
тоже напоминала: лес, лес, лес, помнить про лес...

— В 1967 году,— говорил Айдак,— мы начали на-
ступление на эрозию. На склонах оврагов посадили около
двухсот гектаров леса, дно большинства оврагов закрепи-
ли запрудами, посадками ивы, ветлы, ольхи. Построили
54 пруда с зеркальной поверхностью в 90 га. Склоны за-
сеяли многолетними травами. Это предотвратило смыв
почвы.

Надо подчеркнуть, что высоких урожаев мы добыва-
лись и добываемся не любым путем. Давно отказались от
ядохимикатов, строго контролируем использование мине-
ральных удобрений. Все это благотворно сказалось на
флоре и фауне.

Правда, массивы полей по 250—300 га, занятых одной
культурой, изрезанные сейчас уже усмирненными в основ-
ном оврагами, с лесопосадками на склонах, хотя и ос-
ложняют несколько работу техники, но гарантируют посе-
вы от вспешек вредителей, так как энтомофаги, их есте-
ственные враги, обитают поблизости в естественных усло-
виях.

Защитив особо опасные в эрозийном отношении
приовражные и прибалочные земли, колхоз в то же время
создал прочную кормовую базу для животноводства (40—
50 центнеров сена с каждого гектара). Отныне обработка
почвы, посев и посадка ведутся только поперек склона.
Опыт говорит о большом значении агротехнических мето-
дов защиты почв от эрозии, не требующих дополнитель-
ных капиталовложений и дающих заметный эффект. Так,
к примеру, только углубление пахотного слоя с 22—25 см
до 35—40 см дает прибавку урожая зерновых до 4-х с
лишним центнеров с гектара. Ранней весной проводится
регулирование снеготаяния, цель которого — сохранение
воды. В оврагах, где процессы эрозии особенно сильны,
строятся плетнево-фашинные запруды, широко применя-
ется лоза хмеля, фашины из которой долговечны и удоб-
ны в строительстве. Материала этого вполне достаточно,
поскольку в хозяйстве имеется около девятиста гектаров
посадки хмеля. По мере заиливания сооружаются новые
запруды с посадкой ивы и тополя. Так был приостанов-
лен рост оврагов. В некоторых оврагах за счет заиливания
удалось поднять дно на 1,5 метра. Многие мелкие овраги
исчезли. В практику вошла лесомелиорация.

В колхозных прудах разводится зеркальный карп.
Есть свой питомник карпа, и если раньше мальков покупали,
то теперь сами продают (на 30 тысяч рублей еже-
годно).

Смотришь, и даже не верится, что еще недавно тут
была пустая, исковерканная, не возделанная, не пригод-
ная для хозяйственного использования земля. Исчезли го-
лые склоны, провалы. Славно, умиротворенно журчит ле-
печет родничок в тени деревьев. Захотелось испить воды —
зачерпни, отведай.

Колхоз специализирован на хмель, на семенники мно-
голетних трав (люцерна, белый и красный клевер, костер,
овсяница). Для опыления люцерны закупили канадских
пчел-мегафилл (для этого есть энтомолог-зоотехник).

О пчелах нужно сказать особо. Пчела не только по-
ставщик вкуснейшего и полезнейшего лакомства — меда,
но и опылитель растений — двойная выгода. В колхозе
создано добровольное общество пчеловодов-любителей, за
каждую пчелосемью колхозники получают 20 рублей в
год, если вывозят в поле в летнюю пору (опыляют!), и
10 рублей — если содержат у себя на подворье. В одной
маленькой деревушке — 104 пчелиных семьи. А всего у
колхозников более шестисот пчел. Есть и колхозная па-
сека.

Колхозный энтомолог Владимир Потапов усиленно
занимается проблемой размножения в естественных усло-
виях местной популяции мегафилл-листогрызцов для опыле-
ния растений. Во многих местах рядом с посевами люцер-
ны сделали специальные навесы на деревянных столбах
с многочисленными отверстиями, с кровлей из соломы и
полах крупнотельных растений для гнездования мега-

филл и одиночных ос. Одновременно эти соломенные навесы — хорошие гнездовья для воробьев, не уступающих синицам в уничтожении разных гусениц. Зимой эти навесы используются для подкормки куропаток, зайцев. Зонами покоя объявлены склоны, где живут в норах земляные пчелы.

Используется богатейший опыт известного ученого-практика Гребенникова из Новосибирска. Создано девять энтомологических заказников, где не применяют химические удобрения. Пожалуй, их можно назвать лесопарками, а также заповедниками для насекомых; здесь сенокосение делается сравнительно поздно, весной старую траву не сжигают, скот не пасут. Все эти участки — огромное «невидимое» колхозное богатство, так как они дают приют миллионам энтомофилов и опылителей, от которых в значительной степени зависит экономика колхоза.

Да, насекомые дают колхозу солидную прибыль. И в значительной мере благодаря им он смог ежегодно выделять крупные суммы на противэрозионную работу, содержать физиотерапевтический кабинет, зону отдыха, художественную и конно-спортивную школы, а также охотничье и рыбное хозяйство.

Не случайны устойчивые урожаи. Зерновые: 32—35 центнеров с гектара (сеют пшеницу, рожь, ячмень). Сыта скотина — полны подойники. Ну, а коли так, пенсионерам, ученикам в школе молоко — бесплатно.

Прошедший год колхоз закончил с прибылью 650 тысяч рублей. 63 % этой прибыли получены благодаря миру насекомых, которые оплатили сторицей за доброе к ним отношение. То есть это прибыль от реализации семян крокота, белого клевера и люцерны, которые опыляются дикими одиночными пчелами и осами, шмелями и домашними пчелами. Внушительно? Весьма. Почему бы не делать то же другим?

Вернемся, однако, к воде. Самый большой пруд — больше трех километров — около деревни. Раньше была маленькая-маленькая речушка, проложившая себе узенькую дорожку по дну лесистого оврага. Узбашку переходили вброд, почти не замочив ноги; теперь — не узнать. Из Свердловской области завезли бобров. Бобры прижились. Похоже, новое место им понравилось: богатые кормовые угодья, осина, ольха, вскоре появилось потомство, принялись ладить себе хоромы — хатки из ветвей (ну, точно как у людей: прибавилась семья — надо строить новый дом для молодых), соорудили семь плотин, подняв тем самым уровень речки — чем не гидротехника! Хотите посмотреть — пожалуйста, это почти рядом, за последними домами: крепкая плотина из жердей (это соорудили люди), поперек оврага завалилась метровой толщины осина, а над нею эдак даже очень оригинально возвышается звериная хатка. Покажется мордочка из отверстия оконца — и бух! — поплыл бобр... Их не трогают, и они не боятся.

В лесу не редкость встретить благородного оленя. Кабанов завезли из Горьковской области. Расплодился, ежегодно зимует 120—140 голов. Ежегодно ведется плановый отстрел, продукция сдается в колхозные столовые. К октябрю, началу охотничьего сезона, вес молодых кабанчиков составляет в среднем 60—70 кг, то есть среднесуточный привес получается 400 граммов — выше, чем на большинстве колхозных ферм. Никакого браконьерства!

Сурки водятся (тоже завезли). Куропатки, зайцы. (Кстати, куропатки помогли избавиться на посадках картофеля от колорадского жука). Зайцев много. Косым тут раздолье. В лесу повсюду устроены кормушки. Кабанам и оленям скармливают в среднем 25 тонн кормов. Для зайцев и куропаток заготавливают снопы пшеницы, овса. Ежегодно в центре колхоза на южном склоне остаются необработанными полгектара зерновых для поддержки прилетающих весной птиц. В иные годы для них это чистое спасение. Раз, когда вновь выпавший снег держался почти с неделю и было очень холодно, на этом пятачке негде было ступить: полгектара овса спасли многие тысячи жаворонков, скворцов. А зимой во всех четырнадцати деревнях, во всех школах устраивают кормушки для

птиц. Колхоз выдает «пак» — зерно колхозникам, и они подкармливают диких птиц зимой.

По просьбе коллектива «Ленинской искры» Совет министров республики разрешил колхозу организовать свое заповедно-охотничье хозяйство. Площадь его 8,5 тыс. га. В штате охотовед, егерь, охранник материальной базы хозяйства.

Заповедник на территории колхоза... такого мне еще не доводилось слышать! Около деревни Лукасы. Там мощные родники, сильно заболоченные луга. Раньше горф добывали. Как взяли под охрану — появились дикие утки, гуси, моментально обжили цаплицы, бекасы, болотная дичь. Кулики, чирки, серые цапли, лебеди, обширные колонии пернатых... Рыба в прудах, молодь, птицам есть чем питаться. Чем не житье!..

Что еще добавить? Большое внимание в колхозе уделяется охране, использованию и воспроизводству лекарственных трав, грибов и прочего. Ежегодно увеличиваются площади черноплодной рябины, облепихи. Плоды дикорастущих ягод, трав, грибов используются в колхозных столовых. Зверобой идет в чай, из ягод, грибов приготавливают кулинарные изделия.

Выращивается конопля. Тоже доход. (Древняя культура, прежде носили всё из волокна конопли — и рубашки, и штаны). Картофеля — 100 га (получают 250—260 центнеров с гектара).

Что же в конечном итоге? Как отразилось все это на благосостоянии колхоза и житье-бытье его тружеников?

За двадцать лет колхоз стал неузнаваем.

Три фермы — овцы (больше тысячи) и крупный рогатый скот (черно-пестрые и красная порода, надой на корову в среднем около 4000 кг молока). Кулинарный цех (есть магазин кулинарии). Хмельцех (у них цеховая система). Построено пожарное депо. Здесь проходил Всероссийский противопожарный семинар (1984 г.). Колхозный зубоветеринарный пункт. Наметили строить больницу на 50 мест, среднюю школу, новый клуб.

Кроме того, имеются: музей натурального хозяйства (можно видеть, как жили деды, как землю обрабатывали), детская художественная школа, зеленый театр (летом артисты приезжают, выступают на эстраде), школа верховой езды. Увлекаются конным спортом, устраивают скачки...

Среднемесячный заработок в колхозе не менее 150 рублей. Молодежи, если выделяются из семьи, 5000 рублей на обзаведение колхоз выделяет безвозвратно. Никто и не уезжает, не рвется на сторону. Уж коли обзавелся недвижимостью — осел накрепко. Отсюда и никакого дефицита рабочей силы.

«ДРУЖАТ ЛЕС, РЕКА И ПОЛЕ», писала про колхоз «Ленинская искра» газета «Сельская жизнь» (В. Гончаров). Я бы добавил: И ЗВЕРИ, И ПТИЦЫ, И ЧЕЛОВЕК.

Мы говорим о гармонии жизни человека и природы, сколько ученых статей написано на эту тему! Мне кажется, колхоз «Ленинская искра» практически, подчас руководствуясь каким-то шестым чувством, достиг того, что позволяет сказать, что он стоит на пороге этой гармонии, на пороге новой эры взаимоотношений с природой.

Мы долго стоим на берегу одного из прудков. Кругом зелено, деревья, кусты, чистая травка. Радует глаз, отдыхает душа. Другая сторона — разведенный красный овраг. Там совхоз «Быльский», бушует эрозия. Наглядно! Увы, не все восприняли положительный пример «Ленинской искры»...

Айдак нашел дорогу к сердцам людей. Все он. Как сделать родимый край богаче, краше. Его идея. Его подержали... Айдак, Айдак, это имя слышишь постоянно, оно почти непрерывно на устах у людей, звучит как заклинание, как порука надежности всего того, что у них делается.

Аркадий Павлович Айдак здесь с 1964 года. Честнейший человек, говорят про него. Скромный. Даже на пленум ВООП с сообщением о природоохранных делах колхоза ездил за свой счет. Родился в соседнем колхозе, коярной чуваш. (Там его ждут по сей день, тешат себя

надеждой: «Мы его все равно перетащим»). Окончил педагогический институт в Чебоксарах. Ныне депутат сельсовета, депутат Верховного Совета Чувашской АССР. Мыслит экономически, много читает, переписывается с крупнейшими учеными страны; животноводство, агротехнику — все понимает в лучшем виде, как специалист первой руки. Психолог, характером тверд, от своих убеждений не отступит. («Хоть на костре сжигай», — говорили товарищи в его отсутствие.)

А еще говорили: «Для себя не жил человек». В 1984 году построили ему (можно сказать, против его воли) двухэтажный домик; до этого ютился с семьей в старой развалюхе. Так ведь сколько еще пришлось уговаривать, чтоб переехал. Ему около пятидесяти, имеет четверых детей (два мальчика, две девочки), жена — педагог, преподает английский (у них же здесь, в школе). Она из той же деревни, что и он.

Сказывали старики, исстари в чувашских селениях был порядок: если опозорился кто — украл что-нибудь у соседей, — воровской признавалась вся его семья; и если вышла замуж дочь и привела в эту семью зятя или, напротив, женился сын и привел невестку, они тоже признавались за вора и воровку; и не было никому из них доверия и уважения, одно презрение да осуждение — и так сохранялось по третье колено. И оставалось вору одно — уходить темной ночью тайком куда глаза глядят, расставаться с родной деревней и деревенскими друзьями, проститься навсегда. А как память о том оставался пустой дом, в котором никто из местных жителей не хотел жить...

А если случалось еще хуже и горше того — убивал кто родню или друга на свадьбе, приезжего гостя на празднике либо грабил проезжего на дороге, то ставился у входа в эту окаянную деревню или проклятое то село черный столб дубовый. Никто не вправе убрать или срубить, спилить его, скрыть от глаз людских. И пока не сгниет он, село или деревня остаются проклятыми, никто сюда не заглядывал, не приезжал, и постепенно они чахли, вымирали, разбегались жители...

Не такую ли службу несет засохшая мертвая береза, напоминая немо, что нельзя быть человеку разорителем и погубителем отцова наследия — земли? И что сделал тот самолет-убийца с другими березами и другими местами, где посыпал своим убийственным ядовитым зельем-порошком... Нет, не желают они — жители «Ленинской искры» — быть грабителями, ворами, расхитителями-распутниками и погубителями родной земли; а хотят они жить в дружбе с матерью своей, кормилицей-полицей, беречь да холить ее, сохранить навечно да отращивать новые корни, — лишь тот, кто крепко соединен с нею, врос глубоко и надежно корнями, обретает счастливую долгую жизнь да славу.

Вот какую историю поведала нам одинокая береза, безмолвно стоящая за околицей в чистом поле.

**Юрий
ЛОБАНЦЕВ**

Маяковский на выставке «XX лет работы»

«Дул, как всегда, октябрь ветрами...»

В. Маяковский
«Ветер, ветер, на всем божьем свете!»
А. Блок

Октябрьские ветры...

Неужто ушло?..

Пахнуло державностью плоской.
Сутулые плечи несет тяжело
по выставке лет Маяковский.

Окатызал смехом. Срывался на крик.
Как рифмы закручивал лихо!
Но вдруг

среди громких плакатов и книг
так страшно безлюдно и тихо...

Москва запыхалась, спеша за халвой —
совпаспорт и зубы — на месте.
Битком — в «Трикотажах»,

а здесь — никого,
как будто бы на Эвересте...
Конечно, вершиной владеть нелегко:
взберешься — не вышло бы боком!
Быть может, не стоило так высоко,
и не было б так одиноко?

...Дул ветер — да что-то прилег у ворот.
— Вам слышно, любезный Сан Саныч?
Стихи и сейчас уважает народ,
но как-то все более —
на ночь...

«А что же — поэты?
Им просто грешно
не вспомнить про ваше соседство!»

— Э, бросьте! Громадное сердце равно,
с их кочки, — отсутствию сердца...

«Но славили вы
атакующий класс,
так где ж пролетарские братцы?»
— Льнут к «раппам».
Нельзя выделяться из масс —
ведь это и есть — отделяться.
«А «лефы»?
Для них вы — надежда и флаг!
Не им, то кому вы роднее?»

— Все пьют из речушки по имени «Факт».
По мне, выше факта — Идея.

...Стихи призывают. Плакаты орут.
Жизнь хочет другого искусства?
Пусть ветры притихли — вершины зовут,
и в душах без этого — пусто!

Идет Маяковским усталая честь,
дыша несдающей бурей —
сквозь долгое время,
которое есть,
в такое, которое будет.

Юрий НАДТОЧИЙ

Рис. Сергея Копылова

«Здесь погребен дворянин Батеньков»

14 декабря 1825 года войска и сенат присягали Николаю I. Этим днем решили воспользоваться декабристы, чтобы принудить сенат объявить о «новом состоянии вещей». Получив от донсчани известие о возможном выступлении дворянских революционеров, царь приказал держать день присяги в глубочайшей тайне.

Кто же эту тайну раскрыл и тем самым подал сигнал к восстанию?

Чтобы узнать это, необходимо перечитать следственные дела судилища, названного его устроителями Верховным уголовным судом.

Вот строки из ответа капитан-лейтенанта Николая Бестужева на вопрос следственного комитета: «...Я слышал 13 числа одно, что он (Батеньков) видел М. М. Сперанского, который, возвратясь из Верховного совета, объявил ему, что на завтрашний день назначена присяга Его Величеству Николаю Павловичу...».

Итак, имена раскрывших тайну названы: Гавриил Степанович

Батеньков и Михаил Михайлович Сперанский.

Обоих декабристы прочли в будущее временное правительство. Оба, к сожалению, мало известны широкому читателю, знакомому с историей по школьным программам.

28 декабря 1825 года инженер-подполковник Батеньков был арестован.

29 декабря в присутствии Сперанского его допрашивал Николай I.

Батеньков, спасая «старшего друга», отрицал показания Бестужева. Надо сказать, что Гавриил Степанович на допросах вообще никого не называл. Его показания сохранились.

«...Я не только был член тайного общества, но член... деятельный. Предприятие, план его, цель покушения — все мне принадлежит или во всем я принимал участие».

Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим. Оно... состояло из людей, коими Россия всегда будет

гордиться. Ежели только возможно, я имею полное право и готовность разделить с членами его все — не выключая ничего. Цель покушения не была ничтожна, ибо она клонилась к тому, чтоб ежели не оспаривать, то по крайней мере привести в борение права народа и права самодержавия.

Покушение 14 декабря не мятеж... но первый в России опыт революции политической. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них; ибо, хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался...

Подпись: подполковник Батеньков.

Дата: марта восемнадцатого, 1826 года».

Убийственное самообвинение, которое содержится в показаниях Батенькова, он позже назовет «действительно ложным»: «Кроме меня, назначались членами временного правительства господа

Мордвинов и Сперанский; но я не желал, дабы последний из них... вступил в оное, зная, что при нем не мог бы уже я играть главной роли, скрывал от него сию связь и даже после происшествия 14 декабря не признавался ему ни в каком по сему делу сношении.

Таким образом, я имел надежду... управлять государством именем его высочества Александра Николаевича (будущего Александра II.— Ю. Н.), занять место истинного утвердителя в России представительного правления и прославиться приведением в действие многих полезных предложений».

Сперанский будет спасен. Он даже станет участвовать в... составлении некой выписки из 15-го протокола утреннего заседания Верховного уголовного суда от 3 июля 1826 года:

«...О подполковнике Батенькове. 21 член полагают: по 3-му разряду, лиша чинов и дворянства, сослать временно в каторжную работу, а потом на поселение; 1 член: вечную ссылку; 1 член: в каторжную работу вечно, но лучше в крепость запереть; 2 члена: повесить».

Спасая свою жизнь, Сперанский голосовал за казнь Батенькова.

Из воспоминаний декабриста Николая Тургенева:

«Сперанский был одним из самых передовых людей своей эпохи...», «...будучи человеком невысокого морального уровня, обладал слабым, гибким характером».

Нельзя сомневаться, что Сперанский понимал, как использует Батеньков полученную от него информацию о дне присяги Николаю I. Тем более что сам Батеньков делал попытки привлечь Михаила Михайловича к деятельности тайного общества. Сперанский уклонился. Батеньков поступил так, как подсказывали ему честь, совесть, долг...

А теперь хотелось бы вернуться из первой четверти века XIX в последнюю четверть века нашего — XX. Речь пойдет тоже о чести, совести и долге.

Действие происходило в Тульской области, Белевском районе, на окраине довольно большого села Петрищева, куда я специально приехал из Тобольска. На разбитой мраморной плите мирно

сидели два небритых гражданина, потребляя напиток под названием одеколон «Ермак».

Стоял серенький декабрьский денек, и голое заснеженное пространство передо мной, которое оживляло разве что присутствие вышеупомянутых граждан, казалось поразительно заброшенным и никому не нужным.

На мраморной плите можно было прочесть надпись: «Здесь погребен дворянин Гавриил Степанович Батеньков. Родился в Тобольске 25 марта 1793 года. Скончался в Калуге 29 октября 1863 года. Мир праху твоему».

Сограждане торопливо прятали зеленый флакончик, дышали запахами парикмахерской, радовались, что я не из народной дружины или милиции.

Я рассказал своим нечаянным собеседникам и о страшном двадцатилетнем одиночном заключении Гавриила Степановича Батенькова в стенах Петропавловской крепости, и о его вкладе в промышленное освоение Сибири, о практическом участии в подготовке отмены крепостного права здесь, в тульских и соседних калужских краях...

«Ты не осуждай нас,— повторяли эти двое.— Мы что? Отгул заработали, проводим время. А так, все уберем. Мусора не оставим. Мы разумеем!».

Могила Батенькова не впервые привлекла внимание прессы. Еще 12 января 1966 года в местной областной газете «Молодой коммунар» была опубликована заметка «Беспризорный памятник старины» — о необходимости позаботиться о могиле в селе Петрищево Белевского района. Через десять лет газета выступила со статьей «Все тот же кустарный обелиск». Белевский районный отдел культуры на это сообщил, что вопрос о благоустройстве могилы Батенькова рассматривался 30 мая 1975 года на исполкоме Белевского райсовета депутатов трудящихся. «Было предложено дирекции совхоза «Заря», на территории которого находится захоронение, за счет средств совхоза произвести благоустройство места, связанного с памятью декабриста».

Судя по результатам, это была отписка. Факт подтверждает статья «Еще раз об увековечении памяти декабриста Г. С. Батенькова», опубликованная в «Белев-

ской правде» 25 октября 1980 года: «Вопрос о благоустройстве места погребения Батенькова остается столь же острым, как и ранее».

1 октября 1985 года в газете «Молодой коммунар» выступил белевский краевед А. Куртенков. Он напомнил, что рядом с Батеньковым были похоронены Алексей Андреевич Елагин, а также Авдотья Петровна Елагина, мать известных писателей, собирателей русского фольклора братьев Киреевских, писательница, переводчица, одна из умнейших женщин XIX века. Некогда гостями знаменитого «елагинского» литературного салона были Герцен, Грановский, Чаадаев, Гоголь... Стоило бы и эту могилу отметить памятной мемориальной доской.

В Тобольске есть общество «Добрая воля». Его участники — рабочие, учащиеся, интеллигенция — практическими делами способствуют сохранению, реставрации исторических памятников города. На заседании общества была высказана мысль: не перенести ли прах нашего земляка Г. С. Батенькова на его родину — в Тобольск, к могилам декабристов С. М. Семенова, А. П. Бярятинского, С. Г. Краснокутского, В. К. Кюхельбекера, А. М. Муравьева, Ф. Б. Вольфа, Ф. М. Башмакова.

В музее-усадьбе В. А. Жуковского, расположенной недалеко от Белева, мог бы обрести покой прах Елагиных. Потому что вряд ли возможно облагородить то невзрачное место, где ныне похоронены эти замечательные люди.

Мнения о судьбе захоронения декабриста могут быть разными. Ясно одно: непризорным памятник оставаться не может. Гавриил Степанович Батеньков много сделал для Сибири, для всей России. Долги надо возвращать.

Такое время: дни как годы...

Николай МЕРЕЖНИКОВ

ПОД ТУЧАМИ

Словно зернышко печали —
Солнце
в зыби-толчее.
Не избыть никак молчанья
Дымной иве-плачье.

У нее листва
немая.
И, накатист и силен,
К ней, беззвучной, подступает
Жизни шум
Со всех сторон.

Все оплаканы —
и нету
Слов, наверное, таких,
Чтоб с того, иного света
Воротить
На этот их.

Все оплаканы —
и немо
Никнет-стелется она.
Мир просторен, как поэма.
В даль открыты
Времена.

ПОМНИТСЯ

Наш физик, он же наш директор,
Был стар. Теряя мысли нить,
Он начинал листать конспекты,
Чтоб ход ее восстановить.

И я: — Да это же шпаргалка! —
Не смог однажды утерпеть.
Мне было старости не жалко,
Я не умел еще жалеть.

Приятно правду-матку резать:
Я — вновь герой, и вновь я прав.
Но это правота железа —
Над правотой бесправных трав.

Ух, как он вспыхнул, как он сжался:
— Вы это мне?! Учту — и впредь...
Учту... Учту...
А вам я, мальчик...
Вам... не советуя стареть...

Давно схронен тот директор,
И где бог весть его конспекты,
И я — в его годах уже,
А уютно все в душе.

Как вспомню — будто онемею,
А надо что-то вымолвить.
Стою и глаз поднять не смею.
Я опоздал с мольбой своею,
Прощенья мне не вымолить.

ВОЛШЕБНЫЙ ТОТ РОЖОК

Уже легенд и сказок минул срок.
Жизнь требует глядеть на мир
трезвее.

Будь у меня
Волшебный тот рожок,
Куда бы за собой
Увел детей я?
Из шумных городов и тихих сел
Куда бы их я за собой увел,
Надежду нашу,
Будущность людскую?
В какую даль?
В какой цветущий дол?
В какую крепь? В какую глушь
лесную?

Они бы хоть куда легко пошли
За песенкою незамысловатой.
Куда же всех детей
Со всей Земли
Мне увести?
Где скрыть их?
Где упрятать?
Есть тропы и дороги —
Проку нет.
Что толку от мечтаний и идиллий?
Над всем живым нависла
Тень ракет,
И все они дороги перекрыли.
Я мог бы увести их...
Мог бы... мог...
Но не тревожься,
Спи спокойно,
Гаммельн.
Не вскину я
Волшебный свой рожок,
Не вскину, не коснусь его губами.
К губам его решусь я поднести,
Когда всё спит, в часы перед
рассветом,

Чтоб не детей
С планеты увести,
А увести навек с нее
Ракеты.

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Такое время: дни — как годы,
И каждый полон новизной.
В нас в каждом что-то происходит
И к жизни движет нас иной.

А было так, что не дозваться:
Звук отбивало, как от стен.
Нельзя душой не отозваться
На эхо стольких перемен.

Живые судьбы, свет творимый
И постижение глубины...
И если жизнь проходит мимо,
То не избыть своей вины.

Тогда ничем не оправдаться
Перед бесхлебным трудоднем,
Перед звездой могилы братской,
Крест-накрест забраным окном.

ДОЖДИ... ДОЖДИ...

Ну, что ж, не первый выпал случай —
Земле попасть во власть дождя.
Сиди один, сиди и мучай
Все той же думою себя.
Как будто ты один на свете
Сдвигаешь брови тяжело
И больше некому ответить
За то, что было и — прошло.
Собою, как цветущей ветвью,
Дни будущие огради.
Беда, когда и там ты встретишь
То, что осталось позади:
И мысль, угаснувшую в быте,
И жизнь заветам не под стать.
Ты жив, а прошлое в обиде,
Что не смогло
Великим
Стать.

Свои первые стихи Николай Мережников опубликовал в начале пятидесятых годов. Сейчас он автор шестнадцати поэтических сборников, выпущенных в издательствах «Советская Россия», «Современник», «Молодая гвардия», «Малыш» и Свердловске.

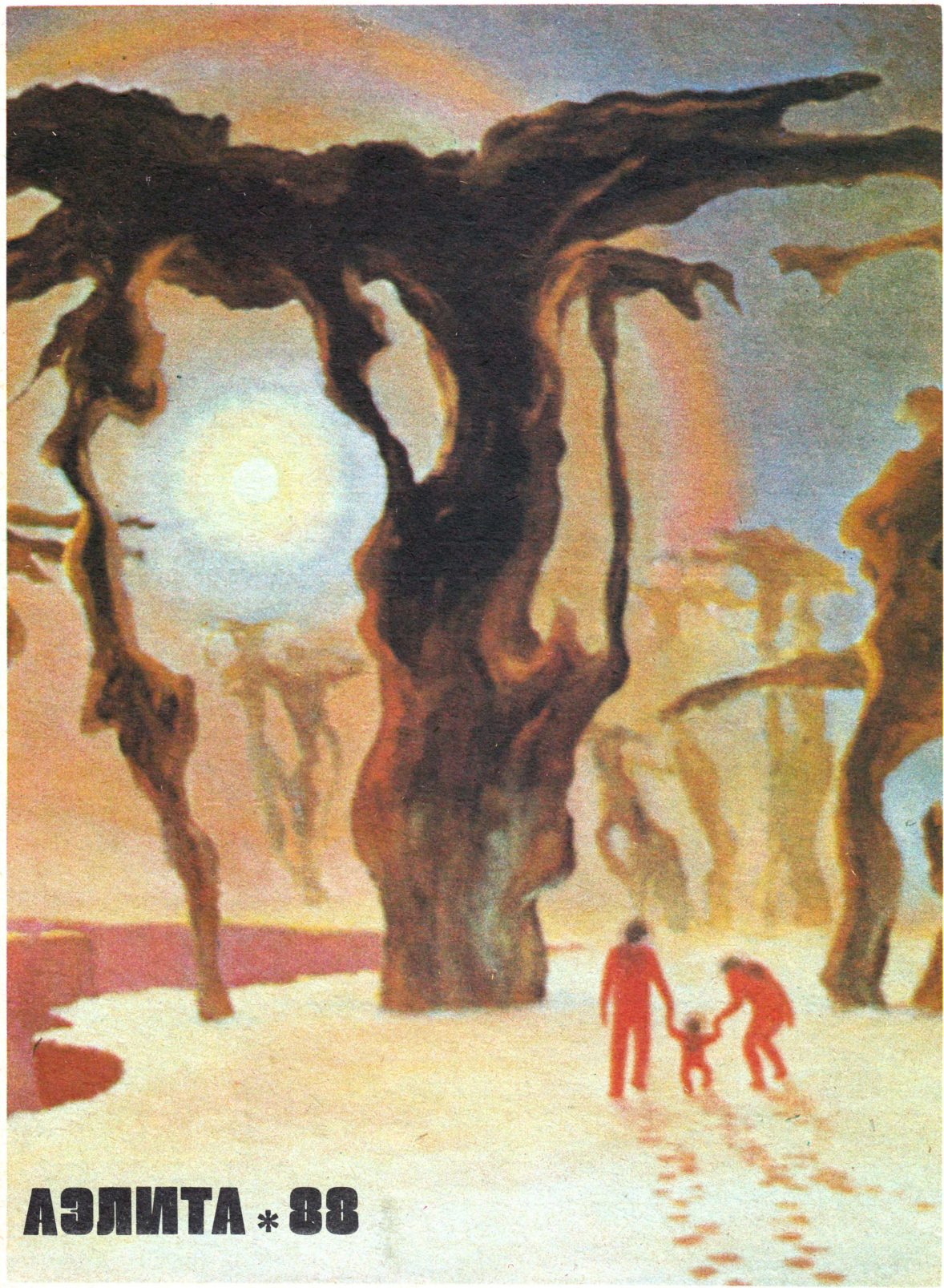
Стихи Н. Мережникова можно часто встретить на страницах многих всесоюзных и региональных журналов. Он постоянный автор «Уральского следопыта».

Николай Яковлевич Мережников — член Союза писателей СССР с 1976 года.

Живет и работает в г. Свердловске.

Рисунок Евгении Стерлиговой

АЭЛИТА * 88

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА (фрагмент), В. Бурмистров, Свердловск.

Василий
Головачев

[199]

ПОВЕСТЬ
ВЛАДЫКИ

Павел засмеялся.

— Выходит, я все придумал? Легко проверить.

— Я констатирую факт: вас никто не вызывал. О том, что вы якобы «вызваны» в наш сектор, стало известно совсем недавно, случайно. Еще вопрос: полет к пылевому кольцу таил в себе опасность?

— Как вам сказать? — Павел не сразу собрался с мыслями. — Вообще-то риск был, тем более что именно там и пропал разведшлюп. Но до меня в кольцо побывали десятки людей на таких же модулях, к тому же я не работаю один, со мной была бригада поиска и поддержки...

— И все же риск был... Я, кажется, понял.

— Зато я ничего не понимаю!

— Сейчас поймете. Вспомните последнее. Сегодня утром вы решили пройти по вектору от Ствола, посмотреть на странные явления: свечение стратосферы, «пузырь отталкивания», так?

— Признаюсь, это было лишним. Нет сомнений, что свечение и все остальное связано со Стволом. Но я не знал, что делать.

— Во время полета вы разговаривали?

— Со службой координации транспорта и патрулем.

Окончание. Начало см. в № 11.

— Вас останавливали?
— Дважды: у зоны свечения и у «пузыря отталкивания».

— Что говорилось при этом?

— Дословно не помню, но что-то вроде: «Вы в опасной зоне», «Включите локаторы» и «Не мешайте работе».

— Дело в том, что с вами никто не разговаривал! Во всяком случае, никто из людей. Коррекцию траектории полета осуществляют автоматы, а они не запрограммированы вести переговоры с пилотами всех видов транспорта. Были слышны только ваши реплики — и ни слова тех, кто с вами разговаривал.

Павел молча смотрел на Ромашина. Тот слабо улыбнулся.

— Интересно, правда? Хотите верить, хотите нет, но за вами установлено наблюдение. Хотелось бы знать, кто этот неизвестный радатель, волнующийся за вашу судьбу.

Павел оценил скрытый подтекст речи начальника отдела: если бы ему не доверяли, этого разговора не было бы.

— Если все это связано с лабораторией, — продолжал Ромашин, — а иначе все происшедшее с вами теряет смысл, то вывод напрашивается сам собой: кто-то — не люди — назначил вас главным исполнителем по выключению Ствола и печется, чтобы, не дай бог, до похода в Ствол с вами ничего не случилось!

— Даже сказать нечего, полный сумбур в голове! — Павел погладил шею у затылка. — Но почему я? Чем я им так понравился?

— И нас интересует этот вопрос. Вам придется пройти медосмотр в полном объеме и психологическое тестирование, не возражаете?

— Согласен, если это необходимо. Но я понял, что наблюдают за мной не только неизвестные лица, но и коллеги?

— Это вынужденная мера, вы же понимаете. Если мои предположения верны, вам ничто не угрожает... в ближайшем будущем. Свое наблюдение мы снимем, но помните, что основные наблюдатели остаются. Кто они — друзья или враги, я не знаю. — Начальник отдела положил руку на плечо Павла. — Я все понимаю, Павел. Утешать не буду, утверждать, что все кончится хорошо, тоже. В данный момент, уж ты прости, я думаю не о тебе и не о себе. На карту, по словам Златкова, поставлено будущее Мироздания, и что-то мне подсказывает, что он не на много преувеличил опасность. Конечно, для нас с тобой все равно, что будет со Вселенной, если исчезнем мы сами. Но у нас нет выбора — кого спасать...

— Не надо меня убеждать, — тихо сказал

Павел.— Все, что от меня зависит, я сделаю.

— Тогда иди. Наблюдение снимем, нет смысла дублировать... неизвестно кого, хотя у нас была другая цель — выйти через тебя на этого наблюдателя.

Павел вышел из кабинета. Ему предстояло долго разбираться во всем, что он услышал от Ромашина. «Почему же все-таки выбрали именно меня? — подумал он, открывая дверь своего кабинета. — Чем я отличаюсь от других? Кто я? Вот именно — кто?!»

Он поднял голову, словно хотел увидеть наблюдателя, но увидел над собой только голубой потолок.

Заседание Совета безопасности Высшего Координационного Совета Земли проходило в малом конференц-зале УАСС.

С большинством присутствующих — представителями УАСС, Земплана, ВКС, социальных институтов — Павел знаком не был. Двоих или троих встречал в Управлении, директора УАСС видел в третий раз и лишь Ромашина и Златкова знал достаточно хорошо.

На центральное возвышение зала взошла незнакомая темнокожая женщина в сари, с пышными седыми волосами, в которых по-сверкивали радужные капли. Женщина была немолода и некрасива, но взгляд выдавал в ней человека незаурядного и сильного.

— Заседание Совета безопасности объяв-

ляется открытым, — сказала она певуче на интерлинге. — Кворум соблюден. Прошу помнить, решения заседания обретают силу закона. Экстренное сообщение сделает начальник отдела безопасности земного сектора Ромашин.

Женщина села за стол, привычно набрала шифр записывающей аппаратуры, приблизила к себе усик переводчика. Ромашин занял ее место. Павел невольно напрягся, до него вдруг дошел смысл слов «Совет безопасности». Решения этого органа не могла отменить даже генеральная ассамблея ВКС.

— Начну с того, что вы уже знаете, — проговорил Ромашин, глядя поверх голов присутствующих. — Две недели назад произошла катастрофа в лаборатории времени, в результате которой погибли пятьдесят шесть человек. За две недели расследования причин катастрофы удалось установить, что хроноускоритель — Ствол, как мы называем для краткости, продолжает работать, хотя и неизвестно, откуда он черпает энергию. С гипотезами ученых вас ознакомит заведующий лабораторией, доктор хронофизики Златков, я же приведу несколько примеров. По данным статистического управления за последние две недели резко возросло количество несчастных случаев, как на Земле, так и в Системе, увеличилось число аварий. Кроме того, по данным «Скорой помощи», за те же две недели возросло количество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Прослеживается прямая корреляция между работой Ствола и негативными явлениями в жизни планеты.

Ромашин посмотрел на Павла и отвел глаза.

— Вокруг Ствола накапливаются нарушения природной среды, погодный баланс разрушен, синоптики с трудом справляются с нарушением погодного равновесия в масштабах материка. Поддерживать равновесие с каждым днем становится все трудней. Нет смысла обвинять СЭЖОН в некомпетентности, в том, что он разрешил эксперименты со временем, не просчитав всех последствий. Главное сейчас — не допустить развития катастрофы.

Начальник отдела снова посмотрел на Павла. Волнуется, догадался тот, за меня волнуется!

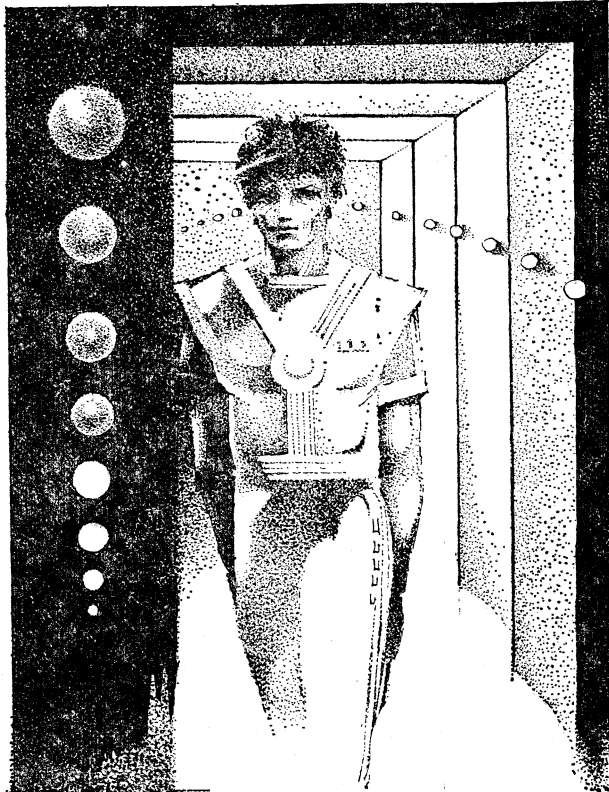
— Однако появились дополнительные факты, заставившие нас задуматься, — продолжал Ромашин. — А именно: мы, то есть человечество, находимся под контролем. Факты проверены, сомнений нет.

Реакция слушателей показалась Павлу забавной: все остались спокойными, задумчивыми, даже рассеянными, словно то, что они слышали, не выходило за рамки привычных представлений. Ромашин же отлично знал, с

(200)

Аэлита-88

Журнал в журнале

кем имеет дело, и точно, сжато перечислил факты, в том числе и о загадочном вмешательстве в поступки Павла неизвестного лица, позволявшем сделать вывод о контроле над людьми, пусть и не над всем человечеством, но хотя бы над теми, кто был так или иначе связан с катастрофой в Брянском лесу.

— И последнее,— сказал Ромашин, оставаясь бесстрастным, как и все остальные.— Вы слышали об открытии необычных явлений, каким-то образом связанных с работой Ствола: свечение в верхних слоях атмосферы, «пузырь отталкивания» материальных тел на высоте в десять тысяч километров над Землей, область поглощения у полюсов эклиптики. Все эти участки пространства укладываются на векторе, идущем из одной точки на поверхности Земли— из района расположения Ствола. Мы проверили этот вектор и дальше в космосе, сначала до расстояния в десять парсеков— не верилось, что дальное действие работы Ствола распространяется так глубоко в космос,— никаких сюрпризов. Семнадцать парсеков— новая область отталкивания размером в полтора световых года. Тридцать четыре парсека— еще одна область поглощения диаметром около семи световых лет! Предел наших космолетов, как вы знаете, сто парсеков, так далеко уходили только одиночные автоматы-разведчики, рискнули и мы. На сто втором парсеке крейсер «Славутич» воткнулся в ничто!

Ромашин кашлянул, отпил несколько глотков сока из бокала.

— Экипажу крейсера удалось спастись на автономном «панцире», их подобрал шедший в кильватере «Тиртханкар». Конечно, ничто— пожалуй, слишком сильно сказано, но то, что увидели разведчики, иначе назвать нельзя. Звезды впереди исчезли! Сзади все было, как и прежде, впереди— чернота! Корпус крейсера стал таять, испаряться... Знаю, звучит неправдоподобно. Нонсенс, чушь! Но,— Ромашин развел руками,— факт! А потом мы послали разведчиков по другим направлениям, и оказалось, что область пространства в радиусе ста парсеков от Солнца окружена той же субстанцией, в которой бесследно пропадают зонды и беспилотные модули. Млечный Путь исчез, будто все миллиарды его звезд погасли! Погасли и другие галактики, их свет за пределами стапарсековой сферы умер! Я не знаю, в чем тут дело, никто не знает. Сфера «нормального» пространства продолжает уменьшаться, звезды на ее границе гаснут, перестают светить. Мы свертываем экспедиции, эвакуируем колонии у иных звезд. Паники еще нет, но...— Ромашин замолчал.

У Павла вспотели ладони, он был потрясен. «Эра Больших и Могучих Дел!»— вспом-

нил он ироническое высказывание Марича. Неужели все это— следствие катастрофы в лаборатории времени?!

— И выхода нет?— раздался чей-то негромкий голос.

— Есть. Надо выключить генератор хронораспада. Поскольку тот, кто установил контроль над нами, не навязывает своей воли, своего решения, значит, мы пока действуем правильно.

— Но ведь в Ствол пройти невозможно, вы сами говорили.

— Да, риск смертелен и нет гарантии, что удастся выключить генератор. Но у нас нет иного выхода!

— Уже есть кандидатуры?

— Инспектор космосектора Павел Жданов.

Павел встал. Он ждал вопросов, но члены Совета молчали. Им не надо было долго разъяснять положение дел, и на что идет инспектор, они тоже понимали.

На возвышение вышел Златков.

— Не буду утомлять вас теоретическими выкладками,— начал он, более урюмый, чем обычно. Физик осунулся, под глазами легли тени, возле губ пролегли складки, глаза сухо блестели.— Хронофизика пока остается наукой скандальной, ибо многие ее парадоксы каждый теоретик объясняет по-своему. И все же я попытаюсь свести гипотезы физиков, или хотя бы большинства из них, в одну... Итак, всех волнуют три вопроса: почему произошла катастрофа, чем все это кончится и что делать? Отвечаю по порядку. Катастрофа произошла из-за вмешательства извне. Расчеты специалистов сходятся полностью: с нашими энергиями и техникой «проколоть» время глубже миллиарда лет мы бы не смогли. Тем не менее это произошло! Другой вопрос— кто вмешался? Тут мнения расходятся. Многие считают: иной разум. Есть даже гипотезы— вроде той, что это работа «землян из другого угла времени». Я же считаю, что вмешались наши потомки, использовав наше оборудование для своих целей. Основания так считать у меня есть: доказано, что Ствол проник не только в прошлое, но и в будущее, чего не удавалось ни в одном из прошлых запусков... Вопрос второй: чем грозит вышедший из-под контроля эксперимент? По-моему, из сообщения Ромашина вы уже поняли ответ. Последствия эксперимента сказываются не только на Земле, но и в глубоком космосе: на расстоянии в сто парсеков от Солнца исчезли звезды, изменилась картина привычной нам Вселенной! Одно из двух: либо это проявление фиолетового смещения— сжатия Вселенной, либо свидетельством того, что мы замкнуты в своеобразной петле времени. Но в том, что мы не исчезли сразу после хроно-

прокола — Земля, Солнечная система, ближайшее звездное окружение, — я вижу великую надежду! Надежду на то, что не все потеряно и еще можно что-то сделать, чтобы уцелеть. И вместе с нами надеются те, кто все это устроил, виновники катастрофы, наши правнуки. Почему они не могут сами исправить содеянное, я не знаю. Но у нас самих есть шанс. Вот мы и подошли к третьему вопросу: что делать? Ответ прост: необходимо выключить хроноускоритель. Время само «вытолкнет» хроноген в нашу эпоху, и все вернется на круги своя... или не вернется!

Златков умолк.

— Но для каких целей иной разум или наши потомки использовали хроноускоритель? — спросил самый старый из членов Совета.

— Да, — очнулся Златков. — Это лишь предположение, но уж очень хорошо оно укладывается в прокрустово ложе имеющихся данных. Всю информацию, все догадки и гипотезы, теоретический аппарат хронофизики и физики вакуума, космологии и теории сингулярных состояний я вложил в большой «мозг» Академии наук. И получил ответ: хроноген «провалился» в самое начало времен, и возможно, именно в этом причина Большого Взрыва, взрыва космического «яйца», породившего нашу Вселенную!

Члены Совета переглянулись, кое у кого впервые промелькнули на губах легкие улыбки, только Павел поверил Златкову сразу. Но умудренные опытом члены Совета безопасности не стали доказывать Златкову, что его идея — всего лишь порождение человеческой мысли, пусть и пропущенной через умную машину; каждый из них уже принял решение, и теперь следовало из двух с лишним десятков решений составить одно самое верное в создавшейся ситуации. Павел внутренне поежился, представив, какое бремя ответственности несут эти суровые, молчаливые, сдержанные люди: от их решений сейчас зависела судьба человечества в целом...

Златков понял реакцию присутствующих, но не обиделся. Он и сам на их месте отреагировал бы так же.

К столу вышел Костров.

— Нет смысла лишний раз утверждать, насколько серьезные заявления Ромашина и Златкова. Предлагаю следующее: сконцентрировать усилия лучших умов человечества для разработки способа проникновения внутрь хроноускорителя, срочно подготовить дублеров Жданову, установив причины отбора его неизвестным наблюдателем, попытаться связаться через Ствол с теми, кто нас контролирует, и наконец сообщить о случившемся человечеству — люди должны знать все! Это

главное, что должен решить Совет. Остальное — забота подкомиссий. Я имею в виду вопросы энергозатрат, эвакуации, перехода УАСС на всеобщий «Шторм» и так далее. Прошу высказываться...

Спустя час Павел шел с Ромашиним в медцентр Управления, где его ждали медики-эксперты со своей головоломной аппаратурой. У двери в медцентр начальник отдела придержал Павла за руку.

— Дальше я с вами не пойду. Не знаю, что вам сказать, прежде чем вы... Понимаете? Волнуюсь.

— Спасибо, — пробормотал Павел. — Я тоже, честно говоря, волнуюсь. Ничего говорить не надо, и так все понятно.

— Наверное, действительно не надо. Слова на язык просятся какие-то слишком громкие, трескучие, вроде: «за спиной Земля», «от вас зависит судьба цивилизации»...

Павел невольно улыбнулся.

— Не мучайтесь, Игнат, тем более что судьба мира не только в моих руках.

— Судьба мира... — сказал Ромашин так, что улыбка застыла на губах инспектора. — Помните философское определение времени? Время — это имманентное свойство мира, связанное с характером происходящих в нем изменений. Смысл фразы ускользает, прячется, несмотря на то, что все слова известны и понятны. Теперь мы точно узнали, что время — основа мироздания! Жаль, что поздно...

— Может, еще не поздно?

— Может быть. Как выразился Златков: есть великая надежда! Надежда на то, что человек одновременно беспомощен и всемогущ. Идите. Буду ждать вас у себя.

Ромашин отпустил руку Павла и направился по коридору к лифту, прочь от двери с надписью: «Медицинский комплекс УАСС».

После всесторонней проверки в медцентре Управления Павел прошел медосмотр и психологическое тестирование в Институте проблем медицины Академии наук, но никаких отклонений от нормы в его здоровье, психике, в работе нервной системы отыскать не удалось.

— Вы не бог хладнокровия, — сказал ему, пожимая руку на прощание, директор Института академик Латышев, — но исключительно уравновешенный, координированный, абсолютно здоровый человек. С чем и поздравляю!

Речь академика тяготела к использованию слов в превосходной степени, видимо — старая закалка лечащего врача, но после встречи с ним Павел чувствовал себя увереннее и бодрее.

Вечер он провел в архиве Управления, а

утро встретил на Земле Пири в Гренландии — из-за желания умыться снегом. Свое желание он осуществил с лихвой: не только умылся, но и с головой провалился в сугроб на мысе Пири, куда от таймфага пролегла линия монора, совершенно пустого в такую рань. Возвращаясь, Павел изрядно продрог, с тоской подумал о биатлоне — на лыжи не вставал уже полгода, вернулся домой в Запорожье, сделал зарядку в полном объеме и принял горячий душ.

Завтрак занял двадцать минут, а спустя еще полчаса Павел облетел Ствол на двухместном куттере и отметил появление у исполинской башни передвижного строительно-монтажного комплекса. В зале Центра он нашел Златкова.

— У меня впечатление, что вы здесь живете.

— Так оно и есть, — хмуро ответил начальник Центра. — Покидаю сей приют, лишь когда нужно провести циклы расчетов на больших машинах. Вы тоже сегодня рано.

— Приказано отдыхать, но спать не могу. Из головы не идет мысль, что все события вокруг — не настоящие, понарошку. С вами такого не бывает?

— Случается. Это оттого, что размах событий вышел за границу человеческого удивления. Каждому природой отмечен определенный запас эмоционального равновесия, заключенного между двумя стенами — полнейшего равнодушия и стресса от переизбытка впечатлений и переживаний. За первой стеной — болезнь, ибо равнодушие — это предел эмоционального покоя, за второй — смерть или, по крайней мере, уход в выдуманный, иллюзорный мир, в котором на психику уже ничто подействовать не может, она себя исчерпала.

— Ну, до равнодушия мне далеко, а вот ощущение нереальности не проходит... Но простите за лирику. С высоты я заметил монтажный комплекс типа «Геракл». Что за стройка затевается?

— Сегодня монтажники начнут установку максимального хроностабилизатора. Попробуем с его помощью пробить брешь в слое «вспененного» времени вокруг Ствола. — Златков поднял на инспектора измученные, словно от слез покрасневшие глаза. — Чтобы тот, кто пойдет в Ствол для его выключения, смог остаться в живых хотя бы на первом этапе.

Павел кивнул, отворачиваясь. Златков знал, кто пойдет в Ствол первым.

В девять утра в Центр заявился Ромашин и сообщил, что решен вопрос с дублером. Вторым вслед за Павлом, в случае его неудачи, в Ствол должен был пойти сам начальник отдела безопасности. Поговорили о координа-

ции всех служб во время первой вылазки Павла в здание лаборатории. Вместе побывали в секторе зондирования, где Федор Полуянов с товарищами готовил к запуску в Ствол новую партию конкистадоров.

— Эти должны пройти почти все, — сказал инженер, похлопывая по глянцевому-черному боку одного из «пауков». — Мы усилили защиту мозга, хотя пришлось пожертвовать полифункциональностью. Они теперь почти ничего не умеют делать, кроме видеосъемки.

— Какова же их программа? — спросил Ромашин.

— Цель! — бросил Федор повелительно. «Паук» что-то тихо проскрипел в ответ.

— Скоростная звукозапись, — пояснил инженер. — Ответ в нормальном диапазоне.

— Цель — установить контакт с людьми, — забубнил конкистадор басом. — Задать вопросы в записи, получить ответы, доставить ответы...

— Довольно.

Конкистадор послушно умолк.

Павел переглянулся с Ромашиним, в глазах которого мелькнул веселый огонек, и вернулся вместе с ним в зал контроля.

До обеда Златков и его помощник рассказывали им об аппаратуре, оборудовании и расположении помещений лаборатории и Ствола, показывали голографии внутренних интерьеров, разрезы, видеofilмы. Обедать Павел пошел с легкой головной болью: пришлось прокачать через память за короткое время небывалое количество информации. В два часа дня Павел и Ромашин сдали экзамен на знание оборудования и работы главных систем, инспектор в последний раз опробовал скафандр и проверил, все ли взял с собой в первый поход в лабораторию.

Его вывели из подземелья, гурьбой вышли на склон холма: Ромашин, Златков, Федор, инженеры и операторы связи, ученые. Все молчали, прощаться было глупо, и только Златков пробормотал:

— Всего тысяча дней...

Никто его не понял, кроме Павла. Начальник Центра напоминал о том, что до «конца света» осталась тысяча дней — если судить по скорости сжатия мрака вокруг еще «живой» звездной области пространства с Солнцем в ее центре.

Громада Ствола заслонила горизонт.

Павел оглянулся, зная, что за ним наблюдают, по крайней мере, с четырех сторон. До сахарно-белого куба лаборатории оставалось не более двухсот метров серо-коричневой, губчатой, как пемза, площади: трава здесь, вблизи от Ствола, так и не выросла.

Скафандр был тяжеловат, хотя и не причинял особых неудобств.

— До встречи,— сказал Павел, шагнул вперед и остановился, потому что услышал чей-то голос:

— Не ходите туда.

— В чем дело? — спросил Павел. — Кто это сказал?

— Что именно? — отозвался Ромашин. — О чем ты, Павел?

— Показалось...

Павел не страдал слуховыми галлюцинациями даже в моменты наивысшего нервного напряжения, поэтому интуитивно понял, что его предупредили «иные». Он снова шагнул к зданию, но, как ни готов был услышать чужой голос, все же вздрогнул.

— Не ходите,— повторил обыкновенный человеческий баритон.

Павел отключил рацию, чтобы его не слышали в Центре.

— Почему?

— По двум причинам: первая — вы нужны для отключения Ствола, вторая — идти в лабораторию нет смысла, цепи управления хроноускорителем давно прекратили существование. Здание лаборатории в настоящий момент только внешне выглядит зданием, внутри это перекресток пространств с разными свойствами.

— Но это знаете вы,— сказал Павел. — Мы. Если вы правы, я проверю и вернусь. Я обязан сделать это, понимаете? Почему вы не остановили Игоря Марича?

— Мы предупреждали, он не поверил.

— Почему же уверены, что поверю я? Он жив?

— Нет информации.

— Раз уж зашел этот разговор, ответьте на два вопроса. Что произошло на самом деле?

Тихое потрескивание в наушниках, словно неведомый собеседник задумался, стоит отвечать или нет. Наконец прозвучал знакомый баритон:

— Родилась Вселенная.

— Но ведь она родилась давно — миллиарды лет назад!

— И да, и нет. Нет вещи более относительной, чем время.

— Не понимаю.

— Думайте. Вы все же намерены идти в здание?

— Да. Подождите, остался еще вопрос.

— Вы задали оба.

— Простите, второй возник попутно с первым. Вопрос личный: почему именно я выбран вами для... выполнения задачи?

— Вас «выбрали» не мы — законы природы. В самом первом, грубом и неточном при-

ближении ответ сводится к закону обратной связи.

— Поясните, пожалуйста.

— Думайте.

— А если я... не сумею выключить генератор? Что тогда?

— Этого не знает никто во Вселенной. Вас зовут, прощайте.

Павел опомнился и включил рацию, на ходу придумав несложное объяснение и поддержке, и отсутствию связи.

— Все в порядке, иду дальше...

Границы зоны «вспененного времени» он пересек незаметно для себя, вернее, заметил только по прекращению радиосвязи. Динамики скафандра сразу перестали потрескивать и доносить голоса операторов связи и патруля УАСС.

Как и робот до него, Павел сначала обошел здание кругом, проверяя работу всех систем скафандра. Никаких неприятных ощущений не появлялось, хотя он находился в среде смертельной для незащищенного человека.

Павел решительно поднялся по ступенькам под козырек входа, включил поясной прожектор и шагнул в вестибюль.

Белые, изъеденные ямками и порами неведомой коррозии, гнутые стены, вычурные желоба пандусов, ведущих на галерею, чаша мертвого фонтана посередине, наклонные щиты зеленоватого цвета, расколотые трещинами, куб светомузыкального устройства, серый, в черных потеках, три выхода в коридоры с полупрозрачными створками дверей... Внимание Павла привлекла ажурная черная колонна, вырастающая из пола и исчезающая в свдчатом потолке.

Павел обошел колонну, пытаюсь уяснить, для чего она здесь. Ни Златков, ни второй лектор ничего о ней не говорили. Выходит, колонна обязана своим появлением последнему эксперименту. Что же это такое?

Обойдя вестибюль, Павел вспомнил о Мариче, несколько раз позвал его, сначала по рации, потом через звукопередатчик. Ответом было эхо и серии тихих щелчков в наушниках.

Что-то незаметно, что здесь «перекресток пространств», подумал Павел. Разве что дырчатая колонна — иное пространство? И на первый взгляд — ничего опасного. Отчего же не вернулся Игорь?..

Он вырастил из универсального инструментария щуп и, подойдя ближе к резной колонне, коснулся им ее стенки. В следующее мгновение пространство вокруг искривилось, наступила короткая невесомость, и Павел оказался внутри колонны, подвешенный неизвестной силой точно по оси ажурной трубы. Вокруг, куда ни глянь, висели десятки или даже

сотни горбчатых фигур в зеркальных балахонах — отражения разведчика в слоях неизвестной субстанции.

Павел осторожно шевельнулся. В наушниках раздался щелчок, а вслед за ним женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-три готов к перегибу. Ваша масса?

— Э-э?... хрипло проговорил Павел.— Масса сто тридцать три килограмма... Простите, где я нахожусь?

В голосе незнакомки удивления не прозвучало, только вежливая готовность и доброжелательность:

— Вы в трансгрессе Солювелла-три. Срок выхода три минуты, массу принимаю, код перегиба бам-у-эс-тридцать-тридцать.

— А попроще?

— Трансгресс — парамост пространственных перемещений, перегиб длится три минуты, выходы квантованы, ближайшая точка выхода — Балор-девять, сто десять тысяч парсеков.

— Так далеко мне не надо.— Павел заметил, что женский голос произносит совершенно иные слова, но речь синхронно переводится на русский язык.— Солювелл-три — это Земля? Или Солнце?

— Это Колыбель, около четырех миллиардов лет назад называлась Солнечной системой. Больше информации не имею. Обратитесь в общий Информ Солювелла-три. Могу предложить код обмена сто второго хроноквантградуса.

— Не надо. Могу я... э-э, каким-то образом выйти из этого парамоста... трансгресса... без перегибов и перемещений?

В тот же момент Павел очутился на полу холла рядом с решетчатой колонной, не изменившей своего мирного вида.

Вот тебе и труба!.. Трансгресс... первая точка выхода — сто десять тысяч парсеков! Попробуй, дойди обратно!

— Чувство юмора — это неплохо, — раздался рядом тихий голос. Не женский, мужской. — Но лучше бы вы не теряли чувства осторожности.

Павел оглянулся, посветил фонарем — никого.

— Это снова вы? С кем я сейчас разговаривал?

— С автоматом обслуживания трансгресса.

— Так эта труба — что-то вроде таймфага?

— Через здание лаборатории проходит линия перегиба пространственных координат, ваш мозг воспринимает ее как «трубу». Не отвлекайтесь.

— Понял, — вздохнул Павел. — Спасибо за совет.

Где-то далеко в глубине здания с тонким

12031

звоном лопнула струна — именно такой звук коснулся слуха. Павел вздрогнул, машинально проверил встроенную в пояс и предплечья скафандра аппаратуру звуко- и видеозаписи: работают, и направился к двери в коридор, ведущий к лестничной клетке. Ему предстояло подняться на четвертый этаж в зал управления лабораторией.

Автоматика двери не работала. Павел нашел заслонку ручного управления, нащупал рычажок и потянул на себя.

Коридор за дверью выглядел странно. Его стены были волокнистыми, как спрессованный дым, и уходили вверх на недостижимую высоту, луч прожектора терялся, казалось, где-то в километре от пола. Но и пола, как такового, не было, вместо него во всю ширь коридора пролегла рваная каменная борозда, по дну которой бежал ручей. Струя воды добегала до самой двери и... исчезала, будто отрезанная невидимым лезвием!

Павел прислушался, но плеска ручья не услышал. Лишь издали, из глубин здания долетали иногда странные звуки: потрескивания, мокрые шорохи, удары водяных капель в гулкое дно, звуки лопнувшей струны...

Инспектор выключил прожектор, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, но увидел только светлую щель над головой — там, где исчезали в вышине стены коридора. Пока ничего особенного, подумал он, снова включая свет, — кроме непонятного исчезновения вод ручья. Еще один эффект перекрученного пространства-времени? Меня это в данный момент не касается, надо идти вперед, пока возможно...

Он шагнул на буро-коричневый пласт каменной борозды и... с грохотом полетел куда-то вниз, в глубокую пропасть. Стены коридора скачком выросли в исполинские вертикальные горные склоны и отделились за пределы видимости, бугристый вал борозды превратился в скалистый хребет, конус прожекторного света сузился, ударило в ноги. Ошеломленный Павел, ощутив под ногами твердую почву, машинально шагнул назад — сзади должна была находиться дверь в холл. Но все осталось на своих местах. Под ногами гладкий коричневый бугор, рядом изломы скал, в сотне метров луч прожектора вязнет в полной тьме, высвечивая те же скалы и каменные складки.

Павел выключил свет и увидел сзади далеко-далеко вертикальный блик высотой в несколько километров. Вот это, что называется, влип! Куда же меня занесло на этот раз? В подвал? Или «перекресток пространств» в действии? Недаром не хотелось сюда идти... Скалы и камни... и ручей в коридоре... ручей?

Инспектор прислушался. Справа от него

Аэлита-88

слышался равномерный глухой шум, который он поначалу принял за шум в ушах от удара. Павел прошел метров двести, наткнулся на ребристую серую стену, обрывающуюся куда-то вниз, и посветил в провал. Луч выхватил из темноты серо-зеленую массу несущейся воды. Река!..

— Река,— сказал он вслух, еще не веря догадке.

Но это не могло быть совпадением: каменная борозда с ручьем в коридоре и хаос скал и река—здесь, где он очутился. Коридор не изменился, изменился он, Павел Жданов, превратился в гнома, в Нильса Хольгерссона из древней шведской сказки. Один из темпоральных эффектов в действии, а именно—эффект трансформации масштабов при переходе из одной локальной области многомерного пространства-времени в другую. Ничего особенного, придется вернуться назад, к двери, перешагнуть магическую черту, за которой располагается обычный мир холла. Однако здесь неумудрено и заблудиться. Может, Марич до сих пор плутает между скалами?

Павел включил звукопередатчик на всю мощь:

— Игорь! Отзовись!

Многочисленные эхо разбросало пригоршни звуков по каменным склонам, ущельям и долинам и погасло в теснине реки. Павел дождался ответа, вздохнул и зашагал вдоль берега, по кромке обрыва, в ту сторону, куда река несла свои безжизненные воды...

В холл он вышел через пять часов, если верить хронометру скафандра. Сам переход прошел мгновенно: Павла ударило обо что-то твердое, голову пронзила острая ключая боль. Очнувшись от короткого беспомощия, он понял, что стоит в холле на четвереньках. Под руками и ногами множество пластмассовых осколков, на полу лучевидные пятна ожогов.

Поднялся на ноги, посветил кругом. Дверь была сорвана и разбита, углы стены в местах крепления двери выщерблены и оплавлены.

Павел направил луч в коридор и хмыкнул. Каменная борозда с ручьем исчезла, пол коридора блестел, как металлический, зато стены почернели, стали жидкими, по ним ходили волны, вскипали фонтанчиками, проливая на пол черную дымящуюся жидкость.

Павел не рискнул еще раз выйти в коридор. Две вещи беспокоили его: ограниченность энергозапаса скафандра и то, что за пять часов путешествия по «горной стране» неведомого мира вне здания могло пройти гораздо больше времени. Ожидающие могли не вытерпеть и послать дублера.

Решетчатую колонну трансгресса в центре

(206) холла он обошел на расстоянии, осмотрел колдодцы лифтов, но заходить не стал. Осталось еще два коридора, и каждый мог привести к цели—на лестничную клетку, а там подняться на четвертый этаж будет несложно.

Но второй коридор отсутствовал вовсе.

Павел поворочал прожектором—луч света вяз в чернильном мраке без единого проблеска. Пустота, космический вакуум! Ощущение опасности здесь стало острее, сами собой напряглись все мышцы, захотелось спрятаться под надежной защитой корабельной обшивки—стереотип космонавта, привыкшего мыслить категориями космической спасательной службы.

Павел аккуратно прикрыл дверь, отошел и облегченно вздохнул. Собрался было отдохнуть и перекусить, но звук лопнувшей струны заставил его пить и есть на ходу. Торопясь, проглотил несколько глотков витаминизированного желе, запил брусничным соком и спрятал мундштук пищеблока.

Последний коридор был нормальным на вид. Прямоугольного сечения, сизый, в голубых разводах «сырости», он исправно, без сюрпризов вывел инспектора к лестничной клетке. Однако стоило осветить в проем двери, ведущей на лестницу, как сразу стало ясно, что пройти наверх не удастся и здесь. Вместо лестничного пролета взору предстала круглая труба, уходящая вверх метров на сто и обрывающаяся внизу всего в двух метрах. Павлу показалось, что он выглянул из люка космолета в пространство: вверху проплывали звездные россыпи, внизу—две звезды ярче, темно-багровая и желтая.

Из недр здания прилетел металлический стон. Павел невольно вздрогнул, оглянулся: показалось, что кто-то смотрит в спину. Коридор был пуст, но ощущение взгляда не исчезло, только ослабело. Из холла донесся тихий отчетливый хруст и треск—кто-то шагал по битой пластмассе. Павел в несколько прыжков преодолел коридор, выскочил в вестибюль. Прожекторный конус выхватил из тьмы знакомый ажурный цилиндр, пустые стены, гладкий пол. Никого.

Хруст повторился. Павел резко повернулся и направил луч в угол. У расколотого щита топтался на месте шестиногий конкистадор. Три глаза его вспыхнули зеленоватыми бликами в свете прожектора, казалось, он плачет.

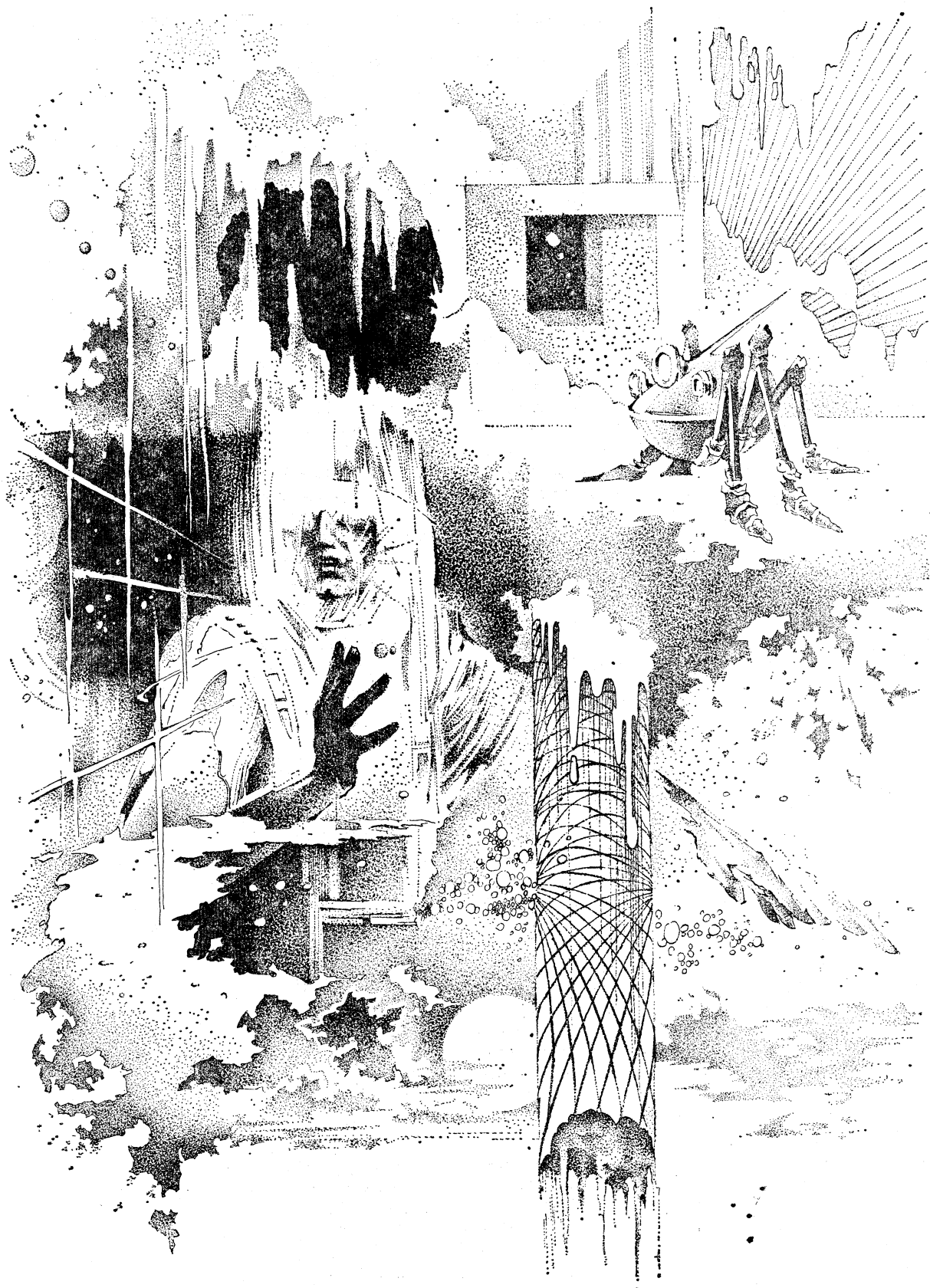
— Ф-фу!—выдохнул Павел, снимая руку с рукоятки пистолета на поясе.—Напугал, насекомое! Ты откуда?

Паук что-то проскрипел.

— Ответь в нормальном ритме.

Снова тихий прерывистый скрип.

— Значит, не можешь. Плохи твои дела.

Тогда веди меня в зал управления лабораторией. Живо!

«Паук» смешно перебрал ногами на месте, тихо свистнул и побежал через холл к первому коридору, где недавно был ручей. Теперь там не было ни каменной борозды, ни ручья, металлический пол покрывали лужи черной жидкости со стен.

Остановившись на секунду, конкистадор снова свистнул, прыгнул в коридор. Гроыхнуло, кибер исчез и вместе с ним исчез коридор. На его месте образовалась дымная яма, на дне которой сквозь дым всплыл шар планеты в оспинах и шрамах кратеров. Планета больше всего походила на Меркурий.

— Понятно,— сказал Павел, пытаясь разглядеть планету подробней.— Вечная тебе память... туда мне тоже не надо. Далеко. Хорошо, если это Меркурий, а если иная звездная система? Да еще не имеющая станции тайм-фага? Н-да, прав был Голос, это действительно перекресток пространств...

Павел слизнул языком пот над губой и вернулся в «нормальный» коридор. Три двери слева и три справа. И все они открывались в пространства неведомых миров... Первая из них скрывала за собой пещеру, вернее, величественный грот с зеркалом воды и сверкающим панцирем натеков. Вторая выходила на морскую террасу, мокрую от долетающих брызг: прибор яростно строгал камень террасы, обтачивал гальку, дробил щебень в песок. Море было неземное—как загустевшая кровь, оно искрилось и гнало светящуюся пену. Небо в этом мире было глухим, беззвездным, на горизонте смутно проглядывал тусклый коричневый диск—не то планета, не то светило.

Павел аккуратно закрыл за собой дверь, постоял в задумчивости у соседней.

За нею начинался чудовищный фиолетово-черный лес, деревья которого напоминали мохнатые человеческие уши с сотнями крохотных глаз. Лес был полон таинственных звуков и движения. За четвертой дверью пейзаж был странный, словно вмурованный в толщу стекла или прозрачного желе: что-то полупрозрачное, скользкое, мерцающее медленно ползало там, рождались и умирали голубые огни, бледные сетчатые тени и пятна.

Пятая и шестая двери не открывались.

Павел потоптался в коридоре и вдруг вспомнил, что галерея перехода из лаборатории в Ствол начинается двумя этажами ниже. Он мысленно представил план этого нижнего горизонта, вышел в вестибюль и снял с пояса пистолет. Лифты не работали, лестницы перестали быть лестницами, и на нижний этаж можно было попасть только через перекрытие—с помощью грубой силы.

(208)

Павел рассчитал импульс, способный пробить двадцать сантиметров пластобетона, выбрал точку удара в трех метрах от себя и нажал на спуск. Из дула пистолета ахнуло пламя разряда, вонзилось в пол, и в то же мгновение сильный удар в грудь отбросил инспектора к стене. Ослепительный клубок огня, роняя тающие клочья, метнулся в стену напротив. Пол завибрировал, здание вздрогнуло, шатнулось, гул и грохот всплыли из его недр...

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, борясь с неожиданно подкравшейся слабостью—видимо, часть неведомой энергии прорвалась-таки сквозь защиту скафандра,—Павел побрел вдоль стены к выходу, оглядываясь на разгул стихий. За бледной стеной огня он разглядел черный поток, затопивший чашу фонтана.

Когда инспектор вышел из лаборатории, его встретила хмурая беззвездная ночь...

— Все? — спросил Ромашин, подождав минуту.

Павел кивнул.

В кабинете начальника отдела, кроме него и Павла, сидели директор УАСС, заместитель председателя Высшего Координационного Совета Орест Шахов и Атанас Златков. Ромашин оглядел присутствующих и снова повернулся к Жданову.

— Ты отсутствовал двое с половиной суток. Утром хотели послать дублера. Кстати, почему ты не записал голос «потомка»?

— Это был скорее всего не голос, а мыслепередача.

— Поясните, о чем речь,— попросил Шахов.— Я не знаю подробностей.

Ромашин рассказал о таинственном незнакомце, контролирующем действия инспектора.

— А по-моему, потомки вмешаться не могли,— сказал Костров.— Своим вмешательством они рискуют изменить собственную реальность, разве не так?

— В известной мере это парадокс,— согласился Златков.— Но и его можно объяснить по-разному. Может быть, в момент проведения эксперимента возникла развилка во времени, и наши наблюдатели—из другой ветви мира. Но скорее всего вступил в силу закон затухания последствий, и потомкам на большом отрезке времени не страшны никакие изменения в нашей эпохе.

— И все же я не понял, почему именно Павел Жданов выбран... теми, кто контролирует,— пробурчал Шахов.— Неужели он столь незаменим? Извините,— Шахов повернул голову к Павлу,— у меня нет намерения обидеть вас, но почему—именно вы?

— Не знаю,— тихо сказал Павел.— Никаких особых заслуг у меня нет, сверхспособностей тоже...

— Очевидно, этот выбор навсегда останется загадкой для нас,— сказал Златков.— Жданов, как вы уже слышали, задавал вопрос своему куратору, но ответ получил расплывчатый. Можно предположить, что наблюдатель не захотел прямо ответить на этот вопрос, оставив нам самим домысливать сказанное. Вполне вероятно, что Павел совершенно случайным образом оказался закоррелированным в петле времени, и никто его не выбирал, никто не вмешивался в эксперимент, просто Вселенная замкнулась сама на себя по цепочке: Земля — Брянские леса — хроноускоритель — Павел Жданов. Вернее, она еще только замкнется, когда Павел проникнет в Ствол и выключит генератор.

— Довольно туманно... Но как вы мыслите осуществить выключение?

— Предстоит спуститься по цепочке эпох — цепочке выходов Ствола в прошлом — в тот момент истории Вселенной, куда «провалился» хроноген, найти его и уничтожить. Звучит просто.

— А если удастся выключить, означает ли это, что мир вернется к исходному моменту истории — к началу эксперимента?

— У меня нет ответа на этот вопрос.— Хронофизик опустил голову.— Есть только надежда. Нами задействован весь вычислительный потенциал Академии наук, но прогнозы финала требуют так много данных, что машины презрелись в обычных прорицателей — в электронных гадалок. Ответы слишком неопределенны. После выключения мы можем «вывернуться наизнанку» — оказаться в другой Вселенной с другими свойствами материи. Можем «прыгнуть» в прошлое на несколько миллионов лет или в будущее на столько же — для вечности все едино, что миллион лет, что краткий миг; наплевать ей и на то, будет ли вообще существовать человечество. Может случиться, что та Вселенная, в которой мы сейчас разговариваем, исчезнет, а сам факт ее существования окажется фактом виртуальным, иллюзией, «сном» первоначального ядра материи, той сингулярности, взрыв которой и воздвиг космос со всем его содержимым. Это все страшные прогнозы, модели катастроф, исключают нас, род человеческий, как разумную и борющуюся силу. Есть и счастливые прогнозы, например: мир устоит перед натиском энтропии, и мы окажемся там, откуда начали...

Златков помолчал, пожал плечами и криво улыбнулся...

Ромашин дождался реакции присутствующих. Все молчали.

— Атанас прав,— заговорил он.— Высканнанные им гипотезы всерьез воспринять трудно, но мы должны исходить из того факта, что в радиусе ста парсеков от Солнца происходит свертывание пространства. Вселенная «ждет», чем закончатся наши попытки обуздать вырвавшуюся из-под контроля стихию, иначе мы давно прекратили бы существование. На худший вариант рассчитывать нечего — это гибель цивилизации, гибель всего сущего. Значит, надо подготовить операцию так, чтобы выиграть жизнь. Решение Совета безопасности вы знаете: в Ствол пойдет Павел Жданов. Весь технический потенциал Земли готов работать на нас. Следует немедленно решить, что требуется для операции, как организовать дальнейшую работу УАСС и Центра защиты.

— Как я понял, через лабораторию в Ствол пройти невозможно,— заметил Шахов.— Или все же есть шанс?

— Не думаю,— отозвался Златков.— Оттуда не возвращаются даже конкистадоры с дополнительной хронозащитой. И у меня есть подозрение, что выстрел Жданова не пройдет бесследно. По теории выделение энергии в возбужденном хронополе ведет к распаду вещества. Если теория верна, скоро мы убедимся в этом воочию.

— У меня сомнения иного рода,— вставил Костров.— Справится ли Жданов один?

— Существенное замечание,— кивнул Ромашин,— но у нас появилась идея использовать некоторые изолированных в Стволе групп людей, попавших туда в момент хронопрорыва. Помните, я говорил о мужчине и женщине? По информации, которую удастся получить от конкистадоров, известно, где они находятся в настоящее время. Мы перешлем им инструкцию, что делать, если... не хочется говорить об этом, но рассчитывать придется... если с Павлом что-нибудь случится. Какие у вас есть вопросы? Ко мне? К Жданову?

Четыре взгляда — откровенно изучающий, испытующий, недоверчивый и сожалеющий — уперлись в Павла.

— У вас к нам, Павел?

— Нет,— покачал головой инспектор, ощущая неловкость. Ему вдруг очень захотелось проснуться, хотя он точно знал, что не спит.

Ромашин тронул сенсор, кабинет превратился в панорамный виом. Холмистая равнина, отгороженная с одной стороны хвойным лесом, убежала к горизонту, где подпирал небо колоссальный пик Ствола...

Павел стоял на вершине холма спиной к Стволу и смотрел, как из-за леса встает солнце. Травянистая равнина, вызвездившая оду-

ванчиками, была седой от росы. В долинах между пологими увалами стлался-змеился туман.

— Помните, конкистадоры реагируют только на прямой приказ,— бубнил сзади Федор Полуянов, поправляя что-то на поясе скафандра Павла.— На горизонтах, имеющих выход в пространство определенной временной эпохи, установлены хронокапсулы мембранного типа: внешне напоминают обычные лифты. Ими можно пользоваться, но только «вниз», в глубь истории. Вверх, в будущее, они не действуют, как и всякие мембраны, они пропускают материальные тела в одну сторону...

Павел все это слышал не раз, но перебивать инженера, не знающего, чем помочь и что сказать, не хотелось.

— На всех горизонтах Ствола смонтированы ниши безопасности,— продолжал Федор,— в них можно не бояться коррекций и временных провалов. На четных горизонтах в северных коридорах вделаны в стены контейнеры с НЗ: молекулярные синтезаторы воды, блоки с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию, аптечки, оружие...

Павел повернулся лицом к Стволу. С расстояния в пять километров детали на белом теле Ствола не замечались — он казался идеальным цилиндром, матчей без парусов.

Павел перевел взгляд дальше.

От куба лаборатории не осталось ничего, кроме странных, металлических на вид башен, похожих на чудовищные клыки. Башни торчали из стометровой воронки в земле, заполненной плотным черным дымом «аморфного времени». Воронка постепенно росла в глубину, «дым» разъедал землю, горные породы, металлы — любое вещество, кроме башен, добавляя работникам Центра защиты новые заботы и тревоги.

— Учти, что все эффекты, о которых говорил Златков, реальны.— Федор опустился на колено, проверяя защиту сапог скафандра.

Павел посмотрел на грозное сооружение в несколько сот метров высотой, похожее на старинную пушку, ствол которой уперся в тело Ствола. Оптимизатор единственной временной линии «настоящее — прошлое», с помощью которого Павла должны были «выстрелить» внутрь Ствола.

— Мы готовы,— раздался в наушниках голос Ромашина.

До Павла не сразу дошел смысл сказанного.

— Я тоже,— с запозданием ответил он.

Федор, продолжавший что-то говорить, вдруг замолчал, поднялся, похлопал Павла по плечу и протянул руку.

— До встречи, Павел. Будем ждать.

— До встречи.— Павел пожал руку и пошел к куттеру в низинке у рыжего ручья.

Через несколько минут он стоял на верхней смотровой площадке металлического левиафана, уткнувшегося хоботом в Ствол. Чуть задержался у люка. Сзади уже никого не было видно, равнина из конца в конец была пуста, поднявшийся ветер гнал по ней зеленые волны, солнце скрылось за растущей пеленой облаков.

— Даем предупреждение,— послышался в наушниках чей-то голос.

Над холмами трижды прокатился леденящий душу вопль сирены. И стало совсем тихо, будто в Центре вырубилась связь или отказала рация скафандра.

Павел шагнул к люку и остановился. Ему показалось, что кто-то большой, как планета, но дружелюбно настроенный посмотрел на него сверху.

— Это... вы? — спросил инспектор негромко, забыв, что его слышат в Центре.

— Да,— раздался знакомый твердый и спокойный Голос. Он мог бы принадлежать и нормальному, уравновешенному и сильному человеку. Павел даже представил его лицо, тут же подумав, что у хозяина Голоса, возможно, лица нет совсем.

— Что меня ждет? Вернее, что ждет нас всех?

Молчание.

— Не хотите отвечать или не знаете сами? Снова молчание. Тишина и в Центре.

— Тогда ответьте хотя бы, кто вы?

Минута, потом тихий и вежливый ответ:

— В лексиконе человечества нет слов, чтобы выразить такое понятие. Оно появится примерно через четыре миллиарда лет после вас.

— Значит, вы все-таки из будущего? Наши потомки?

— В какой-то мере. К сожалению, не существует даже упрощенных аналогий, чтобы вы их поняли. Все гораздо сложнее, чем вы представляете. Извините.

Павлу почудилась в голосе неизвестного грустная нотка. Мы дети для них, подумал он. Дети, едва начавшие ходить, изучающие мир и себя на собственных ошибках, с болью и муками, и сомнениями... а может быть, и того меньше, не дети — лишь эмбрионы на первой из стадий развития всеобщего разума...

В наушниках ни звука, будто все вымерло вокруг на многие сотни километров. Центр тоже молчал, и Павел понял, что на этот раз разговор с «потомками» услышан всеми. Он вдруг испугался, что короткий звуковой контакт с наблюдателем закончится и давно му-

чивший его вопрос так и останется без ответа.

— Подождите,— быстро сказал он.— Последний вопрос... очень важно! Кто виноват в катастрофе? Мы, люди, или кто-то еще? Кто ошибся?

— Способность совершать ошибки не единственная положительная черта человека. Да-да, положительная! Ибо человек лишь тогда творец, когда он непредсказуем. На свой вопрос попробуйте ответить сами. Позволим маленькую подсказку: вы знаете, что такое эффект бумеранга?

— Эффект противоположный тому, который ожидался в результате эксперимента?

— Вот и подумайте сами над этим эффектом. Уверен, поймете.

— Но в данном случае речь идет о пробое времени в глубокое прошлое. В чем тут сказался эффект бумеранга? Мы добились своего, хотя и дорогой ценой...

Собеседник не ответил. Прошла минута, другая, и Павел понял, что ответа не услышит совсем. Разговор закончился, с ним попрощались, дали понять, что за него беспокоятся, ждут его прыжка в неизвестность. Эффект бумеранга... Не в том ли он, что человек зачастую беспомощен, когда он всемогущ? Не последствием ли его действий является рождение Вселенной? И не от него ли зависит ее гибель?..

Павел вдруг почувствовал, что его сознанием завладел кто-то огромный и властный. Оно раздвоилось: одной его «половиной» инспектор сознавал, что стоит на площадке хронооптимизатора, другая позволяла видеть все как бы со стороны.

Сначала он увидел Ствол с расстояния примерно в пятнадцать километров: стройная белая тростинка на зеленом фоне. Потом скачком картина изменилась. Ствол провалился вниз, земля из плоскости выросла в голубоватый дымчатый шар, видимый с высоты в десять тысяч километров.

Новый скачок: Земля превращается в искру света и теряется на фоне таких же искр — звезд Млечного Пути. Солнце видится пылающей косматой дырой в золотом ореоле, на него больно смотреть. Еще скачок, и на месте Солнца возникает грандиозная, слепящая глаз звездная спираль — Галактика!..

Долго-долго смотрели на эту спираль двое: Павел и молчаливый его гид. Весь обозримый космос был уже темен и нем, и только колоссальная система звезд — Галактика, будущий дом человечества — сияла торжественно и ярко, словно бросая вызов мраку, и Павлу даже послышались аккорды органа, созвучные этой фееричной, прекрасной, величественной музыке света...

[211]

— Еще дрожит бывшего смутный свет!...— невольно прошептал он.

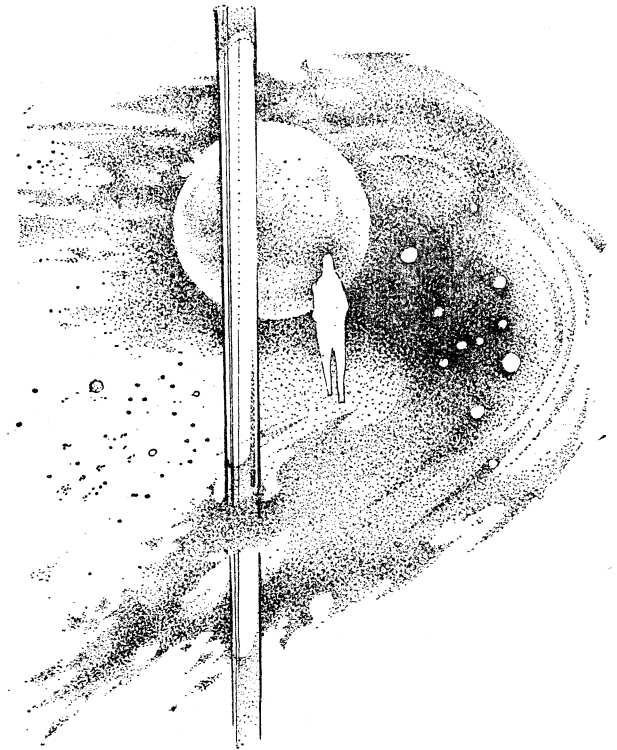
И вдруг все исчезло. Впереди заслонила горизонт округлая гора Ствола, сзади над лесом поднималась угрюмая стена туч.

— Паша,— послышался далекий голос Ромашина.— Ты меня слышишь?

— Слышу,— отозвался Павел глухо.— До встречи во Вселенной.

Он перешагнул комингс, закрыл люк за спиной и не услышал, как Ромашин, страдающий оттого, что уже ничем не может помочь, пожелал ему «ни пуха ни пера».

¹ Д. Г. Байрон.

ЗА ЛЕСОМ, ГДЕ ПОДЛЫЙ ВРАГ...

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Огнемёт рывкнул и выплюнул капсулу. Проводив взглядом уходящий за лес дымный след, Стрелок подхватил оружие и отбежал в сторону. Он знал, что подлый враг не заставит себя долго ждать. И точно. На то место, где он только что стоял, с визгом плюхнулась огненная струя. Ответный удар, как всегда, был нанесен из такого же оружия и очень точно. Беги Стрелок чуть помедленнее, он бы уже корчился в агонии, пытаясь стряхнуть с себя зажигательную смесь. Как это позавчера было с Артистом... Стрелок поспешил отогнать страшные воспоминания.

Он уже добежал до передней траншеи. Полковник одобрительно взглянул на него:

— Молодец, Стрелок. Хорошо ты им вдарил! Подлый враг будет побежден!

До вечера Стрелок нанес еще два удара. И еще дважды подлый враг лупил по тому месту, где он только что стоял.

Вечером Полковник приказал начать общий обстрел. Стрелок считал эту затею глупой, но возражать не решился, отложил любимый огнемёт и стал настраивать излучатель.

Лес стонал. Потоки огня пронизывали его насквозь. Удар — и тут же ответный. Поджаренные и парализованные птицы стаями валялись на обожженную землю. Лазерные лучи, как шпаги, скрещивались над лесом.

Через полчаса бой прекратился. Все собрались у штабного блиндажа. Потерь не было, только Сержанта легко ранили лазерным лучом в плечо. Однако он держался крепко, даже не выпустил из рук свой неизменный импульсный бластер.

И тут они увидели человека. Тот медленно вышел из леса, неся на руках что-то или кого-то.

— Подлый враг, — прошептал Полковник, расстигвая кобурю.

— Может, перебежчик? — спросил Капрал, уже держа незнакомца в прицеле парализатора.

— Не похож он на врага. Такой же, как и мы, — убежденно сказал Стрелок и внезапно подумал: а на кого он похож, даже не выпустил враг? Почему-то раньше никогда он не думал об этом.

Незнакомец медленно спустился в траншею, слозно не замечая нацеленных на него стволов. Осторожно положил свою ношу: это был светловолосый мальчик лет тринадцати. Спросил:

— Среди вас есть врач? Я не знаю, чем его зацепило.

Доктор отложил автомат и внимательно осмотрел мальчишку. Улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного. Парализующий луч. Часа через два придет в себя.

— Подлый враг! — выругался Полковник, глядя на

Сергей Васильевич Лукьяненко родился в 1968 году. Живет в Алма-Ате, учится на четвертом курсе лечебного факультета АГМИ. Выступал с рассказами в алма-атинском журнале «Заря».

В нашем журнале публикуется впервые.

(212)

неподвижное тело мальчика. Стрелок вдруг вспомнил, что у Полковника в Городе осталась жена и четверо детей.

— Враг тут ни при чем, — сказал мужчина. — Его задело с вашей стороны.

Все разом взглянули на Капрала. Тот растерянно вертел в руках конус парализатора.

— Ничего. Все же обошлось. — Незнакомец обвел всех спокойными серыми глазами. — Меня зовут Странник. Я пришел издалека и, если вы не возражаете, завтра уйду.

— Это ваш сын? — спросил Доктор.

Странник кивнул:

— Да.

Было уже утро, но никто еще не спал. Вначале слушали истории Странника. А затем пели. Потрепанную гитару брал в руки то один, то другой. Наконец Певец срывающимся от волнения голосом запел любимую песню:

— Спите спокойно, любимые,

Где-то у дальней реки...

И все подхватили:

Черным ветром гонимые,

Насмерть стоят полки.

Странник внимательно слушал. Ему, похоже, тоже понравилось. Потом встал:

— Спасибо за все. Нам пора идти. Собирайся, Тим.

С ними попрощались за руки, а потом смотрели, как они уходят вдаль, по направлению к Городу, подступы к которому вот уже многие годы прикрывал отряд.

Стрелок вдруг вскочил и побежал за Странником. Догнал и быстро спросил:

— Вы пришли из-за леса? Скажите, а каков он, подлый враг? Я здесь уже три года, но они ни разу не показались в открытую, трусые!

Странник молчал и смотрел на него. Зато мальчишка сказал:

— Там река.

— Знаем! Ну, а враги, где они находятся? — спросил Стрелок.

Мальчик смотрел на него, и во взгляде было что-то непонятное.

— Там старые склады, вдоль всего берега. И они накрыты защитным полем. Я кинул в один склад камешком, его отбросило обратно, прямо мне в руку...

АЭЛИТА-88

Фантастика «Уральского следопыта»

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ольга Ларионова. Звездочка-Во-Лбу (Чакра Кентавра). Космическая опера	1
2. Александр Чуманов. 16 копеек	75
3. Лев Ку克林. Заповедник	78
4. Евгений Дрозд. Скорпион. Повесть	79
5. Георгий Гуревич. Ордер на молодость. Повесть	95
6. Евгений Филенко. Удар молнии	154
7. Игорь Федоров. Трамвай до конечной	158
8. Иван Тяглов. Шаг на дорогу	160
9. Сергей Трусов. Бегство	164
10. Степан Вартанов. Город Трора	168
11. Вадим Худяков. Королевская охота	173
12. Василий Гюлавачев. Владыки. Повесть	181
13. Сергей Лукьяненко. За лесом, где подлый враг	212

Фантастика под микроскопом

Обзор ответов на викторину-88

Виталий БУГРОВ

...Едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть.

Э. По. Золотой жук

Финиширует наша очередная викторина, 13-я по счету.

В массе своей читатели с удовлетворением приняли новшество — вариантность каждого вопроса. Многим понравился второй тур — предлагают и впредь делать его «библиографическим». Разумеется, не осталась незамеченной неравноценность его вариантов, оценить которую в полной мере было сложно при первоначальной прикидке. Что ж, при подведении итогов постараемся уравнивать шансы участников с помощью коэффициента...

Немного статистики. В викторине-88 участвовали (прислали свои ответы) 346 читателей. Среди них — 118 школьников, 34 % от общего числа. Женщин среди отвечающих, увы, совсем немного: менее 9 %, всего лишь 30 человек. Около половины отвечающих участвовали и в прошлогодней викторине. Остальные цифры — в тексте обзора...

Подобрать к нему эпитафии нам помогли Л. Абдулин (Читинская обл.), А. Архипов (Чебоксары), В. Дюдиков (Ленинград), С. Иванов и В. Черник (Горловка), М. Исангазин (Омск), И. Мазурик (Караганда), К. Максимов (Киров), Р. Масленников (Кострома), С. Носов (Петропавловск КазССР), В. Сейтова (Мурманск), А. Скоробогатых (Охотск Хабаровского края), О. Федоркин (Мытищи Московской обл.), А. Цеменко (Керчь), В. Чашечников (Сумы), Г. Яковлев (Орел).

Неоценимый вклад в обработку ответов и подготовку обзора внесла активная участница прошлых викторин О. Князева (Свердловск).

Первый тур

— Насколько мне удалось установить, все это обрывки научно-фантастических произведений, написанных, в основном, во второй половине двадцатого столетия...

И. Варшавский.
Под ногами Земля

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению «обрывков» первого тура, скажем несколько слов о третьем туре: о втором его задании. И в прошлом году, и в нынешнем кое-кому из участников викторины показалось слишком сложным это задание — из приглянувшегося вопроса «вытянуть» тему и развернуть ее в реферат. Чтобы помочь новичкам освоиться с этим заданием, мы включили в свой обзор не один (как год назад), а несколько рефератов, причем — на самостоятельно сформулированную тему.

1-А. «ОН УВИДЕЛ СЕБЯ СИДЯЩИМ ЗА СТОЛОМ. ДВОЙНИК ПРОТЯНУЛ РУКУ К ЛАМПЕ И ЗАЖЕГ ЕЕ». КОМУ ИЗ ГЕРОЕВ НФ ПРЕДСТАВИЛАСЬ ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Я буквально онемел от такого нахальства. Ну совсем сценка из Достоевского: обольщенный господин Голядкин и его приткий двойник...

А. и С. Абрамовы.
Всадники ниоткуда

Достоевского, отвечая на этот вопрос, вспомнили многие... А Л. Абдулин (служба забросила ветерана наших викторин в Забайкалье) и еще кое-кто предложили, в качестве эпитафии к ответу, другую не менее эффектную цитату: «Вы, верно, помните, что несколько лет тому назад много было говорено об одном молодом человеке, который, вошед в комнату, где обыкновенно занимался письменными делами, увидел самого себя, сидящего за письменным столом. Вы знаете, что он от того не умер...» Эффектность этой цитаты — не столько даже в похожести

ее на наш «обрывок», сколько во времени ее появления: цитируется-то «Двойник» А. Погорельского, изданный в 1828 году — 160 лет назад!

Ну, а прямой ответ на вопрос? «Светопреставление» А. Белаява — рассказ, герою которого журналисту Марамбаллю и довелось, в силу замедления скорости света, увидеть за столом собственного двойника-«неощутимку», — назвали ровно 100 участников викторины.

Поскольку же и в прошлом мы не раз выходили на поиски двойников, именно эта тема более всего влекла к себе отвечающих на второй вопрос третьего тура. Мы получили 24 реферата о двойниках! Даже перечитать их было непросто: у одного только А. Дороднова (Ульяновск) — 50 машинописных страниц, вобравших в себя примеры с цитатами из двух сотен произведений...

Один из рефератов предлагаем вниманию читателей. Автор — Л. Абдулин — так сформулировал его тему: «Перед вами ваш двойник. Попробуйте систематизировать возможности его появления». И вот что он сообщает...

Я систематизирую на блоки и логические цепочки, которые часто переплетаются. Итак:

Блок 1. Отражения.

а) Вода, зеркало, зазеркалье (например, Оля и Яло в «Королевстве Кривых Зеркал» В. Губарева); выход на 4-б.

б) Портрет, дагерротип, фотография, голограмма, скульптура, кукла (кукла наследника Тутти и Суок в «Трах Толстяках» Ю. Олеси); выход на 3-в.

в) Кино, телевидение, видео, стереокино и далее — до «онирофильма» Л. Альдани и «ощущалок» О. Хаксли; выход на завершение 2-а.

г) Дисплей компьютера: «...и вдруг на всех экранах разом Тышкевич увидел себя» (Б. Никольский. Хозяин судьбы). Речь в этом рассказе идет о прогнозировании будущего, но компьютеры могут и восстанавливать прошлое (И. Забелин. Записки хроноскописта); выход на хроноскоп с другим принципом работы.

д) который вытекает из истории с Марамбаллем — А. Беляев замедлил скорость света, а Я. Арбес просто ее превысил и попал в такие места, откуда при наличии хорошего телескопа можно наблюдать прошлое Земли (Я. Арбес. Мозг Ньютона). Другие постулаты еще проще — предполагается существование поля, пояса или т. п., задерживающего световые изображения, и надо только их оттуда достать (Х. Фальберг. Звезды видят все; Т. Шерред. Попытка).

Блок 2. Психотражения.

а) Сон, программируемый сон («эки» в рассказе В. Титова «Робинзон»); далее, смыкаясь с цепочкой 1-в, выходим на фантоматику С. Лема.

б) Мечта, воображение (А. Погорельский. Двойник, или Мои вечера в Малороссии); выход на компьютер, см. 1-г.

в) Галлюцинация (Э. По. Вильям Вильсон), гипноз, гипномаска (Э. Рассел. Кружным путем; др. перевод: Будничная работа), фантомы извне (Е. Парнов. Проснись в Фамагусте), выход на овеществленных фантомов (С. Лем. Солярис).

г) Переселение душ: примеров тьма, а интерес в том, что видишь двойника, но сам-то ты уже не ты. Осознают это, как правило, не сразу.

Блок 3. Натуральные двойники.

а) Шутка природы: «Алеша Питухов встретился за ресторанным столиком... со своим полным двойником. Не бывает, скажете?.. Один знакомый доцент из МГУ поговаривал, что на основании теории сочетаний такая вещь вполне может произойти. Раз на 800 миллионов встреч» (Н. Богословский. Интересное кино); то же плюс стрижка, грим, а то и пластическая операция (двойники Гарина; подборка двойников хорошо описана в романе Р. Хайнлайна «Если это будет продолжаться»); то же плюс время:

«Согласно статистике абсолютно похожие друг на друга индивиды повторяются через каждые 6 поколений» (А. Донов. Алмазный дым). Наиболее полно этот вариант развит у Р. Шекли в «Раздвоении личности», но мы к нему еще вернемся — см. 4-в.

б) Близнецы, клонирование; очень популярна в нынешней НФ тема создания ходячего склада запчастей для хорошо обеспеченных граждан (даже в «Английском политическом детективе» прорисовалась), но этим, естественно, клонирование не исчерпывается, цели весьма и весьма разные.

в) Андроиды: родились из кукол (см. 1-б) несколько столетий назад, в современной НФ их тоже хватает («Электроник» Е. Велтистова, «Эшер II» Р. Брэдбери и многое-многое другое).

г) Обратни — тема тоже не новая, когда-то мы уже вервольфов касались, здесь ипостась немного иная, хотя суть та же самая: биоформирование, волетворчество (как ни назови) — земной вариант происхождения двойника; в бескрайнем космосе оборотни водятся в неисчислимом количестве, упомяну наиболее характерных: существ, меняющих внешность по своему желанию (Р. Шекли. Форма), меняющих внешность по желанию человека (Р. Брэдбери. Сущность; др. перевод: Нечто необозначенное), превращающихся в копию преследователя при угрозе смерти (О. Ларионова. Где королевская охота), существ коллективного разума, объединяющихся в копию человека по модели (К. Саймак. Почти как люди) и снова, см. 2-в, выход на овещественных фантомов живых планет (Э. Маринин. Узник; или, опять же, Солярис); третий вариант — преисподняя: что дьявол может принять любое обличье, еще в средние века знали, для его подручных это тоже не проблема.

д) Дубли и матрикаты. Примерам также несть числа, разница только в способе производства: при помощи магии (А. и Б. Стругацкие. Понедельник...), каких-либо аппаратов (резервы С. Лема, президенты П. Багряка, двойники из ЦВМ-12 в «Открытии себя» В. Савченко), линий суперметрополитена (Я. Цуцуй. Кольцевые ветки), детского конструктора из будущего (У. Тэнн. Игра для детей); выходим на дублирование волновой схемы при телепортации (К. Саймак. Заповедник гоблинов) и на ратомику (Г. Гуревич. Мы — из Солнечной системы); кое-что пропущено, но суть, по-видимому, понятна.

Блок 4. Хронодвойники.

а) Петля времени: наиболее масштабно описана в 7-м путешествии Ийона Тихого (др. перевод: 147 вихрей); останавливаться подробно нет смысла.

б) Сад расходящихся тропок (по одноименному рассказу Х. Борхеса),

можно также назвать теорией ветвящегося времени (Д. Уиндем. Другое «Я»); выход на параллельные миры, планеты и др.; частный случай — антимиры и его дальний предок зазеркалье (см. 1-а), ну а потомком придумается Искраженный мир (Р. Шекли. Обмен разумов).

в) «...пересек зеркальную трещину в фактуре времени. В прошлом, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулся два абсолютно одинаковых человека» (Р. Шекли. Раздвоение личности). Возможно, было еще что-то подобное, мне не встречалось пока.

г) Хроноскопы, мы их уже коснулись (см. 1-г и 1-д), но вот хроноскопия из будущего: «Нет, Джерри, тут что-то не то. Ты видел ее лицо? Она же моя копия!» (Д. Уиндем. Видеорама Пооли); прямая связь с 3-а: подраздел «плюс время».

Среди рефератов о двойниках были и другие вполне достойные опубликования; мы выбрали именно этот — поскольку он показался нам в меру компактным, достаточно универсальным, а если и чуть сложноватым, то только на первый взгляд. Возможно, конечно, что он не все охватит, но не зря же многие из отвечающих брали в качестве эпиграфа знаменитое прутковское: «Никто не обнимет необъятного»...

1-Б. «Я ОБЕРНУЛСЯ К ВОСТОКУ И ОБОМЛЕЛ ОТ СМЕРТЕЛЬНОГО УЖАСА. НА НАШ СКОРЛУПУ-ПАРОХОД БЫСТРО ДВИГАЛСЯ ОТ БЕРЕГА ОГРОМНЫЙ ВАЛ С ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЬЮ ВЫСОТОЙ, ВЕСЬ ЧЕРНЫЙ, С РОЗОВО-БЕЛЫМ, ПЕНИСТЫМ ГРЕБНЕМ НАВЕРХУ. ЧТО-ТО ЗАРЕВЕЛО, ЗАДРОЖАЛО... И ТОЧНО ВЕСЬ МИР ОБРУШИЛСЯ НА ПАЛУБУ». ГДЕ ПРОИЗОШЛА ЭТА КАТАСТРОФА!

Я обернулся и обомлел. За нами гналась, точно огромная злая собака, волна высотой с телевизионную башню в Останкино...

Г. Садовников.
Пешком над облаками

«Наша-то башня повыше будет...» — заметил, сопоставив два этих сравнения, все тот же Л. Абдулин. К слову сказать, после такого сопоставления яснее логика наших ветеранов-ростовчан А. Тетельман и М. Якубовского: «Явно что-то очень старое. При этом сравнение с Эйфелевой башней гораздо характернее для русских авторов, чем для зарубежных».

Да, цитата в вопросе взята из старой русской фантастики. 44 наших читателя отыскали ее в повести А. Куприна «Жидкое сслице» (включенной, кстати, в первую книгу «Библиотеки фантастики в 24-х томах» и потому, при четырехсоттысячном-то тираже,

едва ли не более доступной ныне, чем книги подавляющего большинства самых современных авторов).

Взрыв, породивший гигантскую волну, которая и погубила пароход «Гонзалес» на пути из Гваякиля в Панаму, кое-кого из участников викторины побудил взять для реферирования тему катастроф — вплоть до атомных.

2-А. НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ ЛИ ВАМ В ФАНТАСТИКЕ ПИСЬМА, НАПИСАННЫЕ ВИЛАМИ НА ВОДЕ!

— Такие письма вижу впервые, — сказала она.

В. Михановский.
Находка.

Ох, любят герои НФ писать письма... «Пишут академики, звездолетчики, инопланетяне и слесаря. Пишут из будущего в прошлое и из прошлого в будущее, с Земли в космос и из космоса на Землю. Пишут даже на соседнюю улицу...» — уже в этом зачатке к реферату москвича Л. Выставкина «Письма в НФ» заключена в зародыше целая программа исследования: кто, когда и куда пишет письма в фантастике? К сожалению, референт лишь вскользь коснулся этих вопросов: его интересовала сюжетообразующая роль письма в произведении... Впрочем, и нас сейчас вслед за читателями занимает иное: как пишутся письма в НФ?

«Вообще письма в фантастике обычно пишут на кристаллах, сплавах или передают телепатически, — размышляет десятиклассник Андрей Иванов из Пскова. — Но бывают и исключения, например, в произведении А. Толстого «Союз пята» Игнатий Руф говорит: «тростью на воде пишу». Но трость не вилы...»

Любопытный вариант сконструировали горловчане С. Иванов и В. Черник.

«Мы предположили, — пишут они, — что в НФ такие письма могут писаться на пленке поверхностного натяжения, но... Но — вилы! Скорее, это фэнтэзи или юмористическая фантастика. Какой-нибудь водяной пишет письма Бабе Яге. Вилы, правда, не совсем его орудие, если только этот водяной не морского или океанического класса — Нептун (Посейдон). Тогда его вилы называются трезубцем. Этот вариант нам понравился, и не понять, обрадовались мы или огорчились, когда нашли, что вилами по воде пишет Дед Пихто в повести Г. Карпунина «Луговая суббота»: сюжет с Нептуном не сбрасываем со счета...»

Деда Пихто с его открытками, телеграммами и письмами нашли 54 участника викторины.

А восьмиклассник Алексей Чудинов из Березников, школьный библиотекарь Н. Кобылинская (Че-

1988-й... 1988-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

1988, январь. Близ полуострова Корнуолл пассажирский атомоход столкнулся с супербалкером; от радиоактивного загрязнения погибло около четырех тысяч человек (В. Журавлева. Некий Морган Робертсон. 1980).

1988. Созданы и применяются на пассажирских авиалиниях электропланы, получающие энергию по воздуху без проводов (А. Беляев. Рогатый мамонт. 1938).

1988. Отправляется в межзвездную экспедицию астронавт Чарльз Фоксор — 15-летний искусственный человек, выращенный в Оксфорде из эмбриона гиббона (А. Чеховский. Человекообразный. Рус. перевод — 1968).

1988, 8 августа. Впервые заговорил, проявив признаки воли и эмоций, «Черный Яша» — искусственный интеллект, созданный молодым советским ученым А. Любозцевым. **Ноябрь.** Реализована предложенная «Черным Яшей» идея транслятора, позволяющего вести запись живого мозга; записана первая копия человека (З. Юрьев. Черный Яша. 1984).

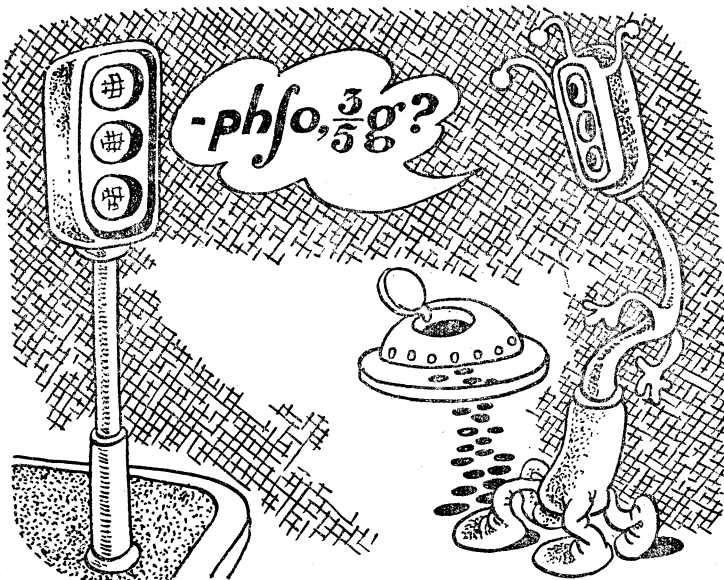
1988, осень. Правительства олигархов в Америке и Европе провоцируют восстания рабочих; часть армии предает хозяев, и победу одерживают восставшие. Торжествует стихия разрушения: гибнет 10-миллионный Нью-Йорк, рушится мировая цивилизация; уцелевает лишь 5-тысячная община в горах Уганды (Э. Буажильбер. Крушение цивилизации. 1890. Рус. перевод — 1910).

1988, ноябрь. Новый президент США Риджли избран с помощью электронно-вычислительной машины и среднестатистического избирателя фермера Хамфри Маккомбера (А. Азимов. Выборы. Рус. перевод — 1982).

Как видим, не столь уж и много событий «запланировано» фантастами на уходящий год. Но, если помните...

По-прежнему продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

репаново Новосибирской обл.) и кое-кто еще вывели нас на такую вот цитату: «Разрешите представиться: специальный агент Катавасии Степан Присядкин. Вы что, разве не получили от нее письмо?... Она написала его вилами по воде. И пустила вниз по течению». Источник цитаты — детективная история А. Семенова «Явление Степана Присядкина», несколько лет назад печатавшаяся в «Мурзилке».

2-Б. «ПОЛИГАМНЫЙ АНТРОПОМОРФИЗМ И ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ГЕОЦЕНТРИЗМ НА УРОВНЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ ПОРОЖДАЮТ ВО МНЕ ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЙ ДЕМОНИЗМ И ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ, ЧТО СОЗДАЕТ НЕВОЗМОЖНОСТЬ КОЛКИ ДРОВ». КТО И ГДЕ С ЮНЫХ ЛЕТ ВЫРАЖАЛСЯ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ!

— Действительно, — бормотал он, — принцип трансинтуляции астигматизации неандантангулярен...
Ю. Самсонов. Мешок снов

Для 141 читателя не осталось тайной — кто этот мастер составлять заумные «заявы», явно гордящийся своим умением: «Настоящим заявляю и удостоверяю своей подписью, что подобным образом с юных лет выражаюсь я, талантливый старший брат своего младшего брата Стефана, человека с пятью «не», Виктор». Между прочим, Виктор Петрович (из фактически уже названной им самим повести В. Шефнера) появился на свет в Рожденьевске-Прощалинске в далеком 1913 году и, как подсказывают читатели, мог бы ныне отметить свое 75-летие...

3-А. «ЗАГАДКА ПЛУТОНА НА КОНЕЦ РЕШЕНА — ЭТА ПЛАНЕТА НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ К НАШЕЙ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ. ОНА ЗАХВАЧЕНА ЕЮ ВО ВРЕМЯ ПУТИ СОЛНЦА ЧЕРЕЗ ГАЛАКТИКУ. ВОТ ПОЧЕМУ ПЛОТНОСТЬ ПЛУТОНА ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ВСЕХ ДРУГИХ ПЛАНЕТ... НО ЕЩЕ ВАЖНЕЕ, ЧТО НА ОДНОМ ХРЕБТЕ ОБНАРУЖЕНЫ СЛЕДЫ ПОЧТИ НАЦЕЛО РАЗРУШЕННЫХ ПОСТРОЕК, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О КАКОЙ-ТО НЕВООБРАЗИМО ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ». КЕМ ИЗ ФАНТАСТОВ РЕШЕНА ЗАГАДКА ПЛУТОНА!

— В каком-то фантастическом романе я читал о пришельцах с Плутона... Неужели вы считаете это возможным!

А. и С. Абрамовы.
Всадники ниоткуда

119 отвечавших правильно назвали источник вопроса — роман И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Кое-кого заинтересовало (а некоторых и смutilo), что у Ефремова «уже много лет летают межзвездные экспедиции, а до Плутона добрались только сейчас»: фантастика успела приучить нас к кажущейся легкодоступности планет Солнечной системы — за исключением разве что газовых гигантов... Но сами же участники викторины и объяснили этот парадокс: «ведь и мы, — пишет, например, К. Максимов (Киров), — сейчас очень мало знаем о внутреннем строении Земли, фактически не знаем, что у нас под ногами, в то время как космические межпланетные станции достигают других планет».

«А вообще-то Плутона не очень популярен в НФ...» — прочитали мы в одном из писем и — улыбнулись, вспомнив концовку ответа из другого письма: «Таким образом, Плутона вовсе не обделен вниманием писателей-фантастов».

Среди рефератов третьего тура дюжина посвящена Плутому — остается только свести их в единое целое и выкроить место в журнале...

3-Б. «Я ДАВНО УЖЕ ПЕРЕСТАЛ ВИДЕТЬ ЗНАКОМЫЕ ГЛАЗУ СОЗВЕЗДИЯ. Я ЗНАЛ, ЧТО ЕСТЬ ТАКИЕ ЗВЕЗДЫ В НЕБЕСНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ, ОТ КОТОРЫХ ЛУЧИ ДОХОДЯТ НА ЗЕМЛЮ ЛИШЬ В ТЫСЯЧИ И МИЛЛИОНЫ ЛЕТ. МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ УЖЕ ПРОЛЕТАЛИ ЭТИ ПРОСТРАНСТВА...» ОТКУДА ВЗЯТЫ ЭТИ СОБРАЖЕНИЯ!

Вид небесной сферы был ужасен...

А. Колпаков. Гриада

Дадим еще раз слово нашим ветеранам из Горловки.

«Вопрос, безусловно, самый лучший, красивый, оригинальный и самый сложный в викторине, — пишут С. Иванов и В. Черник. — Произведение, конечно, давнее, к этому выводу мы пришли сразу. Сейчас более привычно звучит: в космическом пространстве, а не в небесных пространствах. Скоро мы нашли и подтверждение этому наблюдению — в наброске Н. Морозова «Путешествие в космическом пространстве», где так именно и говорится о пространствах во множественном числе... Так мы и хотели ориентироваться, по году написания этой вещи (1882), на конец прошлого — начало нынешнего века, но нас сбил Вл. Гаков. Или сами мы себя сбили, перестаравшись в изысканиях? В его работе «Рассвет космической эры», мы помнили, разбирается, кто первым из фантастов вышел за пределы Солнечной системы. И вот — фраза: «до конца 20-х годов нашего века никому из фантастов и в голову не пришло отправить своих героев к звездам». Мы зашорились этим сроком, обращаясь

только к творчеству писавших примерно в это время писателей... Потом уже от отчаяния стали перебирать всех подряд (от Лукиана до Д. Лондона) и вот — у Достоевского нашли эти «небесные пространства»!.. Самое интересное, что в сборнике «Вечное солнце», где мы смотрели Н. Морозова, помещен и «Сон смешного человека» Достоевского. Значит, вопрос был не такой уж и трудный? Надо было только внимательно смотреть...»

Увы: внимательно смотреть нужно уметь... Рассказ Достоевского в последние годы опубликован минимум в трех антологиях НФ, общим тиражом — свыше 600 тысяч экземпляров! А указали-то его, отвечая на вопрос, лишь 22 участника викторины.

4-А. «— ВЫ ЗНАЕТЕ, КАК-ТО ВО ВРЕМЯ ЗАБАСТОВКИ МНЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРОБЕЖАТЬ ОДИН РОМАН. ЭТО НЕ ВАШ!

— НЕ ЗНАЮ, — СКАЗАЛ Я. — А О ЧЕМ!

— Н-НУ, Я НЕ МОГУ СКАЗАТЬ ВАМ СОВЕРШЕННО ТОЧНО... СЫН ПОССОРИЛСЯ С ОТЦОМ, И У НЕГО БЫЛ ДРУГ, ЭТАКИЙ НЕПРИЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК СО СТРАННОЙ ФАМИЛИЕЙ... ОН ЕЩЕ РЕЗАЛ ЛЯГУШЕК.

— НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ, — СОВРАЛ Я.»

О КАКОМ РОМАНЕ РЕЧЬ — И ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ДИАЛОГ!

— Вы писатель, наверное!

— Увы...

— А как ваша фамилия!..

— Тургенев, — сказал я и пошел домой.

А. и Б. Стругацкие.
Хромая судьба

Сообщим без комментариев: роман Тургенева «Отцы и дети» опознали 170 участников викторины, повесть Стругацких «Хищные вещи века», из которой взят диалог, — 91.

4-Б. «НЕКОЕ СУЩЕСТВО К. Ш., НАПРАВЛЯЯСЬ С ЦЕЛЬЮ ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕБОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ПИЩЕВЫХ БЕЛКОВ И УГЛЕВОДОВ ДРУГОМУ СУЩЕСТВУ Б., БЫЛО НА ПУТИ ОБНАРУЖЕНО СУЩЕСТВОМ ИНОГО РАЗРЯДА В. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО...» ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЗЯТ ЭТОТ ПЕРЕСКАЗ СТАРОДАВНЕЙ ИСТОРИИ!

— Папа! — раздался голос крошки Мод. — Напиши рассказ о Красной Шапочке и Сером Волке...
И. Варшавский. Секреты жанра

«Закодированные до уровня сухой информации сказки у обучающих роботов. Страшно представить...» — пишет, отвечая, А. Никифоров (Пав-

лодар).— Но роботы роботам рознь. И читают роботессы сказки в перевозданном виде (Н. Нильсен. Запретные сказки), пытаются объяснить непонятное и страшноватое с помощью сказок (А. Сэллингс. Вступление в жизнь), создают даже свои собственные сказки (С. Лем. У роботов — свои сказки)... А сама К. Ш. — т. е. Красная Шапочка — в «натуральном» виде живет в повестях Булычева «Лилозный шар» и Крапивина «Летчик для Особых Поручений» (здесь их даже несколько). С разной степенью достоверности в К. Ш. играют дети (А. Бачило. Ни в сказке сказать; Д. Биленкин. Город и Волк). Гипнотически материализуют ее на футбольном поле «Волшебники на стадионе» Д. Родари. По-новому переделывает старый сюжет Дик Пенроуз (И. Варшавский. Секреты жанра). И самым обычным — или необычным — образом сказку просто рассказывают (В. Журавлева. Снежный мост над пропастью; Д. Родари. Как Марко и Мирко играли с чертом)... Цитата же взята из повести Ф. Кнорре «Бумажные книги Лали» (М.: Детская литература, 1983).

Что ж, многие, разумеется, поняли — о каких таких «неких существах» К. Ш., Б. и В. идет речь. Понять то поняли, но лишь 11 участников викторины нашли (или вспомнили) источник цитаты.

5-А. «МОРИШИЛЛЕ-КЛЕЙПУЧКА. ДЛЯ БОЛЕЕ ТОНКОГО ВКУСА ДОБАВЛЕНЫ ЛАКТЫ-ЭКТЫ. КЛЕЙПУЧКУ ПЬЮТ ВСЕ! РЕКОМЕНДУЕТСЯ ДО И ПОСЛЕ ЕДЫ. НЕПРИЯТНЫЕ ПОБОЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ОТСУТСТВУЮТ. ПОЛЕЗНО ДЕТЯМ! НАПИТОК ВСЕЛЕННОЙ!» СОГЛАСИТЕСЬ ЛИ ВЫ С ТАКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ «НАПИТКА ВСЕЛЕННОЙ»!

— Я умирать от чай в суда-
рогах,— признался пришелец.
К. Булычев. Надо помочь!

Мнение 104 участников викторины по этому вопросу с вполне понятной экспрессией выразил А. Цеменко (Керчь):

«Согласиться с этим решительно нельзя! Во-первых, никакой рекламе вообще верить нельзя — это общий принцип. Во-вторых, Напитка Вселенной не может существовать даже теоретически: что для одного жителя Вселенной — еда, то для другого — яд! Это подтверждает и рассказ Р. Шекли «Где не ступала нога человека», откуда взята цитата. В-третьих, автор перевода рекламы с хелгского языка на английский (через алумбриджанский) — астронавт Хеллмен — допустил ошибку: вместо «клейпучку пьют все» следовало читать «клейпучка пьет всё». Так что ни с текстом, ни со смыслом процитирован-

ной характеристики напитка согласиться нельзя!»

5-Б. «Я СДЕЛАЛ ПО РАСПИСАНИЮ ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ВОТ ЧТО: НАЛИЛ В МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ МЕНЗУРКУ ПРОСТЕЙШЕЕ СОЕДИНЕНИЕ ВОДОРОДА С КИСЛОРОДОМ. ДОВЕЛ ДО ТОЧКИ КИПЕНИЯ. В ФАРФОРОВЫЙ ТИГЕЛЬ ВСЫПАЛ ШЕСТЬ ГРАММОВ СИНЕПСИСА. СМЕШАЛ СИНЕПСИС С ТРЕМЯ ЛОЖКАМИ ПОЛИОЗЫ. ТОНКУЮ ПЛАСТИНКУ, СОДЕРЖАЩУЮ ЭЛЕМЕНТЫ ФОСФОРА И КАЛЬЦИЯ, СОЕДИНИЛ С ТОЛСТОЙ ПЛАСТИНКОЙ АМИНОКИСЛОТ И...» ЧТО ДЕЛАЛ ГЕРОЙ — И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ!

— Я могу выдержать все, что
удобно,— всхлипывая, бормотал
он.— Но только не голод...

Л. Треер.
Вермудский четырехугольник

Герой цитируемого в вопросе произведения занят именно этим: на скорую руку утоляет голод, заварив себе чай, бросив в него сахар и изготовив бутерброд с сыром... Ответ — в повести В. Медведева «Сверхприключения сверхкосмонавта» — нашли 39 участников викторины.

«По поводу этого вопроса хочу выразить решительный протест!!! Я не думаю, что книгу В. Медведева «Фантазия Баранкина» можно отнести к фантастике. Это просто детская книжка. Ни в одной известной мне библиографии ее нет. Если бы я случайно не купил ее в подарок сынишке моего друга и не перечитал, то никогда бы в жизни ответ на этот вопрос не нашел...»

Что сказать в ответ на это заявление? Да только то, пожалуй, что подобными вопросами мы и новичкам нашим, школьникам в первую очередь, даем шанс попасть в призеры...

6-А. «О ЧТЕНИИ ТОЖЕ БЫЛ ЗАКОН. ЧИТАТЬ ВОСПРЕЩАЛОСЬ, ПОТОМУ ЧТО ЧТЕНИЕ БЫЛО ЗЛОМ». ГДЕ ОПИСАНА ЭТА СИТУАЦИЯ!

— А книги-то зачем задерживать!

— Ну как зачем!..— Бургомистр стыдливо заулыбался.— Чепуха, конечно, но ходят слухи, будто без книг они не могут... как нормальные люди без еды и прочего.

А. и Б. Стругацкие.
Прекрасный утенок

Права читатели: вот с этого все и начинается, приводя в конце концов к чудовищной ситуации, конкретное описание которой 35 участников викторины отыскали в рассказе К. Саймака «Поколение, достигшее цели».

А ВАША ОЦЕНКА?

В нашем январском номере, если помните, 10-классник из Саласпилса Павел Лехнов предложил проводить в конце года «хит-парад» опубликованной фантастики.

Призываем читателей «Аэлиты-88» реализовать эту идею.

На последней странице декабрьского выпуска помещено оглавление всей книги. Произведения, в нее вошедшие, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: «Аэлита-88») эти номера — от 1 до 13. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем обычную пятибалльную систему:

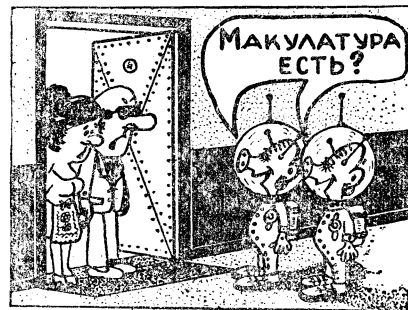
5 — в восторге; отличное произведение!

4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;

3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; перечитывать, во всяком случае, не буду;

2 — вызывает массу замечаний: недоработанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;

1 — категорически против публикации; зря потрачена бумага, занято чужое место!

Из рефератов о чтении и книгах нам приглянулось эссе В. Молчанова (Пермь). Ему и слово.

Лучезарный Феникс

«Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом». Всего одна строчка, а какое негодование вызывает она против общества, способного принять такой закон! Такое общество не имеет права на существование, его просто не может быть!

Но искушенный читатель знает, что в фантастике проводятся иногда сложные «социологические эксперименты», в том числе исследуются самые разнообразные варианты человеческих отношений в будущем. Среди этих вариантов есть и невероятные с нашей точки зрения, невероятные с позиций гуманизма, а то и просто здравого смысла. Зачем нужны: подобные эксперименты, нет ли здесь схоластики, «лужавого мудрствования», оторванности от проблем сегодняшнего дня?

Рассмотрим варианты «общества будущего» по одному-единственному критерию — отношению к книге.

а) Книг нет, общество почти полностью состоит из неграмотных, книги запрещены законом (Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту; Э. Лудвиг. Маленький преступник; К. Саймак. Поколение, достигшее цели; П. Макграт. Из рога врата и врата из кости слоновой).

б) Книг почти нет, поскольку читать просто «не принято» или «неприлично» (Т. Диш. Благосостояние Эдвина Лолларда; Д. Д.'Агата. Америка о'кей; А. и С. Абрамовы. Спокойной ночи; С. Баундс. Реликт).

в) Книги хотя и есть, но некоторые из них запрещены, в том числе и прежде всего — фантастика (Р. Брэдбери. Эшер II; Изгнанники; Лучезарный Феникс).

Большинство этих произведений описывает общество, основанное на принуждении массы повиноваться «старшим», на жесткой регламентации деятельности, на контроле «руководителей» за всем, иногда даже за снами и мыслями. Сама возможность существования такого общества основана на полном равнодушии большинства его членов друг к другу, это общество буквально питается равнодушием потребителей телевизионных зрелищ, наркотиков или наркотических снов. Конечно, любая книга для такого общества является страшной опасностью, и оно защищается от этой опасности, уничтожая книги.

Но разве это далеко от действительности? Мы хорошо помним, что костры из книг пылали в фашистской Германии, что китайские хунвэйбины сжигали книги на площадях — это не фантастика, это была реальная и жуткая действительность. Может быть, кто-то считает, что уж к нашему-то обществу все это не имеет отноше-

ния? Однако вспомните, ведь замечательного писателя М. Булгакова мы открыли совсем недавно, многие фантастические произведения А. Платонова, В. Иванова, Е. Замятина печатаются только сейчас, а ведь написаны они были в двадцатых-тридцатых годах. Что это было, как не сожжение книг, пусть не на площадях, а тайно...

Значит, и у нас были свои «пожарники», раздувавшие костры из книг, — а отблески этих костров мы и сегодня видим в нашем «книжном дефиците». Мало признать писателя, нужно еще, чтобы его произведения продавались в книжных магазинах! Сегодня это невозможно, книги «распределяются» и оседают на полках работников торговли и руководящих чиновников. В этом огромная трагедия нашего общества, книги попадают не к тем, кто их читает... Нет, нам действительно нужна перестройка!

Вот какие ассоциации может вызвать всего одна строчка фантастики. Не зря боятся ее до сих пор наши бюрократы от литературы и книгоиздания...

6-Б. КАК ЗВАЛИ ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ МОГЛА В УМЕ УМНОЖИТЬ 828 464 280 НА 4 692 438 921!

— Сколько будет, если умножить 12 897 на 13 865!

— 729,— не моргнув глазом, ответил Швейк.

— Я думаю, вполне достаточно,— сказал председатель.

Я. Гашек.

Похождения бравого солдата Швейка

Удивительную девочку звали не Алисой (как предположили иные из отвечающих), а... Поначалу — Марси. Позже, когда она вместе с братом перебралась в будущее,— Элейн Сэндз.

141 участник викторины подтвердил нам это ссылкой на повесть Р. Янга «У начала времен».

7-А. «ИЗ ВСЕХ ЗЕМНЫХ ЖИВОТНЫХ ЧАЩЕ ВСЕГО СОПРОВОЖДАЛИ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОСЕ КОШКИ. ОНИ ПЕРЕНОСИЛИ УСКОРЕНИЯ, НЕБЕСОМОСТЬ И ПРОЧИЕ НЕУДОБСТВА ПЕРЕЛЕТОВ С ТАКОЙ ЛЕГКОСТЬЮ, ЧТО ЭТО ВЫЗВАЛО ПОЯВЛЕНИЕ ДОВОЛЬНО СТРАННЫХ ЛЕГЕНД. СОГЛАСНО ОДНОЙ ИЗ НИХ...» В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ БЫТУЕТ ВЕРСИЯ, ЧТО «КОШАЧЬЕ ПЛЕМЯ — ЭТО ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ДАВНО ЗАБЫТОГО ВТОРЖЕНИЯ НА ЗЕМЛЮ ИЗ КОСМОСА»!

А-а, киска... Это которые мышей лезят...

С. Комацу.
Похитители завтрашнего дня

25 наших читателей нашли космическую версию о происхождении кошек в романе Э. Нортон «Саргассы в космосе». А. Тетельман и М. Якубовский добавляют к этому, что данная гипотеза подтверждена и К. Булычевым в рассказе из мартовского номера «Химии и жизни» за этот год. А Андрей Иванов из Пскова сообщает, что эта же версия высказывается в «Тайне кошачьего племени» Г. Усовой.

7-Б. «КОГДА ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК НАУЧИЛСЯ ДОБЫВАТЬ ОГОНЬ, ПЕРВОЕ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПРИГРЕВШЕЕСЯ У ЕГО ОЧАГА, БЫЛА НЕ СОБАКА — ЭТО БЫЛ...» КТО! И КАКОВА ЕГО ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА!

Сотрудничество было полезным для обеих сторон...

А. Азимов. Небывальщина

«Это был черт, покинувший свои болота», — цитатой из рассказа Б. Лапина «Конгресс» ответил 84 участника викторины. За прокорм и пристанище черт отдаривал тем, что следил за преемственностью традиций, обычаев и нравов у человеческого племени. Но в век НТР «добрые гении семейного очага» оказались не у дел и потихоньку вымирают...

Приведем один из рефератов, рожденных этим вопросом. Автор его — В. Гуревич из Комсомольска-на-Амуре.

Прав ли Б. Лапин, утверждая, что общение человека с чертом идет с доисторических времен? Если это так, то, безусловно, сведения о таких контактах должны быть непременно зафиксированы в НФ. Что ж, проверим. И ограничимся при этом исключительно чертями и их эквивалентом — демонами. Всю прочую нечистую силу — как нашу, так и зарубежную — я опускаю из рассмотрения, иначе исследование будет чрезмерно обширным...

Прежде всего, в НФ зафиксировано, что черти (демоны) действительно существуют очень давно — по крайней мере, со времен Атлантиды (Р. Шекли. Царская воля). При этом часть авторов трактует их происхождение как инопланетное; в качестве примера чаще всего фигурирует почему-то Мефистофель (В. Кайдощ. Опыт; И. Варшавский. Поездка в Пенфилд; В. Бахнов. Кое-что о чертовщине). Многие воспринимают сосуществование с чертями как вполне тривиальный факт, ничуть не удивляясь тому, что два общества вступают в самые разнообразные деловые, любовные и прочие бытовые отношения (А. Пушкин. Сказка о попе и его работнике Балде; М. Лермонтов. Демон; М. Булгаков. Мастер и Маргарита; Н. Гоголь. Пропавшая грамота; Ночь перед Рождеством).

Между прочим, проделки черта с лунной, изложенные Гоголем, получают авторитетное подтверждение от Модеста Модестовича Камноедова (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Втайне от широких кругов общечеловечности, черти периодически появляются перед людьми, вызываемые заклинаниями на предмет различных сделок (Э. Бучер. Клоподав; А. Порджес. Саймон Флэгг и дьявол). Это может произойти и случайно, в результате научного эксперимента (Д. Биленкин. Существует ли человек). Не гнушаются каббалистики и сами черти (У. Сэндерс. Договор). В результате может завязаться такая сложная цепочка взаимоотношений, как «демон — человек — демон» (Р. Шекли. Демоны). Иногда соглашения по поводу души заключаются и без магических вызовов (Г. Катнер. Сим удостоверяется).

Вся история человеческой цивилизации может быть рассмотрена как борьба Сатаны с Саваофом по правилам игры в чет-нечет (И. Варшавский. Игра). Р. Шекли в «Битве» успокаивает нас тем, что все-таки в Армагеддоне восторжествует добро (правда, призвав себе на помощь военную роботехнику).

По-видимому, контакты с чертями не прекратятся и в будущем — о том свидетельствует С. Другаль, рассказывая в «Экзамене» о приурочении чертенка великим иллюзионистом Ивановым.

К слову сказать, черти используются подчас для утилитарных целей — для обслуживания, например, машинного зала Колеса Фортуны (А. и Б. Стругацкие. Понедельник...). А если недостает натуральных чертей, можно воспользоваться и механическими (С. Другаль. Жизненно необходимый).

Весьма актуально для нашего времени звучит напоминание о том, что в борьбе с бюрократизмом черти бессильны (Д. Биленкин. Адский модерн); уповать в решении этой задачи можно только на человеческий фактор. Тем более что бюрократизмом на нынешнем этапе пронизано не только наше (человеческое), но и их (чертей) общество (В. Орлов. Альтист Данилов);* и черти не избежали влияния времен застоя (В. Шукшин. До третьих петухов), что налагает на нас еще большую ответственность.

Знаю, что по правилам викторины можно ссылаться только на те произведения, которые изданы у нас, но не могу не упомянуть об интересной версии Ф. Х. Фармера в романе «Изнутри — снаружи»: по мере переселения в ад все большего числа грешников количественный фактор переходит в качественный и... люди подчиняют себе чертей!

8-А. «— ЧТО ЖЕ БУДЕТ С ЛУНОЙ!— ТРЕВОЖНО СПРОСИЛ Я.— УПАДЕТ ЛИ ОНА НА ЗЕМЛЮ ИЛИ УЙДЕТ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО, КОГДА РАСПАДЕТСЯ НА ЧАСТИ?

— НИ ТО, НИ ДРУГОЕ. СКОРЕЕ ВСЕГО, ОНА БУДЕТ НОСИТЬСЯ ВОКРУГ ЗЕМЛИ БЕСКОНЕЧНО ДОЛГО... НО ВЕРНЕЕ ВСЕГО — ЛУНА РАЗЛЕТИТСЯ НА МЕЛКИЕ ЧАСТИ, И ТОГДА ВОКРУГ ЗЕМЛИ ОБРАЗУЕТСЯ СВЕЯЩИЙСЯ ПОЯС, КАК У САТУРНА. КОЛЬЦО ИЗ МЕЛКИХ КУСКОВ».

КЕМ ВЫСКАЗАН ЭТОТ ПРОГНОЗ?

Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц! — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло, а месяц — ночью.

К. Прутков. Мысли и афоризмы

Прогноз этот, как свидетельствуют 106 наших читателей, высказал астроном Тюрин, герой романа А. Буляева «Звезда КЭЦ».

А вот — маленький реферат на тему: не происходили ли разнообразные катастрофы с Луной в других НФ произведениях? Автор его — С. Зырянов (Верхний Уфалей Челябинской обл.).

С нашим вечным спутником фантасты обращаются довольно вольно. То она вообще «не из нашего муравейника» (А. Казанцев. Фазты), а то и кратеры на ее поверхности, окрывается, дело рук человеческих (С. Лем. Путешествия Ийона Тихого).

Очень близко от Земли (буквально — рукой подать) находилась Луна в рассказе И. Кальвино «Отделение Луны». Но это, так сказать, по природным условиям. А в романе А. Лори «Изгнанники Земли» Луна притягивается к Земле с помощью особого аппарата.

Раскручивают Луну с помощью реактивных двигателей (А. Митрофанов. На десятой планете). Грызут бедную Луну страшные космики (Ф. Дымов. Аленкин астероид)...

Путешественники обнаруживают на Луне большие трещины (Ж. Верн. Вокруг Луны). Видимо, имел зуб на Луну и Антон Павлович Чехов: Джон Лунд из его пародии на Жюль Верна «Летающие острова» занят вопросом о просверлении Луны.

И, наконец, Луна разлетается на куски в рассказе Р. Силверберга «Конец света». Самый же известный рассказ о кончине Луны написал А. Толстой — «Союз пяти»...

8-Б. «— О ЧЕМ ЖЕ ВАША ГИПОТЕЗА!— СПРОСИЛ Я, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ. ДЕЛО СТАНОВИЛОСЬ ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ ЗАПУТАННЫМ.

— О ТУНГУССКОМ МЕТЕОРИТЕ. — КОТОРЫЙ УПАЛ БЛИЗ ФАКТОРИИ ВАНОВАРА В 1908 ГОДУ!

— КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПАДАЛ НА ЗЕМЛЮ».

А ЭТОТ ДИАЛОГ — ОТКУДА!

Для многих успокоительно знать, что тунгусский взрыв был давно и в тайге. А если «тунгусское диво» позволит себе повториться! И не в тайге!

С. Павлов. Лунная радуга

Может быть, и для многих, — повторим мы вслед за К. Максимовым (Киров), автором этого эпиграфа, — но только не для фантастов! Уж их-то упрекнуть в невнимании к проблеме Тунгусского метеорита ну просто никак нельзя...

Конкретный ответ на наш вопрос 121 участник викторины нашел в рассказе А. Казанцева «Взрыв» — именно отсюда взят приведенный нами диалог.

9-А. «ОТ МУСОРА ПРОСТО ДЕВАТЬСЯ НЕКУДА...» ГДЕ ВЫХОДОМ ИЗ ЭТОЙ СИТУАЦИИ СТАЛО СОЗДАНИЕ ЧУДО-МЕЛЬНИЦ? А КТО ПРИДУМАЛ БОЛЬШОЙ МУСОРНЫЙ ЯЩИК?

— Это, друг мой, Дворец Мусора...

Р. Шекли. Координаты чудес

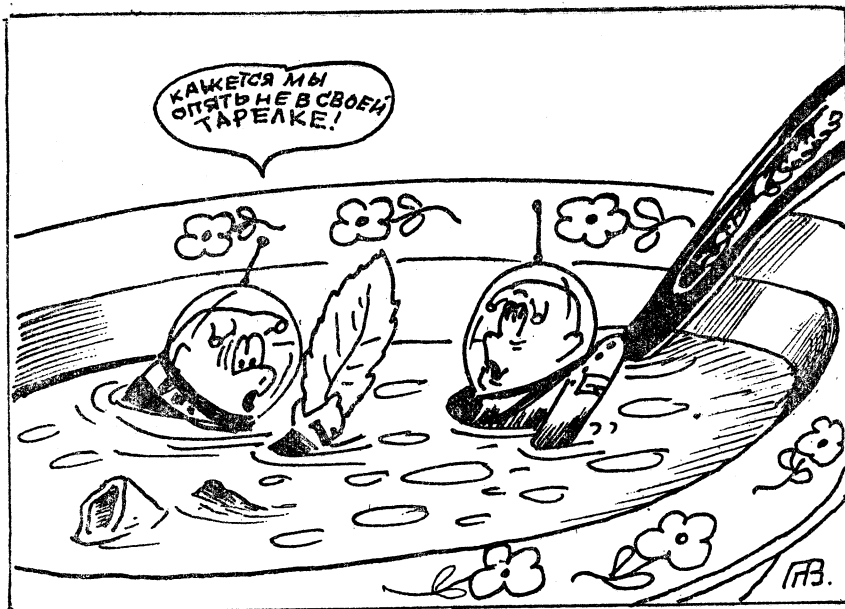
«Выходом от «изобилия мусора» послужила Чудо-Мельница в рассказе Дж. Эзертонна «Нежданно-негаданно», — пишет М. Исангазин (Омск). — Ну а Большой Мусорный Ящик придумала Кира Владимировна Сафрай в рассказе В. Журавлевой «Мы пойдем мимо — и дальше». Идея эта возникла у нее, когда попыталась она вообразить, что за машину придумал ее подопечный Игорь Чуваев».

С М. Исангазиным солидарны 64 человека — по Чудо-Мельницам и 79 — по Б. М. Я.

9-Б. «НАДО ТОЛЬКО СПРОСИТЬ ЕГО, ЧТО ОН БУДЕТ ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВСТРЕТИТСЯ С ШЕСТИМЕТРОВЫМ ПАУКОМ ОТВРАТИТЕЛЬНОГО ВИДА. ПЕРВОЙ, ИНСТИНКТИВНОЙ РЕАКЦИЕЙ ИСПЫТУЕМОГО БЫЛО ИЗВЛЕЧЬ БЛАСТЕР И ВСАДИТЬ В ПАУКА ВЕСЬ ЗАРЯД. ПАУК ЖЕ МОГ ОКАЗАТЬСЯ БРОДЯЩИМ В ОДИНОЧЕСТВЕ МЕСТНЫМ ПОЭТОМ, ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ НЕПРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЗАЩИТЫ МЕСТНЫХ ПТАХ И КУЗНЕЧИКОВ». ГДЕ ПРЕДЛОЖЕН ЭТОТ ТЕСТ ДЛЯ КОСМОНАВТОВ, УХОДЯЩИХ К ДАЛЬНИМ ПЛАНЕТАМ? И ЧТО ТАКОЕ — АНАПОД?»

— Ой, — воскликнула Маша. — Мне так стыдно! Но меня подвели нервы...

К. Булычев. Протест

Тест для проверки космонавтов на ксенофобию нашли в рассказе К. Булычева «Снегурочка» 67 участников викторины. Многие вспоминали «Случай на Оме» Д. Биленкина, где космонавт не выдерживает испытания ситуацией, напоминающей булычевский тест... Во избежание подобных случаев Г. Гуревич придумал свой «аналод» — прибор, «анализирующий аналогии, подыскивающий подобия» и преобразующий для своего владельца непривычную внешность собеседника в облик вполне приемлемый. 120 отвечавших знакомы с «аналодом» по роману «В зените», повестям «Приглашение в зенит», «Яхта Здарга» и другим произведениям писателя.

10-А. ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЗЯТЫ СЛЕДУЮЩИЕ ФРАЗЫ:
 А) «КАК ЭТО ЧАСТО БЫВАЕТ, СОБЫТИЯ ТЕХ НЕМНОГИХ ДНЕЙ СКОРО БЫЛИ ОТОДВИНУТЫ НА ВТОРОЙ ПЛАН: БЛИЗИЛСЯ УЖЕ КОНЕЦ ПОСЛЕДНЕГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ, И ГАРИН РАБОТАЛ ДОПОЗДНА, НАВЕРСТЫВАЯ УПУЩЕННОЕ»;
 Б) «КОМПЬЮТЕР ЭПИКАК РАБОТАЛ БЕЗ ПОМОЩНИКОВ, ПРИНИМАЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНОМ КАБИНЕТЕ»;
 В) «НАС ЗАБАВЛЯЛА ПРЕЛЕСТЬ. ЭТОТ ТИП РОБОТОВ ОБЛАДАЕТ ОЧЕНЬ ЕМКОЙ ПАМЯТЬЮ, УДИВИТЕЛЬНОЙ ЛОГИКОЙ МЫШЛЕНИЯ»;
 Г) «ДА НЕТ, НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. ОБЫКНОВЕННЫЙ КОЛЛЕКТОР РАССЕЯННОЙ ИНФОРМАЦИИ, ТОЛЬКО МАЛОГАБАРИТНЫЙ И ЛОКАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ».

Но тут, черт его знает, что-то случилось... Во-первых, Гаринных оказалось двое.

А. Толстой.
 Гиперболоид инженера Гарина

И даже не двое, потому что — кроме классического Петра Петровича — есть Гарины в рассказах А. Хлебникова «Талисман», Е. Лебедева и В. Студеникова «Комплекс неполноценности», в романе «Семь стихий» В. Щербакова... «Нашего» Гарина, Геннадия Александровича, 35 читателей отыскиали у В. Щербакова же в рассказе «Отступление». В повести «Победитель невозможного» Е. Велтистова 29 участников викторины отыскиали «нашего» Эпикака; в повести С. Жемайтиса «Вечный ветер» («Плавающий остров») 21 участник нашел и «нашу» Прелесть; в рассказе «Две истории из жизни изобретателя Евгения Баранцева» Л. Розановой 50 человек раскопали и «наш» КРИ...

10-Б. А) «ГОРОД БАЙКОНУР, КАК ИЗВЕСТНО, ОКРУЖЕН НЕПРОХОДИМЫМИ ДЖУНГЛЯМИ»; Б) «— ЗЕМЛЯ — СПЛОШНЫЕ ДЖУНГЛИ, — ГОРДО ИЗРЕКЛА МИССИС РРР»; В) «НЕДЕЛЮ ВЫПУСКНИКИ ПРОВЕЛИ НА НАЗЕМНОЙ МАГИСТРАЛИ МОСКВА — САРАТОВ — КАБУЛ — ДЕЛИ»; Г) «ПОМОГИТЕ МНЕ ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЭТОГО КОСТЮМА. КАЖЕТСЯ, Я ПОДЦЕПИЛ БЛОХУ НА МЫСЕ КАНАВЕРАЛ».

— Но я все это где-то читал, — сказал с сомнением один из магистров в первом ряду.

А. и Б. Стругацкие.
 Понедельник начинается в субботу

Не укрылись от глаза участников викторины и эти фразы. Их нашли в произведениях: а) «Ответное слово» А.-Х. Мархабаева (67 человек), б) «Земляне» (из «Марсианских хро-

ник») Р. Брэдбери (158), в) «Мы — из Солнечной системы» Г. Гуревича (43), г) «Пан Сатирус» Р. Уормсера (130).

Второй тур

А. ИСПОЛЗУЯ НАЗВАНИЯ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОСТАВЬТЕ КАК МОЖНО БОЛЕЕ ОБШИРНЫЙ ЧИСЛОВОЙ РЯД.

Постепенно голос его стал слабеть, он в последний раз еле слышно выдохнул: «...миллиардов», — и бессильно откинулся на спинку стула.

Ч. Дзаваттини. Состязание

Интересно: а нам-то какво, если мы, в отличие от героя итальянского фантаста, имеем дело даже не с миллиардами, но с триллионами?! Одно выручает: в наших триллионах — миллионы пропусков, причем миллионы — еще слишком мягко сказано. Завершает-то числовой наш ряд $3 \cdot 10^{13}$ (М. Емцев, Е. Парнов. Бунт тридцати триллионов), дальше в наличии у нас лишь бесконечность, математический знак которой как-то неловко присовокуплять к заурядным цифровым величинам. Но всех чисел у нас набирается лишь 248 «штук» — не сущий ли мизер?

И однако ж привести этот «мизер» мы не сможем: достаточно с нас и прошлогодних упреков за «слепые» две страницы расшифровки рассказа из названий.

Отметим немногое.

Общими усилиями мы с вами собрали непрерывный числовой ряд от нуля до 33. Чуть выбивается, правда, «23-е путешествие Ийона Тихого»: отдельно оно печаталось, но под другим названием («В гостях у бжуртов»). Однако рассказы С. Лема из этого цикла — произведения совершенно самостоятельные, и совершенно естественны цифровые обозначения в их названиях (в отличие, скажем, от датировок в названиях рассказов из «Марсианских хроник» Р. Брэдбери: эти датировки «звучат» лишь в цикле, не случайно они, как правило, опускались при самостоятельной публикации рассказов).

Наш ряд достаточно плотен до 50: нет лишь убедительных примеров на 34, 35, 36, 38, 42, 43, 49. Кое-кто, правда, считает возможным «Пять недель на воздушном шаре» Ж. Верна обратиться в 35 (5·7!)... Дальше пропуски значительно обильнее, и общее количество чисел во многом набирается за счет откровенно очерковых произведений. Скрепя сердце мы их все-таки засчитали, но от подзаголовков отказались категорически — хотя и пришлось из-за этого, под давлением многих ответов, за «27» засчитать разбиравшееся в од-

ной из давних наших викторин «три-девять»: на упреки в некорректности, сыплющиеся и слева и справа, мы уже не реагируем...

Закончим констатацией: числовой ряд выстраивал 281 участник викторины.

Б. ПЕРЕЧИСЛИТЕ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, В НАЗВАНИЯ КОТОРЫХ ВХОДЯТ СИНИЙ, ГОЛУБОЙ ИЛИ ЗЕЛЕННЫЙ ЦВЕТ.

Лучшее название для романа или повести — «Планета» или «Звезда». Причем обязательно с дополнением, для планеты с цветовым, а для звезды с буквенным. Например...

Н. Богословский.
Для вас, фантасты!

Примерами, очевидно, располагает каждый из 116 человек, работавших этот вариант тура (51 участник викторины запасся терпением на оба варианта). В целом насобиралось, считая и оттенки, а также — опять-таки под давлением отвечающих — различные «радуги», «спектры» и иные цветовые пучки, — свыше 210 названий. Десятка три из них пришлось отбросить сразу — как нефантастику. И долго разбираться со всем остальным. С теми же «радугами», к примеру. «Семь цветов радуги» или «Все цвета радуги» — тут, скажем, не отвертеться. Ну а «Два цвета радуги» или «Выше Радуги»? И, допустим, «Далекая Радуга», «Лунная радуга» — наименования планеты, корабля, а отнюдь не обозначение цветового явления?

И в этом варианте мы вынуждены опустить утомительно длинные перечни названий. Желающим подсчитать

свои очки можем лишь посоветовать каждое сомнительное название подвергнуть дотошному анализу. А заодно сверить со словарем собственное понимание оттенков. Фигурирующие у многих «лиловый» и «сиреневый», к примеру, — это оттенки фиолетового цвета, отнюдь не синего.

Третий тур

1. ОТВЕТЬТЕ НА ОДИН ИЗ ПРЕДЛОЖЕННЫХ ВОПРОСОВ: А) С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ОТПРАВИЛАСЬ В КОСМОС ВОТ ЭТА КОМПАНИЯ — АНТОН, ВАДИМ И... С. Р.? Б) «СУЩЕСТВУЮТ ДВА ТИПА НЕИЗВЕСТНЫХ ОПАСНОСТЕЙ: НЕИЗВЕСТНАЯ ОПАСНОСТЬ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ В ИЗВЕСТНОМ ЯВЛЕНИИ, И ИЗВЕСТНАЯ ОПАСНОСТЬ, ИСТОЧНИК КОТОРОЙ НЕИЗВЕСТЕН. ПОСЛЕДНЯЯ, НЕСОМНЕННО, ВО МНОГО РАЗ СТРАШНЕЕ...» — ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЗЯТО ЭТО СУЖДЕНИЕ!

— Но вы же еще не видели ответов, — возразил Фарфуркис. — Хотите увидеть?

— Какая разница, — сказал Хлебовводов, — раз мы знаем, что ответы есть. Скучно искать, когда совершенно точно знаешь, что кто-то уже нашел.

А. и Б. Стругацкие.
Сказка о Тройке

Компания из «Попытки к бегству» А. и Б. Стругацких (ее распознали 138 участников викторины) не имеет

единой цели: двое отправляются просто отдохнуть, третий поглощен осмыслением собственного места в жизни...

Второй вопрос показался слишком скучным нашим читателям: лишь пять-шесть из них нашли предложенное суждение в рассказе Д. Вильямса «Хищник».

Поскольку в дополнение к каждому из этих вопросов полагалось написать реферат — выбор и здесь был столь же красноречив. 181 читатель исследовал (разумеется, в разной степени обстоятельно) цели полетов в космос, движущие героями НФ произведений; лишь 13 (иные — явно вынужденно) анализировали суждение из рассказа Д. Вильямса... Рефераты по той и другой теме будут опубликованы в будущем году.

Вторым заданием третьего тура читателям предлагалось сформулировать свой собственный поисковый вопрос — в развитие любого вопроса первого тура. И не только сформулировать, но и дать развернутый ответ.

Наибольшее количество рефератов было написано в развитие вопросов: о двойниках — 24, на экологическую тему («о мусоре») — 17, о ксенофобии — 14, о кошках и необычных свойствах человека — по 13, о Плуtone и Тунгусском метеорите — по 12, о чертях и иной нечисти — 9, по 2—5 на другие темы.

Надеемся, что те несколько рефератов, которые включены нами в обзор, помогут и нашим новичкам освоиться с этим видом увлекательной исследовательской работы.

Рисунки С. Ашмарина,
В. Стародымова, Н. Сушенцова,
А. Лаврова.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-88

Варианты 2-го тура, как отмечалось в обзоре, оказались неравноценными, поэтому мы сочли справедливым за каждую позицию в варианте Б начислять по 0,15 балла.

Победителями викторины стали читатели, набравшие в целом свыше 45 очков: В. Молчанов (Пермь, 60,2 очка), В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре, 55,8), Ю. Зубакин (Коркино Челябинской обл., 55,8), С. Иванов и В. Черник (Горловка, на двоих — 111,4), Ю. Ковалева (Тбилиси, 55,6), А. Почуев (Донской Тульской обл., 55,3), В. Мезрин (Ижевск, 54,5), А. Фисенко (Липецк, 53,5), Б. Юрьев (Энгельс Саратовской обл., 53,5), С. Носов (Петропавловск КазССР, 53,0), С. Никитин (Саяногорск Красноярского края, 52,2), В. Борисов (Абакан, 51,9), В. Лаушкин (Абакан, 51,5), К. Киреев (Куйбышев, 49,8), А. Рогов (Артем Приморского края, 49,8), В. Сиземов (Новосибирск, 49,6), С. Лифанов (Горький, 49,3), В. Аковев (Орджоникидзе, 49,2), А. Кристаллов (Саратов, 48,7), Л. Абдулин (ст. Безречная Читинской обл., 48,6), М. Исангазин (Омск, 48,4), В. Восков (Москва, 48,2), А. Дороднов (Ульяновск, 47,5), А. Шульга (Магнито-

горск, 47,5), А. Манжетов (Москва, 47,3), А. Тильман (Орел, 46,7), В. Савилов (Новомосковск Тульской обл., 45,8) и К. Максимов (Киров, 45,3).

Среди школьников победителями викторины стали те, кто набрал свыше 25 очков: Сергей Шмарин (Комсомольск-на-Амуре, 10 кл., 45,6), Сергей Легеза (Пазлоград Днепропетровской обл., 9 кл., 38,9), Константин Корчминский (Абакан, 9 кл., 36,9), Александр Ефимов (Тамбов, 10 кл., 34,8), Виктория Сейтова (Ерманск, 8 кл., 31,6), Вячеслав Лобанов (Канаш ЧАССР, 10 кл., 31,3), Эдуард Устинов (Куйбышев, 10 кл., 30,5), Рая Бекчурина (Куйбышев ТатАССР, 8 кл., 30,4), Сергей Вихрев (Вологда, 10 кл., 30,2), Алексей Щилков (Краснодар, 16 лет, 29,0), Александр Чекулаев (Дубенки МордАССР, 10 кл., 27,3), Оксана Желонкина (п. Светлый Тюменской обл., 9 кл., 26,8), Александр Архипов (Чебоксары, 9 кл., 26,8), Мансур Каримов (Караганда, 10 кл., 26,8) и Александр Максимов (Челябинск, 8 кл., 26,3).

Названным здесь читателям выслаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

Новинки фантастики: 1988

В ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ ФАНТАСТИКИ, ОПУБЛИКОВАННОМУ В ДЕСЯТОМ НОМЕРЕ, ПОМЕЩАЕМ ИНФОРМАЦИЮ О НОВИНКАХ НФ, ПОЛУЧЕННУЮ НАМИ К ОКТЯБРЮ. ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ В ОПИСАНИИ ВЫХОДНЫХ ДАННЫХ КНИГ СМ. В № 10. ЗДЕСЬ ЖЕ ПОВТОРИМ ПО ТРАДИЦИИ: В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ КНИГ НЕТ, ИХ РАССЫЛКОЮ МЫ НЕ ЗАНИМАЕМСЯ И ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕИЗВЕСТНЫ НАМ АДРЕСА МАГАЗИНОВ, КОТОРЫЕ ПРИНИМАЛИ БЫ ЗАЯВКИ НА ФАНТАСТИКУ.

Василий БЕРЕЖНОЙ. СЕНСАЦИЯ НА МАРСЕ. НФ повести и рассказы. Пер. с укр. М.: СП, 1988. 432 с. 30 т. э.

Первый на русском языке авторский сборник украинского писателя-фантаста.

Сергей БОЯРИН. ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ. Роман: Сергей КУРГУЗОВ. ВЕРДИКТ «МНЕМОЗИНЕ». Повесть. Киев: Молодь, 1988. 464 с. (Первая книга прозаика). 65 т. э.

Михаил БУЛГАКОВ. ХАНСКИЙ ОГОНЬ. Повести и рассказы. М.: ХЛ, 1988. 240 с. 500 т. э.; **РОМАН. ПЬЕСА. ПОВЕСТЬ. РАССКАЗ.** Сборник. Томск: Кн. изд-во, 1988. 416 с. 160 т. э.; **САТИРЫ.** Сборник. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1988. 431 с. 125 т. э.; **ЧАША ЖИЗНИ.** Сборник. М.: Сов. Россия, 1988. 592 с. 300 т. э.; **ХАНСКИЙ ОГОНЬ.** Сборник. Ижевск: Удмуртия, 1988. 480 с. 100 т. э.

Впервые публикуются в авторских сборниках писателя повесть «Собаچه сердце», пьеса и рассказ «Багровый остров», переиздается повесть «Роковые яйца».

Кир БУЛЫЧЕВ. ПОСЕЛОК. Фант. роман. М.: ДЛ, 1988. 334 с. (БПНФ). 300 т. э.

Евгений ВЕЛТИСТОВ. ИЗБРАННОЕ. В 2-х тт. М.: ДЛ, 1988. 432 с. +384 с. 100 т. э.

В 1-й том вошли «Приключения Электроника», во 2-й — «Ноктюрн пустоты» и «Глоток Солнца».

В КРУГЕ СВЕТА. Сборник НФ произведений. Сост. А. Степин. Кишинев: Штиинца, 1988. 686 с. (Серия «Икар»). 200 т. э.

Книгу составили «Сизиф, сын Эола» В. Иванова, «Глиняный бог» А. Днепров, «В круге света» А. Громоной, «Леопард на вершине Килиманджаро» О. Ларионой, «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких, «Час Быка» И. Ефремова.

Николай ГАЦУНАЕВ. ЭКСПРЕСС «НАДЕЖДА». Повести. Ташкент: Юлдузча, 1983. 240 с. 200 т. э.

Кроме заглавной, в сборник вошли повести «Пришельцы», «Западня», «Не оброни яблоко», «Концерт для фортепьяно с оркестром».

ГЕЯ. Альманах НФ. Сост. С. Смирнов. М.: Мысль, 1988. 304 с. 125 т. э.

В первом выпуске нового альманаха напечатаны повести С. Павлова «Ангелы моря», Е. Войскунского и И. Лукодянова «Черный столб», А. Шалимова «Охотники за динозаврами», рассказы И. Ефремова, В. Колупаева, В. Журавлевой, К. Булычева, А. Столярова, В. Рожкова, Е. Филенко, Ц. Родева, У. Ле Гуин.

Иван ЕФРЕМОВ. ЧАС БЫКА. НФ роман. 2-е изд., доп. М.: Изд-во МПИ, 1983. 526 с. 75 т. э.

Спустя 18 лет роман И. Ефремова возвращается к нашим читателям. Изд-во Московского полиграфич. ин-та впервые

опубликовало его в полном виде, без сокращений.

Александр КАЗАНЦЕВ. КЛОКОЧУЩАЯ ПУСТОТА. Три НФ романа-гипотезы. Доп. изд. М.: МГ, 1988. 639 с. 100 т. э.

Мойсей МАРКОВ. ОШИБКА ФИЗИОЛОГА НЮ. НФ повесть. М.: Знание, 1988. 159 с. 150 т. э.

Автор повести — известный советский ученый, физик-теоретик.

Олег МОРОЗ. ПРОБЛЕМА SETI. Реалистическо-фант. повесть. М.: МГ, 1988. 255 с. (БСФ). 100 т. э.

ПЕЩЕРА ОТРАЖЕНИЙ. Сборник. Со ст. В. Семенова. Рига: Лиесма, 1988. 494 с. (Прикл., фант., пут.). 60 т. э.

В книгу вошли повесть В. Михайлова «Приглашение на ночную охоту», произведения Н. Гуданца, В. Морочко, С. Иванова и других рижских фантастов.

ПРОИСШЕСТВИЕ В НЕСКУЧНОМ САДУ. НФ повести, рассказы, пьеса, поэма. Сост. В. Ревич. М.: Моск. рабочий, 1988. 528 с. (Лит. летопись Московы). 125 т. э.

Сборник составили повести А. Платонова «Эфирный тракт», И. Ильфа и Е. Петрова «Светлая личность», М. Булгакова «Роковые яйца», Г. Шторма «Ход слона», драма В. Брюсова «Мир семи поколений», «Поэма о Роботе» С. Кирсанова, рассказы Е. Зозули, В. Катаева, Н. Асеева, К. Паустовского и других московских писателей 20—40-х гг.

Хелью РЕБАНЕ. ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ. Рассказы. М.: МГ, 1988. 64 с. (Б-ка журн. «Молодая гвардия»). 75 т. э.

Владимир САВЧЕНКО. ПОХИТИТЕЛИ СУТЕЙ. Фант. повести. Киев: Рад. письменник, 1988. 375 с. 215 т. э.

Кроме заглавной, в книгу вошли «Час таланта», «Пятое путешествие Гулливера» и повесть-пьеса «Новое оружие».

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА. Повести и рассказы. Сост. В. Бабенко. М.: Кн. палата, 1988. 703 с. (Популярная б-ка). 200 т. э.

В сборник вошли повести А. и Б. Стругацких «Пять ложек элексира», В. Михайлова «Все начинается с молчания», Э. Геворкяна «Правила игры без правил», произведения других советских и зарубежных писателей.

У СВЕТЛОГО ЯРА ВСЕЛЕННОЙ. Фант. произведения рус. и сов. писателей. Сост. Д. Зиберов. М.: Правда, 1988. 479 с. (МП). 600 т. э.

В книгу включены романы А. Богданова «Красная звезда», В. Брюсова «Гора звезды», А. Беляева «Звезда КЭЦ», «космические» повести и рассказы В. Левшина, В. Одоевского, Н. Морозова, К. Циолковского, А. Толстого, И. Ефремова.

Евгений ФИЛЕНКО. САГА О ТИМОФЕЕВЕ. Фант. рассказы и повесть. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 252 с. 15 т. э.

Мариэтта ШАГИНЯН. МЕСС-МЕНД. Части 1—2. М.: Правда, 1988. 446 с. (МП). 500 т. э.

Анатолий ШАЛИН. ВАКАНСИЯ. Фант. повести и рассказы, Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. 279 с. 15 т. э.

ЭСТАФЕТА РАЗУМА. Сборник повестей и рассказов ленингр. писателей-фантастов.

Сост. А. Балабуха, А. Шалимов. Л.: ДЛ, 1988. 272 с. 100 т. э.

Среди произведений сборника — повесть Б. Романовского «Преступление в Медовом раю», печатавшаяся в нашем журнале.

Зиновий ЮРЬЕВ. ПОВЕЛИТЕЛЬ ЭЛЛОВ. Роман. М.: МГ, 1988. 351 с. (БСФ). 100 т. э.

Из зарубежной фантастики в переводах на русский язык вышли книги:

АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА. Повести и рассказы. Пер. с англ. Сост. Е. Парнов. М.: Радуга, 1988. 751 с. 350 т. э.

В сборник включены «Марсианские хроники» Р. Брэбери, «Фантастическая сага» Г. Гаррисона, рассказы К. Воннегута, А. Бестера, К. Саймака и других американских фантастов.

БАРЬЕР. Фантастика — размышления о человеке нового мира. Сост. Д. Зиберов. М.: Правда, 1988. 448 с. (МП). 600 т. э.

Повести К. Боруна «Восьмой круг ада», Э. Гейерша «Храни тебя бог, Ланселот!», П. Вежинова «Барьер», рассказы В. Кайдоша, К. Бачу, М. Павича, К. Вольфа.

Гарри ГАРРИСОН, Роберт ШЕКЛИ. СБОРНИК НФ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. Пер. с англ. Кишинев: Штиинца, 1987. 671 с. 200 т. э.

Роман «Неукротимая планета» Г. Гаррисона, повести «Билет на планету Трапай», «Обмен Разумов», «Четыре стихии», «Координаты чудес» и рассказы Р. Шекли.

Любен ДИЛОВ. УПУЩЕННЫЙ ШАНС. Рассказы. Пер. с болг. София: София Пресс, 1988. 288 с. (Б-ка «Болгария», № 8).

Агоп МЕЛКОНЯН. ПАМЯТЬ О МИРЕ. НФ повести. Пер. с болг. София: София Пресс, 1988. 198 с. (Б-ка «Болгария», № 7).

Флетчер НИБЕЛ. ИСЧЕЗНУВИЙ. Роман Пер. с англ. М.: Правда, 1988. 413 с. (Полит. роман). 450 т. э.

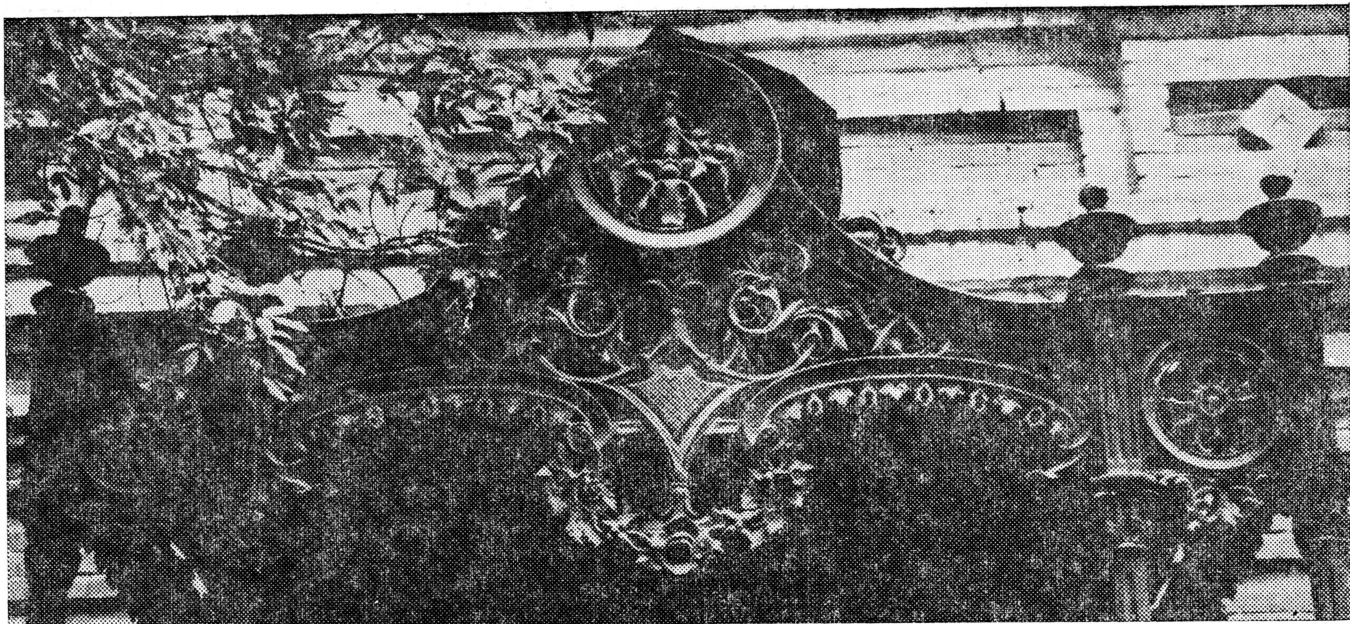
Переиздание; роман выходил в 1973 г. в изд-ве «Молодая гвардия».

Шон О'ФАОЛЕЙН. ИЗБРАННОЕ. Пер. с англ. М.: Радуга, 1988. 432 с. (Мастера соврем. прозы). 100 т. э.

Центральное произведение в книге ирландского прозаика — фант. роман «И вновь?».

ФАНТАСТИКА ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Сборник. Пер. с чеш. М.: Правда, 1988. 432 с. (МП). 700 т. э.

Роман «Дом в тысячу этажей» и рассказы Я. Вайсса, повесть И. Брабенца и З. Веселы «Преступление в Радужном заливе», рассказы Г. Несвадбы.

МЕЛОДИЯ УЗОРА

Анатолий ПРУСС

Первые десятилетия «осмнадцатого столетия»... Они несут на себе печать света и тьмы, добра и зла. Страна стремительно входит в семью европейских народов с верфей седой Балтики. Она же казнит без жалости лучших своих сынов, восставших на Дону под предводительством Кондратия Булавина против мракобесия власть имущих... Открыта Академия наук, чей «просвещенный свет» уже через лятилетие покрывается густым мраком бироновщины, эпохи тяжелейшего угнетения российских народов правительством царицы Анны Иоанновны и ее фаворитов!

В конце третьего десятилетия XVIII века правительство всецело занято вопросами расширения и укрепления государственных границ на юго-востоке империи. Встала задача не просто создать опорную линию крепостей, нужен был центр хозяйственного и политического проникновения России на территорию Средней Азии и далее, в страны богатого Востока. Первый камень в основание города Оренбурга был положен 19 апреля 1743 года, о чем в этот весенний день гулко известили миру артиллерийские орудия. Летит время. Проходят эпохи, такие не похожие друг на друга. Но остаются от них памятники-здания, помнившие события минувших дней, рассказы старожил. Прошлое всюду, стоит лишь внимательнее присмотреться к нему. Отвлекитесь на секунду от бурной жизни современного города. Перед вами откроется удивительный мир искусства, воплотивший в себе самобытный талант порой безвестных мастеров декора.

Декоративные элементы в архитектуре Оренбурга — не мертвое, окостеневшее наследие прошлого, интересное лишь для музейных специалистов и любителей старины. Нет. Вечно живое, оно стало неотъемлемой частью и духовного мира горожан. Человек не может не радоваться прекрасному рисунку архитектурной лепки, украшающей старинные здания, не восхищаться чарующей мелодией ажурного мегалла декоративных решеток и оград построек.

Проидем по старому Оренбургу... Улица Комсомольская — одна из самых оживленных в нашем городе. В ее названии — память о комсомоле города, созданном в суровом 1919 году, когда Оренбург был окружен контрреволюционными войсками белого казачества. Вот дом № 213, мимо которого трудно пройти равнодушно. Голубой фон фасада удачно гармонирует с белым окрасом ажурных деталей декора. Причудлив завиток резных наличников. Их композиция построена на тончайших элементах растительного орнамента. Подобно морской волне стремится он к центру окна. Тонко и мастерски вырезанные подзоры напоминают лесные колокольчики, а углы дома забраны в четкий и щедрый растительный орнамент. Три розы даны глубокой порезкой, напоминающей резьбу крылец и галерей старинных казачьих изб.

Своеобразны ворота этого удивительного дома. Две одинаковые половины сходятся под вязью кружевного перекрытия, образуя единое целое. На память приходит сравнение резьбы с чудо-кружевом знаменитого оренбургского пухового платка. На столбах-стойках — листья степных трав. Они переплетаются с цветами в центре композиции. На середине каждой половины ворот расположены кружевные круги — древнейший символ Солнца. Они первыми бросаются в глаза.

...За густыми деревьями виднеется дом № 151. Нехитрым способом, с помощью зубила и молотка, изготовлен козырек его крыльца. Вырубив узор в листовом железе, мастер обрабатывал каждую кромку рисунка специальной «гладилкой». Как правило, при этом он пользовался целым арсеналом самодельных напильников. В результате — воздушный узор...

Или взять водосточные трубы. Выполнены они исключительно аккуратно — важный элемент в общем впечатлении от дома. Их небольшой диаметр расширяется к карнизу, а при подходе к углу здания стремительно вы-

посится навверх и завершается остроконечным наввершием.

...Современные высотные здания решительно теснят частные кварталы. Дошла очередь и до форштадта — бывшего казачьего поселения перед дореволюционным Оренбургом. Улица Чкалова прочертила старый район, создав своеобразный колорит архитектурного решения. Вместе с рутинной старинных построек новизна порой уносит оригинальный декор одноэтажного города.

А дом по улице Луговой, 65 построен недавно. Живут в нем наши современники, братья Абдулгалимовы. Обычные ребята, ничем, казалось бы, не отличаются от других. Но есть у них увлечение, которому отдается все свободное время. Это резьба по дереву. Дом, в котором живут братья, похож на лесной теремок из русской народной сказки.

Традиционный конец на гребне крыши умельцы заменили причудливо выполненным в металле цветком. С любовью выбит узор на наплывных досках. Они изготовлены из оцинкованной жести. Узор по жести вырубался на специальных свинцовых плитах, выплавленных руками умельцев. Это необходимое условие для избежания появляющихся в процессе работы заусениц и трещин.

Тонким растительным орнаментом украшены наличники окон. В навершии наличника застыл в дереве... тюльпан, словно перенесенный из бескрайней оренбургской степи на улицы города безграничной фантазией художника. Углы дома покрыты оригинальным узором, выполненным в целом брусом дерева. Для их изготовления пришлось своими руками мастерить специальные лобзики. Работа сделана аккуратно, со вкусом. Гвоздей, которыми крепились детали декора, не видно. Удалось сочетание мастерам, славно звучит мелодия декоративного узора!

В Оренбурге немало зданий, несущих приметы конца XIX — начала XX вв. Поражает гармония лепного орнамента, четкость композиционного построения его форм. Удачным дополнением строений выступают балконы с затейливыми коваными решетками. Балконы, украшенные решетками из кованого металла, существовали в России до середины XVIII века. Затем эти детали заменяются чугунным литьем, а примерно с последней четверти XIX века интерес к ним заметно пропадает. Кованое железо вновь начинает завоевывать место в декоративном убранстве города. Дома этого периода и доносят до современников мелодичный звон ажурнойковки, смягченный толщей прошедших десятилетий...

Недалеко от городского сада имени М. В. Фрунзе находится еще одна жемчужина народного архитектурного творчества (ул. Чернореченская, 52). Кованые металлические пластины, причудливо изогнувшись, украшают оригинальный козырек крыльца одноэтажного здания. В центр детали искусно вписан символ счастья восточных славян. В предзакатные часы, когда оранжевое солнце в последний раз бросит горсть лучей на крыльцо, создается поразительный эффект свечения каждой детали фантастического орнамента!

Наличники дома также выполнены в необычной для таких деталей манере. В их оформлении удачно сочетаются две техники — просечный металл и чеканка. Да, да, чеканка. Отдельные элементы подзора как бы подняты над плоскостью наличника благодаря технике чеканки. Пожалуй, такое сочетание превосходно дополняет узор пластинок отдельных его частей. Мастерство, с каким выполнено оформление, убедительно говорит о высоком уровне монументальной просечки, значительном развитии этой ветви народного творчества.

Огромный опыт народной архитектуры накопила история богатого традициями Оренбуржья. Географическое расположение — на стыке Европы и Азии — нашло отражение в многонациональном характере орнаментики, созданной русскими, татарами, башкирами, мордвой, казахами. Архитектурная история края насчитывает немногим более трех столетий, но здешние поселенцы как эстафету перенимали многовековые русские градостроительные традиции, усваивая и умножая их.

**Сергей
СМЕТАНИН**

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Мне часто казалось — вот только возьмись,
И мир по-иному предстал.
И я начинал свою новую жизнь,
Но мне постоянно мешал
Базарный пример «настоящих мужчин»
И сердца неровного сбой,
Мешали ряды объективных причин,
В которых торгуют собой.

Я строго попытки свои повторял,
Давил в себе фальшь и испуг,
И дело, которое я начинал,
Все реже валилось из рук.
И многих друзей мне пришлось позабыть,
И многим товарищем стать,
Зато меня не на что больше купить
И вряд ли возможно продать.

А годы летели, неслись чередой,
Грозя сединой волосам,
И мир мой, по-прежнему вечно иной,
Как прежде, меняется сам.
И сам я иной — у меня хоть учись,
И сердце спокойно в груди.
Как раз бы начать свою новую жизнь,
Да старая смерть впереди.

ЛЕБЕДИ

Жизнь по-прежнему берет подъемы круто,
Но не всё же напряженье и надлом.
Вот и лебеди повеяли Сургуту
Белоснежным, цвета Севера крылом.
Знак надежды — нам он лишним не бывает,
А иначе кто бы выдумал тогда,
Будто птицы к людям сами прилетают
Только в добрые, родные города.
Мы не верим в справедливости приметы,
Но зимою будут помниться светлей
Ночи белые, навеянные лету
Белоснежными крылами лебедей.

ЗИМНЯЯ УЛИЦА

Зима. Не видим ни черта
За все свое дневное время.
С утра на вахту едем в темень, —
Обратно — та же темнота.
Лишь свет окон горит как милость
У площадей на парусах
Да на дорожных полосах
Как будто небо опустилось:
Созвездья фар летят весь вечер,
Сбозначая поворот:
Двойные белые — навстречу,
Двойные красные — вперед.

ОСТРОВА

РОМАН
В ТРЕХ
КНИГАХ

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

И КАПИТАНЫ

НАСЛЕДНИКИ

(Путь в архипелаге)

Рис. Евгении Стерлиговой

Первая часть

КАССЕТА

Вечерняя электричка

К стеклам липли снаружи мокрые сумерки, старый вагон трясся, словно хотел стряхнуть их. Дребезжали тусклые плафоны. В соседних вагонах работало отопление, там народу было много, а здесь никого. Но если притерпеться — не так уж холодно. И главное — никто не мешает разговаривать. Михаил так и сказал Егору, Егор не спорил. Хотя всем своим видом показывал: о чем разговаривать, он понятия не имеет. Все уже сказано.

Они сели на противоположные скамьи, но не друг против друга, а по диагонали: Егор — у окна, лицом по движению поезда, Михаил — на краю, у прохода.

Наконец Егор сказал, водя пальцами по стеклу:

— Хоть убей, не понимаю, зачем тебя понесло провожать меня в такую даль.

— Чисто эгоистические соображения: если буду знать, что ты домой добрался нормально, спокойнее спать стану...

— А что со мной может случиться? — сказал Егор с легкой ноткой презрения к трусости Михаила.

— Да ничего. Я же говорю: просто мне спокойнее...

— Ну-ну, — сказал Егор и зевнул. Потом съезвил: — Ты, наверно, забыл, что я не беглец из интерната, а ты не конвоир.

— Какой же я конвоир? Наоборот... Видишь, даже в штатское оделся. — Михаил изо всех сил старался держаться ровного и мягкого тона. Потому что все еще надеялся: вдруг повернется разговор иначе? Вдруг откроется в этом мальчишке что-то знакомое, родное? Но губы Егора Петрова, которые умели расплзаться в такой милый улыбочивый полумесец, теперь были вытянуты в прямую черту.

...Эти прямые губы и абсолютно спокойные глаза сперва казались Михаилу ненастоящими. Маской. Оно и понятно, говорил себе Михаил. В четырнадцать лет кому хочется показывать волнение? А в этом случае особенно. После такого знакомства в кабинете директора! Вот и смотрит братишка независимо и вроде бы безучастно. А в душе небось клубок сомнений, вопросов, тревог и... может быть, и радости?

Продолжение. Начало в № 11.

Ведь свой же в конце концов! Примчался же, черт возьми, из другого города!

...В первый миг, увидев Егора, Михаил качнулся к нему, взял за плечи.

— Ты... Егор... — Он чуть не сказал «Егорушка». — Надо же... Значит, она все сказала?

— Кто? — Егор медленно посмотрел из-под низко надвинутой вязаной шапки с этой вездесущей идиллической надписью «Adidas».

— Ну... мама твоя. Алина Михаевна...

— А... — Он улыбнулся тогда первый и последний раз. — Нет, она ничего не говорила. Это дело техники...

И он вытащил из-под куртки серебристый плейер.

— Д-да... — озадаченно сказал Михаил. Ох как нехорошо это все его царпнуло. Он не удержался: — Ты, я вижу, тертый мужик... — И спохватился: «Ох, дубина, зачем так?»

— Жизнь такая, — разъяснил Егор. — К тому же век электроники...

— Что и говорить, — улыбнулся Михаил (и со страхом поймал себя, что улыбка получилась чуть ли не заискивающая). — Ты современный юноша...

— Хочешь послушать? — спросил «современный юноша», никак не отозвавшись на улыбку. И вынул дужку с мини-наушниками.

— Подожди, — Михаил оглянулся на изнемогающую от любопытства Агашу, на чуткого дежурного у входа. — Пойдем отсюда...

За низким зарешеченным окном был виден сквер с ярко-желтыми березами. День был не холодный и к тому же сделался разноцветный — пробилось солнце.

В сквере они сели на усыпанную листьями скамейку.

— Хочешь послушать? — опять сказал Егор, и Михаил с удовольствием отметил, что брат говорит ему «ты».

— Послушать?.. Да я и так помню разговор... Ловко ты сработал с этой машинкой. Оперативник, да и только...

Егор пренебрежительно спросил:

— Видимо, с милицейской точки зрения, это комплимент?

— Ну что ты ёрничаешь, Егор... — осторожно проговорил Михаил (а сердце перестукивало, щеки теплели от тревожной радости). — Ну, давай, я послушаю.

— Я не оперативник. Просто машинка была под рукой, вот и нажал кнопку... На.

Михаил снял фуражку, надел крошечные холодные наушники. В них что-то шелохнулось, и сразу возникло ощущение пространства — с шорохом шагов, шелестом портьеры. Да, техника. Действительно, стерео. Если закрыть глаза — полное впечатление, что находишься в комнате и два человека говорят в разных углах.

Свой голос Михаилу показался чужим, так всегда бывает, если слышишь себя в записи. Но Алину он представил, как живую.

«Я вас слушаю... Он что-то натворил?»

«Алина Михаевна, вы меня, конечно, не узнаете. А я вас сразу узнал. В шестьдесят седьмом году, в Севастополе, помните?.. Меня тогда звали Гай...»

Молчание... Молчание, молчание. Но не глухое. Тончайшие ферромагнитные чешуйки отпечатали еле слышное дыхание двух людей. И как шевельнулся под Михаилом стул.

«Да... — наконец сказала Алина. — Действительно, вас не узнать...»

И снова молчание. Полное холодными вопросами: «Ну, и что же вам надо от меня? Вы понимаете, что я не жду от вашего визита ничего, кроме осложнений? Вы понимаете, что у меня нет желания вспоминать и вас, и тот шестьдесят седьмой год?»

Он это понимал. И спросил сразу — будто головой в парашютный люк:

«Алина Михаевна, Егор — сын Толика?»

И моментально:

«С чего вы взяли?.. Господи, с чего вы это взяли?!»

«Мы же не дети, Алина Михаевна... День рождения — первое июня... Кто еще мог быть его отцом?»

«Вы... Простите, но вы как-то очень уж примитивно рассуждаете».

Он, кажется, позволил себе улыбнуться. Чуть-чуть.

«Алина Михаевна, это не я такой примитивный. Это законы природы...»

Снова тревожная тишина. И вдруг резкий вопрос:

«Ну, и что вы хотите?»

«Что... Вы и сами понимаете. Знать хотелось бы...»

«Но вы и так уже знаете... — Михаил вспомнил, как она стала покусывать пухлые губы. — Вы, простите, высчитали... И разыскали... Видимо, это ваша специальность...»

«Я понимаю, что мой приход вас не радует... Но меня-то понять вы можете? Если это так, то Егор — мой двоюродный брат».

«И что из того? Вы узнали о нем случайно. И двоюродный — не родной...»

«Он — сын Толика. А Толик для меня...» Ох как не вовремя, как по-дурачки у взрослого мужика что-то по-детски сорвалось в горле... Она сказала мягче:

«Как все это неожиданно... И долго вы нас искали?»

«Боже мой, да совсем я вас не искал! Был в школе по служебным делам, директор говорила с вами по телефону, я услышал ваше имя, вспомнил...»

«Значит, нелепая случайность».

«Нет... — Михаил слегка ожесточился. Особенно на слово «нелепая». — Думаю, так или иначе наши пути пересеклись бы. Все-таки в одном краю живем. Вы и с Толиком-то познакомились именно поэтому, он мне рассказывал. Вы с ним разговорились, когда

он узнал, что ваш брат живет недалеко от Среднекамска...»

«У брата почти такая же судьба, он погиб в катастрофе...»

«Простите, я не знал...»

«Не в том дело. Если бы не этот разговор в школе...»

«Но он случился».

«К сожалению...»

«Все-таки... — Михаил вспомнил, как с резиновой натугой произнес это «все-таки». — Что же здесь плохого? Чем я могу повредить вам и Егору?»

«Извините, я не помню вашего... настоящего имени...»

«Михаил».

«Михаил... и?..»

«Михаил Юрьевич, если угодно».

Она скользнула тогда по нему глазами.

«Я понимаю, — сказал Михаил. — Такому имени более соответствовал бы изящный мундир поручика Тенгинского полка, а не потертый пиджак милиционерского сержанта... Но дело не во мне...»

Вздох.

«Дело именно в вас... Вы сотрудник милиции и должны знать юридические нормы. Законы... Тайна усыновления охраняется законом. Кто ее нарушит...»

«Я не нарушу. Не за тем пришел. Не бойтесь, — это в нем уже закипела досада».

«Вы должны меня понять, Михаил Юрьевич... Моя... мое знакомство с Анатолием было... оно коротким было... Почти что случайным. А Виктор... моего нынешнего мужа я знала еще задолго до того. Хорошо знала... Когда он вернулся из плавания, то ни в чем не упрекал меня. Мы поженились, будто ничего не было, он любил меня. Даже его родители не догадывались, что Егор не его сын. И сам Виктор ни разу... ни намеком, ни словечком про это не напомнил. Ни мне, ни себе. А вы хотите сейчас...»

«Ничего я не хочу, Алина Михаевна... Но как бы вы поступили на моем месте, если бы узнали... про такое...»

«Ох, не знаю... Михаил Юрьевич. Я женщина, и вот на меня вы свалили... все это. Сразу, неожиданно».

«Простите... Но была еще женщина, мать Толика. Я думаю, она прожила бы гораздо дольше, если бы знала, что у Толика остался сын, ее внук».

«Может быть... Честно говоря, я не думала об этом...»

«Верю», — вздохнул он.

«Да. Вы можете осуждать меня, но прежде всего я думала о своей семье. Так устроены женщины».

«Не все...»

«Можете осуждать меня», — опять сказала она.

«Алина Михаевна... Разве я пришел, чтобы осуждать?»

«Не знаю, зачем вы пришли... Если Егор обо всем узнает, неизвестно, чем это кончится. Переходный возраст, с ним и так нелегко... Давайте говорить откровенно...»

«Давайте», — уже безнадежно согласился Михаил.

«Наверно, я скажу вам жестокую вещь, но когда женщина защищает свое... свое гнездо, она способна на все. Ведь Анатолий погиб из-за вас. Неужели вы хотите сделать несчастным и его сына, разрушить семью, где он вырос?»

Сейчас, в сквере, Михаила опять придавило тоск-

ливым грузом давней вины. И через много-много тягостных секунд он услышал свой осевший голос:

«Откуда вы это знаете? Что из-за меня...»

«А разве не так? Если бы вас там не было, если бы он не возился с вами, не поехал бы вас провожать...»

Михаил вспомнил, как обмяк с горестным стыдливым облегчением. Конечно, она ничего не могла знать о гранате. Но облегчение было обманчивым, секундным. словно расталкивая обвалившиеся на него мешки с сыпучим грузом, Михаил тогда поднялся со стула.

«Я мог бы в свою очередь упрекнуть вас: если бы вы в тот раз на бульваре не кинулись за милицией, не было бы всей этой истории. Но какой смысл обвинять друг друга?.. Я мог бы при желании доказать вам, что мы оба здесь вообще ни при чем и что бандиты выслеживали Толика специально, старательно... Только вас это, конечно, не интересует».

Еле слышно вздохнуло кресло — это поднялась мать Егора.

«По правде говоря, меня интересует, могу ли я жить спокойно?»

«Можете... — медленно сказал Михаил. — Даю вам слово, что Егор от меня ничего не узнает... Могу даже расписку дать».

«Ну при чем тут расписка? Я рада, что вы меня понимаете...»

«Как много раз тут говорилось слово «понимаете», — печально подумал Михаил. — А где оно, понимание?» Он опять услышал свой голос:

«Пойду я... Еще раз прошу извинить... Вначале у меня была мысль: можно ведь ничего и не говорить Егору, мы могли бы просто... ну, общаться, что ли. Как друзья... Да какая уж тут дружба, вы будете на меня смотреть как на вечную опасность...»

«Вот видите, вы же сами судите трезво... И кстати, зачем вам, взрослому человеку, это... общение с мальчиком?»

«С братом... Я вам объяснил. Извините, если непонятно... Брат есть брат, тем более что...» — Михаил запнулся.

«Что?» — нетерпеливо сказала она.

«Егору с братом, наверно, все-таки лучше иметь дело, чем с работниками милиции... Я имею в виду не себя... вообще...»

«Он что-то натворил?» — опять быстро спросила Алина Михаевна.

«Натворил?.. По-моему, пока ничего, кроме того, что вы слышали от директора... По крайней мере, я не знаю... Он достаточно умный парень и не будет шутить с законами открыто. Но в конце концов может и не рассчитать. Сам не влипнет, так дружки втянут».

«Но позвольте... какие дружки? Вы что хотите сказать?»

«Увы, то, что сказал».

«Но... что вы в нем такого увидели? Он не ангел, конечно, но и... Он вполне нормальный мальчик».

«Вполне нормальные не караулят четвером одного».

«Но они же мальчишки! Мало ли что бывает...»

«У мальчишек разве не должно быть совести?» — спросил Михаил. Опять в наушниках возникла шуршащая тишина. И наконец Алина Михаевна произнесла:

«Знаете... молодой человек, на свете все так сложно. Сейчас и взрослые порой готовы съесть четвером одного...»

«Боюсь, что эту мысль Егор усвоил уже достаточно крепко...»

Он тогда шагнул в прихожую, ощутив глубокое отвращение к дальнейшему разговору. Слышно было, как шлепнулись на паркет сброшенные с сапог «лапти». Глухо (видимо, уже далеко от микрофонов), мать Егора сказала:

«Я не хотела вас обидеть. Я... обдумываю ваши замечания...»

Кажется, Михаил буркнул в ответ «обдумайте» и затем «до свиданья». Но это на пленке уже не записалось. Отпечатался только звук закрывшейся двери. А потом — долгая тишина. Пустая и горько-недоуменная — как то ощущение потери, с которым уходил Михаил из этого дома...

Вдруг ударили по ушам дребезжащие аккорды и какой-то кретин завыл на тарзаньем языке: «Бы-улы-улы-а, а, а, а-ха-ха...» Видно, Егор проник в комнату и остановил запись...

Михаил, глядя в сторону, отдал Егору наушники.

— Видишь, — сказал Егор с безмятежной улыбкой. — Никакого разглашения тайны. Я все узнал сам.

«И приехал, — подумал Михаил, отгоняя сомнения и досаду. — Приехал же! Какой бы он ни был, как бы ни ершился и ни вредничал, все равно он — здесь. Примчался...»

— Ты не все узнал, — осторожно сказал Михаил. Он остановил в себе желание взять Егора за плечо и придвинуть к себе. — Про отца-то ведь ничего не знаешь... Про того...

— Вот и расскажи, — отозвался Егор непонятым тоном. — Надеюсь, он был не летчик-испытатель?

— Нет... с чего ты взял? И что плохого, если летчик?

— Ничего, кроме вранья. Почему-то сыновьям всегда пудрят мозги. Папа где-нибудь в бегах или в отсидке, а мама историю вяжет: «Он испытывал истребители и героически погиб...»

— Что за чушь ты несешь! Даже из записи ясно, что ничего похожего...

— Да я не про этот случай, а вообще, — буркнул Егор.

— А я «про этот»... Он испытывал не истребители, а подводные аппараты особого назначения, — тяжело сказал Михаил. — Он был их конструктором... А погиб он не при испытаниях, а при стычке с двумя бандитами. В Симферополе... Проводил меня на самолет в аэропорту, сам поехал на вокзал, чтобы электричкой вернуться в Севастополь... А они его, видимо, выслеживали...

Егор не спросил, что за бандиты и зачем выслеживали. Шевельнул ботинком листья и сказал:

— А, правильно. Мать же говорила... Поэтому она и считает, что ты виноват?

— С ее точки зрения, видимо, так, — сумрачно произнес Михаил. — А что она еще говорила?

— Ты разве не всю запись прослушал?

— А... Постой! Ты что же, сам-то с матерью про это не разговаривал?

— Зачем?

— Значит... сразу взял да и сюда приехал?

— Как видишь, не сразу. Воскресенья дождался.

Старательно уходя от его нагло-равнодушного тона, Михаил спросил со сдержанной заботой:

— А меня сразу отыскал?

— Естественно. По той бумажке.

— Слушай, Егор... А дома-то у тебя знают, где ты?

— До вечера не хватятся, а к десяти я приеду. Отсюда в пять часов электричка идет.

— Как в пять?.. А... но это же через два часа!

— Ну и что? До вокзала рукой подать.

— А разве ты... — Михаил совершенно по-дурачки растерялся. — Я думал... Ну, давай хоть на полчаса забегим ко мне!

— Зачем?

— Как зачем? Вообще... С мамой познакомлю. Она же... тетка твоя, сестра отца. Ты не представляешь, как она...

— А зачем? — третий раз спросил Егор и поднял глаза. Спокойные такие глаза. Симпатичный такой, паренек Егор Петров.

— Тогда для чего ты приехал? — тихо сказал Михаил.

— Я-то? Уточнить.

— Что именно?

— Как что... Правда ли, что мой папочка — не совсем папочка... Вернее — совсем не папочка.

— И... все?

— А что еще?

— Да-а... — сказал Михаил. И ощутил ту же потерянность, как в конце беседы с Алиной.

Егор снисходительно вздохнул.

— Давай уточним и другое. Ты чего хотел? Младшего родственника, которого надо спасти от плохих компаний? Растить из него достойного строителя БАМа и члена оперотряда?

— Дурак ты, — безнадежно сказал Михаил.

— Ну, конечно. Все, кто не принимают милицейскую мораль, — дураки, — четко произнес Егор.

— А у тебя какая мораль?

— Заканчивай мысль. Скажи, что у меня никакой морали.

— Егор, зачем мы так? — Михаил проговорил это с ощущением, что стучится в дверь, хотя знает, что в запертой комнате никого нет. — Встретились, и буд-то враги...

— Почему враги? Я к тебе ничего не имею. — Егор встал. — Пойду. Надо еще перекусить до отъезда. Тут какое-то кафе недалеко, с самообслуживанием.

— Постой! — Михаил схватился за соломинку. — Я тебя провожу до вокзала. — И подумал: «Сейчас скажет — зачем?»

Но Егор только молча прошелся глазами по его шинели.

— Ты сиди и обедай, а я заскочу домой, переде-

нусь,— предложил Михаил.— Это всего полчаса. Надеюсь, не исчезнешь?

— Я не клиент вашего детприемника. Не исчезну.

Интересно, что Егор не возражал, когда Михаил купил билет и сказал, что они поедут вместе. Только пожал плечами:

— Туда и обратно — потеряешь полсуток. Неужели охота?

И вот теперь они сидели в пустом вагоне. И, не смотря на все недавние разговоры, Михаил опять думал, что, может быть, не все еще потеряно. Может, приоткроется что-то в этом мальчишке. Если зацепить какую-то струнку, найти нужные слова... Но слов не находилось, и Михаил спросил:

— Пообедал-то нормально?

— Сэнк ю, май сэржант. В соответствии с режимом.

— Скотина ты все-таки,— вздохнул и Михаил (вот тебе и «нужные слова»).

— Еще раз благодарю... А почему ты заявил матери, что я обязательно попаду в милицию?

— Это был не тот разговор, но хоть какая-то зацепка.

— Объяснить подробно?

— Лучше коротко. Но понятно.

— Постараюсь... Тебе наплевать на людей. Судя по всему — на всех наплевать, кроме своих дружков. А может, и на них...

— Может быть,— вставил Егор.

— Значит, тебе наплевать на законы, по которым люди живут, общаются между собой... Наверно, я коряво выражаюсь...

— Ничего, я улавливаю.

— Ну вот. А раз тебе на них наплевать, ты в любой момент можешь их нарушить.

— Не такой уж я дурак.

— Конечно. Ты знаешь, что нарушать закон — себе дороже. Остап Бендер тоже чтит уголовный кодекс... Но тебя держит в рамках не совесть, не боязнь кого-то обидеть, а один страх. Точнее, благоразумие (это не так обидно)... Когда этот... это благоразумие однажды не сработает, когда тебе покажется, что можно действовать безнаказанно, ты и загремишь... На этом все гремят. Не только прирожденные преступники, а вообще эгоисты.

— Так...— Егор сел поудобнее.— Теперь развежь мысль, что я эгоист.

— Ты что, сам этого не знал?

— Знал, знал... Ну, давай дальше: как «гремят» эгоисты.

— Такие, как ты? Или вообще?

— Вообще. В мировом масштабе.

— Очень просто! — Михаил почувствовал, что заводится, но подумал: плевать.— Ощущения эгоиста какие? «Я — пуп Земли. Остальные — это мое окружение. Питательная среда, из которой я, чтобы благополучно существовать, должен тянуть соки». И тянет. Жулик тянет из карманов, грабитель «трясет» сберкассы... А есть не жулики и не грабители. Вроде бы... Они благопристойны и даже занимают посты. Но главное для них — не работать, а хапать. Причем, часто и работают неплохо — чтобы лучше хапать. Чтобы и меть... И вот отсюда — приписки к планам, фальшивые премии, махинации с квартирами, машины без очереди...

— Как я понимаю, ты имеешь в виду папочку?

— Твоего? — искренне удивился Михаил.— Вовсе нет. Я даже толком не знаю, кто он... Тебе видней.

— Угу... Ну, а дальше?

— Что? А!.. Дальше — одинаково. Рано или поздно — свидание со следователем. И полная душевная трагедия. Даже если не гремят за проволоку, а просто летят с поста. Потому, что без высокой должности и без возможности копить дальше не видят смысла жизни.

— Это ты мне обещаешь такое будущее?

— А почему бы и нет... Мальчик с плэйером.

— Ну-ну, поговори теперь о вещизме,— сказал Егор.— О том, что джинсы и магнитофоны — это плохо и что нечего гордиться иностранными наклейками на заднице, это, мол, не орден. И что заграничные штаны такие сопляки, как я, покупают на папины деньги, а не на заработанные. Или химичат на барахолке. А гордиться надо честно заработанным, тогда ощутишь полное счастье. Ага?

— Подкованный товарищ,— скучным голосом вставил Михаил.

— ...И скажи еще, что вообще не в вещах счастье, а в творческом труде на благо человечества. И что вещи — это тыфу, а есть вечные ценности. Например, музыка Моцарта, поэзия Пушкина, красота родных просторов и ощущение этого... своей нужности людям. Это наша Классная Роза вещает на собраниях постоянно. А потом мамы из родительского комитета складываются для нее по праздникам то на импортную кофточку, то на...

— Не знаю насчет вашей Розы,— устало перебил Михаил.— И насчет твоей нужности людям... Это у кого как получится. Но Пушкин-то действительно есть, от этого никуда не денешься.

— А зачем он нужен? Чтобы цитировать «Я помню чудное мгновенье»? И ахать: какая бессмертная поэзия? А меня вот не трогает это «мгновенье». Сто раз читал — и ничего не шелохнулось. Ну, я понимаю, я не дорос...

— Да ты не до Пушкина не дорос, а вообще до человека... Чтобы эти стихи понимать, надо кого-то любить. По-настоящему.

— Я еще не созрел,— ядовито сказал Егор.— Мама от меня все еще журналы папашины прячет, где девицы в мини-купальниках...

— Я не про то. Я вообще про любовь к человеку. Не обязательно к прекрасной незнакомке. К матери, к другу, к брату...

— Мне одна знаменитость сказала, что я никогда не смогу быть братом. Так что тебе рассчитывать не на что...

Михаил сказал, помолчав:

— И подумал сейчас Егор Петров: «Теперь этот тип гордо ответит — а я и не рассчитываю...» Нет, Егорушка, я рассчитывал. Ошибся. Извини... Любви не научишь.

— Это верно,— откликнулся Егор.— Особенно, когда учителей полным-полно, а любить... Кого любить? И за что?

— Трудный вопрос... А тебя за что любить?

Егор искренне удивился.

— Меня? А я и... не претендую, так сказать.

— И без того хорошо, да?

— Мне?.. Не знаю,— честно сказал Егор. Потому что рассуждал скорее сам с собой, чем с этим ново-явленным братцем-сержантом.— Мне не хорошо и не плохо. Так...

— Вот это уже странно... Плохо ему или хорошо, человек должен знать,— смягчая тон, сказал Михаил.

— А я, представь, не знаю.

— Чего так? Раннее разочарование? «Уж не жду от жизни ничего я»?

«А чего я жду, чего хочу?» — подумал Егор и глянул на влажное стекло, за которым совсем потемнело. Он провел по стеклу пальцем, оно скрипнуло.

Правда, чего? Каких радостей в жизни он хочет? Сидеть в компании и балдеть? Но когда не стало Камы и Шкипа, это потеряло прежний смысл. Из радости превратилось в привычку. Счастьем тут и не пахнет. А что — счастье? Чтобы появился мопед или даже мотоцикл? Но, честно говоря, Кошаку хватает и чужих. Свой-то надоест через неделю, да и возни с ним полно, а к технике нет у Егора Петрова никакого тяготения... Так в чем же — радость? Чтобы увидеть, как кто-то боится тебя и делается униженно-покорным? Но это же на несколько минут...

Егор честно перебрал в голове все свои желания, даже самые тайные. Но их исполнение доставило бы лишь короткое удовольствие — как порция мороженого в жаркий день. А какой большой радости он хочет?

Закатиться в какое-нибудь дальнее путешествие, чтобы видеть всякие чудеса?

Егор вдруг вспомнил, как во время плавания по Волге он увидел среди солнечной шири, под очень синим небом и белыми облаками, полузатопленную колокольню. Она подымалась над плесами сказочно и таинственно. Было в этом что-то от прочитанных в раннем детстве волшебных историй — словно обещание загадок и радостных приключений. И Егор повернулся к матери, чтобы сказать: «Смотри, будто парус над океаном, да?»

Но мать говорила с рыхлой крашеной дамой в атласных штанах и отмахнулась: «Не перебивай, Горик, потом...»

И парус увял, а Горик смутно ощутил, догадался в душе, что сказки, красота, открытия — все, что видишь в дальней дороге, — хороши тогда, когда можешь этим поделиться с другими.

А с кем он мог бы отправиться в дорогу теперь? С Копчиком или Валетом? С Курбаши? Или с этим вот худым, нудно липнущим к нему двоюродным братцем? Воспитатель с сержантскими лычками! Видели мы таких...

Хмурое отвращение к этому совершенно чужому человеку, который лезет в душу, тряхнуло Егора как крупный озноб.

— Тебе что от меня надо-то? — спросил он в упор.

— Да уж ничего, — устало сказал Михаил и отвернулся... Ничего... Доеду сейчас до Подлунной, там сяду на обратный поезд... В заколоченный дом не достучишься.

— Давно бы так, — буркнул Егор и подумал: «А мне-то сколько еще пилить до дома...»

Зачем его понесло в Среднекамск? Что хотел узнать, в чем убедиться? И так все было ясно. Сорвался куда-то, идиот...

Нет, в самом деле — зачем? Любопытство? Запоздалое злорадство в адрес отца и матери! Или... надежда на что-то необыкновенное? На что? Может,

надеялся, что в слове «погиб» какая-то неясность и настоящий отец жив?.. Но если и так, что в жизни изменилось бы? Да и не надеялся он на это, не думал даже... И уж меньше всего хотел заполучить в брата такого вот... казенного правдолюбца.

«А я ведь и не узнал ничего толком, — запоздало спохватился Егор. Но сейчас расспрашивать Михаила было нелепо. — Да и не все ли равно. Пусть...» Последняя мысль была похожа на усталый зевок. Но несмотря на утомление, злость на Михаила не прошла. А тот вдруг сказал:

— Последний вопрос: я, очевидно, не должен больше напоминать о себе? В родственники не гоюсь?

Что-то все же удержало Егора от прямого «да». Он ответил вопросом на вопрос:

— А я тебе разве гоюсь? Эгоист, кандидат в тюрьму...

— Егор...

— Да отвяжись ты! — прорвало Егора. — На кой черт ты появился? Не было тебя и пусть не будет!.. Ну, чего ты на меня так смотришь?!

— Прощаюсь...

На секунду Егор опешил. Потом разозлился еще больше:

— Даже так? Будто с покойником?

— Да я не с тобой прощаюсь, — выдохнул Михаил. — С тобой-то все ясно...

— Ну и с тобой тоже. Терпеть не могу таких.

— «Терпеть не могу»... А кого ты можешь терпеть? Хоть кого-то на свете любишь?

— Никого, — отрезал Егор. — А таких, как ты, — тем более... Хоть ты в болоте тони, пальцем бы не пошевельнул.

— Охотно верю.

— Верить или нет, это твое дело, — со злой тоской и совершенно искренне сказал Егор. — А я правду говорю. Понимаешь, мне все равно.

Михаил встал, одернул куртку. Явно хотел уйти подальше от Егора. В этот момент ржаво заверещала и отодвинулась тамбурная дверь. В ней показалась необъятная, набитая зелеными и светлыми бутылками авоська. Ее, прогибаясь от тяжести, вволок в проход между скамьями парень лет восемнадцати — неввысокий, в модной бежевой курточке, смуглый, с тонкими усиками. Чем-то похожий на Валета, но повыше. Следом за парнем возникла щетинистая личность в мятой ушанке и замызганном стройбатовском бушлате без погон. Личность обвела медвежьими глазками вагон, остановила их на Михаиле и выговорила:

— Во...

— Погодь, Фатер, — сказал парень, с хрустальным звоном опуская грузеную сетку на дрожащий пол. Егор механически отметил, что «Фатер» — по-немецки, кажется, «отец», только произносить надо тверже: «Фатэр». Но едва ли мятая личность была отцом парня — ей, несмотря на щетину, немногим за тридцать.

— Чего годить? Во... — Фатер, не спуская глаз с Михаила, шагнул к нему через авоську. — Слышь, кореш, ты докуль едешь?

— А тебе что? — неласково сказал Михаил.

— Ну, ты чё? Я же по-людски к тебе...

— До Подлунной он едет, — подал голос Егор. Не ради этого дядьки, похожего на беглого зэка, а чтобы напомнить Михаилу: не забудь, где хотел сойти.

— В самый тык! — обрадовался Фатер. — Слышь, корешок, нам до Подлунки никак нельзя, обстоятельства, значит... Дай трояк, а стеклотару гребь с собой. В Подлунке-то прямо у станции магазин, там Муська. Знаешь? Она тебе за этот груз полным счетом денегу отвалит, к битым горлам не прискребется, скажешь: от Фатера. Тут на семь рэ, не мене...

— Отвали, приятель, — рассеянно сказал Михаил.

— Ну, ты чё? Не мужик, да? Без понятия? У меня в хате дружки чахнут без опохмелки, эту муку ты понять могёшь?

Михаил молча отошел, сел подальше — за тремя скамейками, с другой стороны прохода. Спinoй ко всем.

Парень, прогнувшись, поднял авоську, водрузил ее на край скамьи, где сидел Егор. Мест ему мало, что ли? Вон сколько скамей... Чтобы он не уселся по соседству, Егор демонстративно повернулся боком, прислонился к стенке у окна, а на сиденье рядом с собой поставил ногу — занято, мол.

Парень шевельнул усиками, улыбнулся и уселся там, где недавно сидел Михаил. Потом подвинулся, давая место Фатеру.

«На теплое тянет», — подумал Егор и закрыл глаза. Было холодно в вагоне, но здесь, в углу, нахлывшись и сунув ладони в рукава, он пригрелся. Колесный стук и дребезжанье стали ровнее, уютнее как-то. В них вплеталось бормотанье. И не сразу Егор понял, что это спорят полупшепотом Фатер и его спутник.

Егор поднял веки.

Фатер хотел встать, парень деревянно улыбался и придерживал его за рукав.

— Фатер, кончай, с грузом ноги не сделаем...

Тот тихо матерился, дышал сквозь зубы:

— Пусти... Фатера, он, па-адлюка, не знает...

На Егора лишь сейчас тяжело пахнуло водочным духом. Губы Фатера втянулись внутрь, глазки белели. Егору стало жутковато. Фатер выговорил тяжело:

— Пусти, Федюня... дружок... Фатера не знает, гад... Я... — Он вдруг поднялся пружинисто и мягко. Правую ладонь опустил в карман, левой властно отодвинул все улыбающегося Федюню, трезво и бесшумно шагнул в проход. Егор шевельнулся, Федюня быстро нагнулся к нему, выбросил вперед руку. Из кулака беззвучно скользнуло светлое лезвие ножикопочника. Егор услышал полупшепот:

— Тихо, детка, не чирикай...

— Не чирикаю. Мне до лампочки, — улыбнулся Егор. С пониманием. И с облегчением: его это дело не касалось. Федюня был ничего, даже симпатичный, и действовал разумно. Фатер был, конечно, подонок, но что Егору до него и до Михаила, к которому Фатер шел с рукой в кармане.

Михаил ничего, разумеется, не слышал за грохотом электрички. Фатер шел. Любопытно, что он задумал? Егор смотрел. Туда смотрел, на Фатера и Михаила, а не на нож. Ножа он вовсе не боялся и почти забыл о нем, лишь краем глаза, подсознательно, отмечал у своего живота светлое дрожащее лезвие.

Рука Фатера выскользнула из кармана, блеснул на пальцах металл...

— Счас... — машинально шепнул Егор. Федюня не выдержал, быстро глянул назад. Кулак Егора ударил Федюню по руке выше ножа. Нога Егора стремительно распрямилась, ботинок врезался в бутылки,

Вечерняя электричка.

Продолжение

Дальнейшее произошло молниеносно, и Егор не уловил подробностей. В кино такие дела нарочно показывают замедленно: плавный прыжок, неторопливый захват, перехват, растянутый на долгие секунды взлет человеческого тела... А здесь Фатер и Михаил на миг словно слиплись в тесном объятии, затем — хриплый вскрик, и вот уже Фатер скорчился на коленях, тыкается башкой в тряский пол вагона, а Михаил рвет у него кастет с выкрученной до шеи руки...

— Пусти... сволочь!.. Федюня-а!

Но юный спутник Фатера, забыв о Егоре, забыв про нож в кулаке (или, наоборот, все мгновенно рассчитав), прыгнул через скамью, метнулся в тамбур и... черт его знает, куда сгинул: то ли спасся в других вагонах, то ли сумел раздвинуть наружную автоматическую дверь и выскочил. Поезд в ту минуту замедлял ход, за окнами тихо ехали желтые размытые фонари.

Михаил рывком выволок Фатера на площадку, дождался, когда шипящая дверь разойдется, и пинком выкинул его на платформу безлюдного разъезда. Сунул в карман трофейный кастет, как-то дурашливо, по-мальчишески, отряхнул ладони и оглянулся на Егора (тот и сам не заметил, как выскочил в тамбур).

— Вот так, — вздохнул Михаил. И они вернулись в вагон. Михаил ногой задвинул под скамейку сетку с побитыми бутылками и шапку Фатера. Боковой карман куртки у него тяжело отвисал.

— Покажи игрушку-то, — небрежно сказал Егор. Михаил протянул ему тяжелую никелированную штуку с шипами и отверстиями для пальцев. Предупредил немного виновато:

— Не насовсем. Нельзя...

— Больно надо, — хмыкнул Егор, хотя в «таверне» такая вещь, конечно, произвела бы впечатление. Он примерил кастет на пальцы (оказался велик), покачал на ладони.

— Да, припечатал бы он тебе...

— И не говори... — согласился Михаил.

— А у того фраера кнопочник был. Он мне его в пузо...

— Постой... — глаза у Михаила по-детски распахнулись. — Так ведь он же тебя мог...

— Ну да. Я потому и не чирикал. А ногой в стеклотару...

Михаил помолчал. Потом выдохнул:

— Спасибо, Егорушка... — Он качнул рукой, словно хотел взять Егора за плечо, и не решился. На это движение и на «Егорушку» Кошак опять ошетинился. Внутренне. «Думает, что теперь можно в душу лезть?» Эту ошетиненность Михаил, видимо, сразу почувствовал. Они помолчали. Наконец Михаил недовольно сказал:

— Кастет, однако, давай. Штука уголовная, надо сдать... Жаль, не было времени заняться этим Фатером подробнее...

Они сели на старые места — опять наискосок друг от друга. Егор ежился от холода.

— Может, пойдем в другой вагон? — предложил Михаил.

— Неохота... Ты иди, если мерзнешь.

Михаил насупился. Помолчал минуты две.

— Егор...

— Ну?

— Если бы не ты, я бы, наверно, не успел...

«Не наверно, а точно не успел бы», — подумал Егор.

— В общем, спасибо тебе, — тихо сказал Михаил.

— На здоровье...

Егор почувствовал, что Михаил тоже слегка ошетинился. Давно бы так! А то подъезжает то с одной, то с другой стороны.

— Это всё тем более ценно, — внятно произнес Михаил, — что недавно было сделано декларативное заявление: «Хоть в болоте тони, пальцем не пошевелишь»...

«Не купишь», — устало подумал Егор. И разъярил, вода пальцем по влажному стеклу:

— А я правду говорил. Честно...

— А чего ж тогда вмешался? Рисковал ведь.

— Не знаю... — откровенно сказал Егор. — Не могу сообразить. — Он спокойно, холодно и без уверток попытался понять: как же это произошло? — Правда... Сидел, смотрел: кто кого? А потом нога сама...

Он еще раз прокрутил в голове все, что случилось. И сказал, не тая недоумения:

— Да, не знаю... Может быть, потому, что ты все-таки брат?

Он увидел, как метнулись в глазах Михаила радостные огоньки. И отодвинулся в самый угол, отвернулся. Словно опустил перед собой еще одну прочную заслонку. Михаил с благодарностями больше не полез и спросил с насмешливой ноткой:

— А какая-то знаменитость пророчила тебе, что ты не сумеешь быть братом?

— Режиссер один. В кино меня пробовал на чувствительную роль... Александревский...

Михаил подался вперед.

— Как ты сказал?

— Александревский. А что?

— На вашей студии? На местной?

— Ну, не на Мосфильме же.

— Слушай... а может, Александр Ревский?

— Что? — Егор наморщил лоб. — Ну... может быть.

Я на слух воспринимал... А какая разница?

— Есть разница... Вернее, совпадение. Александр Яковлевич, бывший Шурка, друг... Анатолия Нечаева.

Егор уловил, что Михаил едва не сказал «твоего отца». Не сказал, сдержался почему-то. Ну и ладно. Егор пожал плечами: друг так друг. Не все ли равно?

— Они в детстве жили в Новотуринске, — объяснил Михаил. — Потом разъехались. А в шестьдесят седьмом году встретились на «Крузенштерне», парусник такой. Ревский был там в бригаде, которая кино снимала, он тогда на Ленфильме работал...

«Он надеется, что сейчас я начну расспрашивать: какое кино?» — подумал Егор. В нем росла досада, что невольно признал родство с Михаилом. И скривив губы, он лениво спросил:

— Если был на Ленфильме, чего его к нам-то принесло?

— Здесь возможностей больше, самостоятельности. Здесь он зам. главного режиссера. И с жильем сразу устроилось, и творческого простору больше...

— Во-во!.. Всем нужен творческий простор. На лиших квадратных метрах. А потом вещизм ругают и говорят о вечных ценностях, о вдохновении...

— Ты же не знаешь этого человека!

— А я не про него, а вообще... Недавно у нас в школе тоже один такой выступал. Как раз когда меня директорша к себе вызвала и случилась наша приятная встреча... Тоже рассуждал, что таланту нужна широкая жилплощадь.

— Ну и что? В чем-то он прав... А кто такой?

— Не знаю фамилии, на начало я опоздал, а с конца ушел. Писатель какой-то... Кстати, тоже о Крузенштерне рассказывал. Не о корабле, а о самом... Один кретин у нас сказал: «Робинзон Крузен...» — Егор хмуро хихикнул, чтобы заглушить воспоминание о тезке-кадетике.

— Жаль, что не знаешь фамилию...

— Какая разница?

— Любопытно. Тут еще одно совпадение. У... твоего отца, у Анатолия, с Крузенштерном очень многое было связано... — Михаил быстро глянул Егору в лицо: может быть, мол, хоть это тебя заинтересует?

— Что... связано? — нехотя сказал Егор.

— Целая история... В детстве он познакомился с одним человеком, тот писал повесть о Крузенштерне. Они ее вместе читали, обсуждали... А потом этот человек умер, а рукопись пропала... Остался у Толика лишь эпилог, да и тот затерялся. Но Толик его помнил наизусть. За две недели до гибели он читал его курсантам на «Крузенштерне»...

Михаил вспомнил тот вечер, притихшую толпу слушателей на спардеке, спущенный с рея и высвеченный прожекторами грот-марсель. Голос Толика... А в паузах — цвирканье дальних цикад. И близкое дыхание Аси. И огни рейда, и корабельные запахи, и ощущение города, дремлющего на притихших берегах бухты. И вообще все, что называлось для Гая одним словом — Остров.

Он подумал, как много это значит в жизни для него и как мало — совсем ничего! — для сидящего у вагонного окна отчужденного мальчишки. И беспомощно замолчал.

Егор лениво сказал:

— Недавно о Крузенштерне по телику говорили. Вроде скоро какой-то его юбилей будет.

— В будущем году. Сто восемьдесят лет с начала экспедиции Крузенштерна и Лисянского.

— Ну вот... Значит, и тот писатель решил к юбилею свою повесть накатать... Который в школу приходил.

— Но Курганов-то, знакомый Толика, писал не к юбилею. И книга его была не столько о плавании, сколько вообще...

— Как это «вообще»?

— А вот так. О жизни и смерти.

— Про это — любая книга, — сказал Егор, и такое его высказывание понравилось Михаилу. Ниточка беседы вроде бы потянулась, и он объяснил:

— У Курганова — особенно... На корабле «На-

дежда» погиб молодой лейтенант, Петр Головачев, и Крузенштерна всю жизнь мучило ощущение вины...

— От чего погиб?

— Сложная история...

Егор промолчал, кажется, выжидательно. И Михаил стал рассказывать о спорах Крузенштерна и Резанова и о том, как мучился, оказавшись в одиночестве, второй лейтенант «Надежды». Егор слушал без особого интереса, но и без равнодушных зевков. Потом сказал:

— Из-за этого и застрелился? Вот дурак.

Михаила покорило.

— Дураком легче всего назвать! А если разобраться, смерть его была честнее многих.

— Как это?

— А вот так! Жизнь и смерть для него были вопросами чести... Сейчас об этом и говорить-то считают смешным. Зато сколько людей мрет от страха! Хватают инфаркты, потому что трясутся за свою карьеру, за накопленное барахло...

— Ты повернул на знакомые рельсы, — сказал Егор. — О вещизме ты уже говорил. О вечных ценностях тоже.

— Ну и послушай еще. Они ж вечные...

— А вещи для тебя, значит, совсем тьфу?

— Смотря какие... У Курганова был старый корабельный хронометр, потом он к Толику перешел, а от него ко мне. Такую вещь я ни на что не променяю. Ни на твой плэйер, ни на «Волгу», ни на все сокровища.

Егор сказал без насмешки:

— Одному сокровища нужны, другому такой вот хронометр. О чем спорить-то? Живи, как тебе надо, а чего других-то воспитывать?

— Но когда одни живут «как им надо», другие от этого гибнут, как Головачев...

— Кто ж ему велел?

— Никто не велел вроде бы. А равнодушием парня сгубили...

— Тебя бы свести с нашим Редактором, — хмыкнул Егор. — Он раньше все на такие споры лез. Про то, как с равнодушия начинается гибель человечества. На классных часах выступал. Потом, правда, помнел, но не совсем.

— Что за редактор?

— Да Ямщиков! Тот, которого... который с Копчиком подрался.

— «Тот, которого»... Что-то не дает он тебе покоя, а? — Не надо было касаться опасной темы, но Михаил не утерпел.

— Мне? — вроде бы искренне удивился Егор. — Да катись он...

— Однако ведь не покатылся, — опять не выдержал Михаил. — Излупить вы его могли, а заставить победить не сумели. Скажешь, не угадал?

Он не ожидал, что это так зацепит Егора. Тот плечом оттолкнулся от вагонной стенки, наклонился к Михаилу, глянул непримиримо. Сказал с ухмылкой:

— Угадали, товарищ старший сержант. От милиции ничего не скроешь.

— Далась тебе милиция! Чего ты ее так не любишь?

— А за что вас любить?

— А за что ненавидеть? Какие причины? Может, объяснишь?

Егор сел прямо.

— Ладно... Вот скажи, только не отпирайся: вы же военные люди, все равно, что в армии!

— Я и не отпираюсь...

— Вот! Тоже погоны носите, оружие...

— Ну, оружия-то у меня как раз нет, не положено. Разве что на стрельбище в руках подержу.

— Все равно! Вы — военные! А кто ваш враг?

— То есть... Ты что, считаешь, что милиция не нужна?

— Ты не вертись, — поморщился Егор. — «То есть»... Ну, ладно, преступников надо ловить, они убегают, сопротивляются. Даже стреляют иногда... А чего вы с пацанами-то воюете? Ну?

— Я воюю с пацанами? — тихо сказал Михаил.

— И ты, и другие... А разве нет? Вы за нами охотитесь как за врагами. Под конвоем возите, за решетку сажают... А потом еще кричите на всех перекрестках: «У нас все лучшее — детям!»

— А не так? — огрызнулся Михаил. — Тебе, дитя, чего не хватает в жизни?

— А я не про себя, до меня вы еще не добрались. Я про тех, с кем вы воюете...

— А мы не... — начал Михаил. Егор перебил:

— Ну, давай, давай! Скажи: «Мы не с ними воюем, а за них»... Слышал уже.

Михаил, который хотел сказать именно так, чертыхнулся. Но тут же зло спросил:

— Нет, это ты скажи: а что делать, если бегут?

— Нет, это все-таки ты скажи: а почему бегут?

— А откуда я знаю! — рявкнул Михаил. И сразу обмяк. — Сто причин... От неприязни бегут, от пьяных матерей и отцов, от страха... А кому-то вожжа под хвост попала: романтики захотелось... А кто-то от безысходности: дома затюкали, в школе двойками зарос, просвета нет...

— Как ты все хорошо объяснил.

— А я не все... Вот таким, как ты, например, чего дома не сидится? Романтикой ты вроде не страдаешь, дома все о'кэй, полная чаша, мама с папой делят единственное чадо...

— Что еще? — негромко спросил Егор.

— Все, — устало выдохнул Михаил.

— Выходит, нельзя было съездить, с неожиданным братцем познакомиться?

— Да я не об этом. Я про то, как ты в розовом детстве с детприемником познакомился. Оттуда и твоя философия про «войну с детьми»...

— Значит, навел уже справки, — глухо сказал Егор.

— Не навел я справки! Директриса ваша болталась между делом! Папаша, мол, слегка погладил мальчика против шерсти, а тот сразу в бега...

— Да? — сказал Егор каким-то стеклянным голосом.

— Что «да»?

— Так и сказала? — Егор вымученно улыбался.

— Н-ну... примерно так... А...

Егор упал головой на спинку скамьи и заколотился в злом мальчишечьем плаче.

— А ты!... — выкрикнул он. — Знаешь, да?.. Он... погладил... Он... Ты знаешь?!

Михаил видал всякое, но сейчас такого не ожидал. Что это было? Запоздало отозвались нервы на опасную схватку с Фатером и Федюней? Или под

холодной скукой и безразличием созрела и прорвалась какая-то боль?

Михаил вскочил, нагнулся над Егором — словно хотел заслонить от всех на свете. Со страхом и жалостью вспомнил, как много лет назад сам исходил такими же рвущими душу слезами. В комнате у Юрки, когда вырвалась правда о Толике и гранате...

— Егорушка... Не надо. Ты что... братишка...

— Ты!.. Он погладил.. Вы там в милиции... умные!.. А ты!.. Что ты... про меня... знаешь?

Черный футляр

В третьем классе Егор Петров писал сочинение на тему «Мой родной город». Вот что он сочинил:

«Я родился в городе-герое Севастополе. Это очень хороший город, потому что он героический и расположен у моря. Но я его не помню, потому что уехал оттуда, когда мне было два года. Я приехал сюда. Этот город стал мой родной. В нем есть цирк, много кинотеатров и много заводов. Мой папа работает на знаменитом заводе «Электрон». Я наш город очень люблю».

Егор написал то, что полагалось. На самом деле город он не любил. Чего его любить-то? Егор поездил с родителями, повидал города получше. Конечно, привык Егор к городу, считал его своим, но иногда все вокруг казалось надоевшим.

Еще в первом классе, устав от слякотной осени, Егор спросил у матери, зачем не остались они жить у теплого моря.

Мать объяснила, что врачи запретили отцу плавать на кораблях, а на берегу хорошей работы не было. И дядя Сережа, мамин брат, который потом разбил на мотоцикле, предложил им приехать сюда. На флоте отец был специалистом по электронному оборудованию, ходил на больших грузовых судах. На крупном заводе люди с его специальностью были очень нужны. Все получилось хорошо, квартиру дали почти сразу...

— А в Севастополе, что ли, заводов нету?!

— Таких больших нет, — сказала мама. И добавила непонятно: — А главное, там не было перспективы роста.

Гораздо позже Егор кое-что узнал из услышанных краем уха разговоров, а кое о чем догадался. Дело было не во врачах. Дело было в таможне (есть такая контора, ее работники строго проверяют, не везет ли кто из-за границы что-то запретное). Отец за границу плавал часто, ну и, видать, прихватил оттуда что-то сверх дозволенного. А таможенники, конечно, в крик... Егор догадывался, что «крик» был большой, раз пришлось расстаться и с заграничскими, и с флотской службой вообще. Судя по всему, папочка сумел развязаться с морской жизнью «по собственному желанию», но оставаться там, где знали эту историю, было нельзя. Какие уж там «перспективы роста»!

Впрочем, отец ничего не проиграл. Специалист он был, видимо, с головой, а «Электрон» расширял производство, людей ценили. И пошел Виктор Романович по служебной лестнице довольно бодро. Тем более что прекрасно знал английский язык, а завод активно налаживал контакты с иностранными фирмами. Через семь лет стал товарищ Петров одним из ведущих инженеров.

К тому времени «Электрон» взялся помогать какой-то индийской промышленной компании, и отцу предложили на год поехать в Индию. С женой. Сперва сказали, что и сына можно взять, но потом выяснилось: в школе, где учатся дети советских специалистов, нет начальных классов. И все уперлось в Егора.

Отцу очень хотелось поехать. Маме тоже. И заморские страны повидать хорошо, и вещи оттуда привозят такие, что ахнешь. Причем законно, без всяких осложнений... И мать решилась.

Написали в Молдавию бабушке — маминной маме. Уговорили приехать и год пожить с Егором. До той поры Егор видел бабушку только раз, когда ездили к ней в село под Кишиневом. Тогда бабушка работала в сельской школе, а сейчас была на пенсии.

В августе мать с отцом укатили в страну, где слоны и джунгли и где жил когда-то Маугли. А Горик пошел в третий класс.

Учился он без всяких трудов. Что там в третьем классе учиться, если толстые книжки читал еще дошкольником, задачки решал тоже шутя. Правда, из-за корявых букв и помарок в тетрадах случались тройки, но это беда не великая...

Первые дни скучал Горик по маме, даже плакал вечерами, потом привык. Бабушка, хотя и была раньше учительницей начальных классов, воспитанием Горика не донимала. Иногда ворчала, иногда хлопала даже (он с хохотом увертывался), порой грозила написать папе-маме, но, конечно, не писала. И скоро Горик убедился, что можно читать в кровати до полуночи, можно сказать, что придет с улицы к семи часам, а явиться после девяти. Можно утром захныкать, что болит голова, и бабушка скажет: «Ох ты, чадо непутевое, ладно, не ходи на уроки...» Была бабушка суровая с виду — высокая, черноглазая, крючконосая, но решительным характером не отличалась. Наверно, и в школе ученики ее не очень слушались... В общем, Горик Петров почувал волю и даже перестал ходить к учительнице английского языка, с которой занимался уже второй год.

Эта вот неприятность с «англичанкой» особенно расстроила маму, когда она весной прилетела проведать Горика. Получился неприятный разговор (Горик даже поревел немного), но исправить ничего уже было нельзя, а долго ссориться мама не хотела, чтобы не возвращаться в Индию с тяжелым чувством. К тому же оценки у Горика были в порядке, а сам он выглядел подростком, крепким и загорелым, несмотря на холодную погоду. Видимо, потому что почти каждый день шастал с ребятами во дворе и соседнем парке. Кстати, там, среди уличной вольницы, все реже звучало его прежнее имя «Егорушка» и «Егорка». Все чаще окликали: «Гошка!» Наверно, и в самом деле подрос. И учительница говорила теперь не «Горик», а «Егор». И писала в дневнике: «Егор! Тебе надо быть собранней!», «Уважаемая Мария Ионовна! Проследите, пожалуйста, чтобы Егор не опаздывал на первый урок».

Но все это были мелочи. Егор Петров оставался благополучным мальчиком из благополучной семьи. И третий класс закончил тоже благополучно (тройки только по музыке и природоведению).

В начале июня завком выдал сыну инженера Петрова путевку в лагерь «Электроник» на три смены. Жизнь в лагере была хорошая, и лето, которое сперва казалось Гошке бесконечным, вдруг промча-

лось очень лихо. В середине августа вернулись родители, прикатили в «Электроник» за Гошкой. Вот была радость-то! А когда приехали домой, радости еще добавилось. Потому что, оказывается, мама с папой привезли столько всего!

На Гошкиной кровати лежал большущий тигренок с длинной нейлоновой шерстью, пластмассовыми когтями и почти настоящими, просто живыми глазами (куда Гошка идет, туда и тигренок смотрит). А еще лучше была кожаная жидетка и такие же козбойские штаны с бахромой, и два тяжелых кольца (по сравнению с ними те алюминиевые револьверы, что в наших магазинах, — просто тьфу!). Длинные, с крутящимися барабанами, с медными узорами на рукоятках, кольца грохали специальными патронами — так, что вороны тучами подымались с окрестных топей.

...Но в следующие дни радость поубавилась. Отец услышал, как Гошка препирается с бабушкой из-за неубранной постели, и негромко сказал:

— Да, подразвинулся ты, голубчик. Не пришлось бы принимать спецмеры. Имей в виду — я не Мария Ионовна.

Бабушка поджала губы и вышла из комнаты. А родители разыскали Гошкин прошлогодний дневник, прочитали все учительские записи (будто мать их весной не видела!) и устроили Гошке разнос. Вернее, мать, поглядывая на отца, старательно кричала, а отец коротко и сухо сказал, что «дальше так дело не пойдет».

Гошка недоумевал. Третий класс он считал уже древней эпохой. А неубранная постель... Он и раньше, до бабушки, не раз отлынивал от уборки, и никто из этого большого шума не делал.

Отец словно услышал его мысли.

— Что было раньше — это одно. А сейчас ты уже не младенец. Начнется всякий там переходный возраст — тогда что? Нет уж, дорогой. Или сам будь человеком, или я его из тебя выстрогаю... — А матери сказал: — Не хватало еще, чтобы мне о нем письма на работу посылали. Сейчас есть в школах такая мода.

Гошка не понимал, при чем тут письма на работу. И что отцу от него надо. Вообще отец вернулся какой-то не такой. Будто незнакомый. Худой, загорелый, жесткий. Костистый череп совсем облысел, только на висках волосы курчавились седоватыми пучками. Лицо от этого казалось чужим...

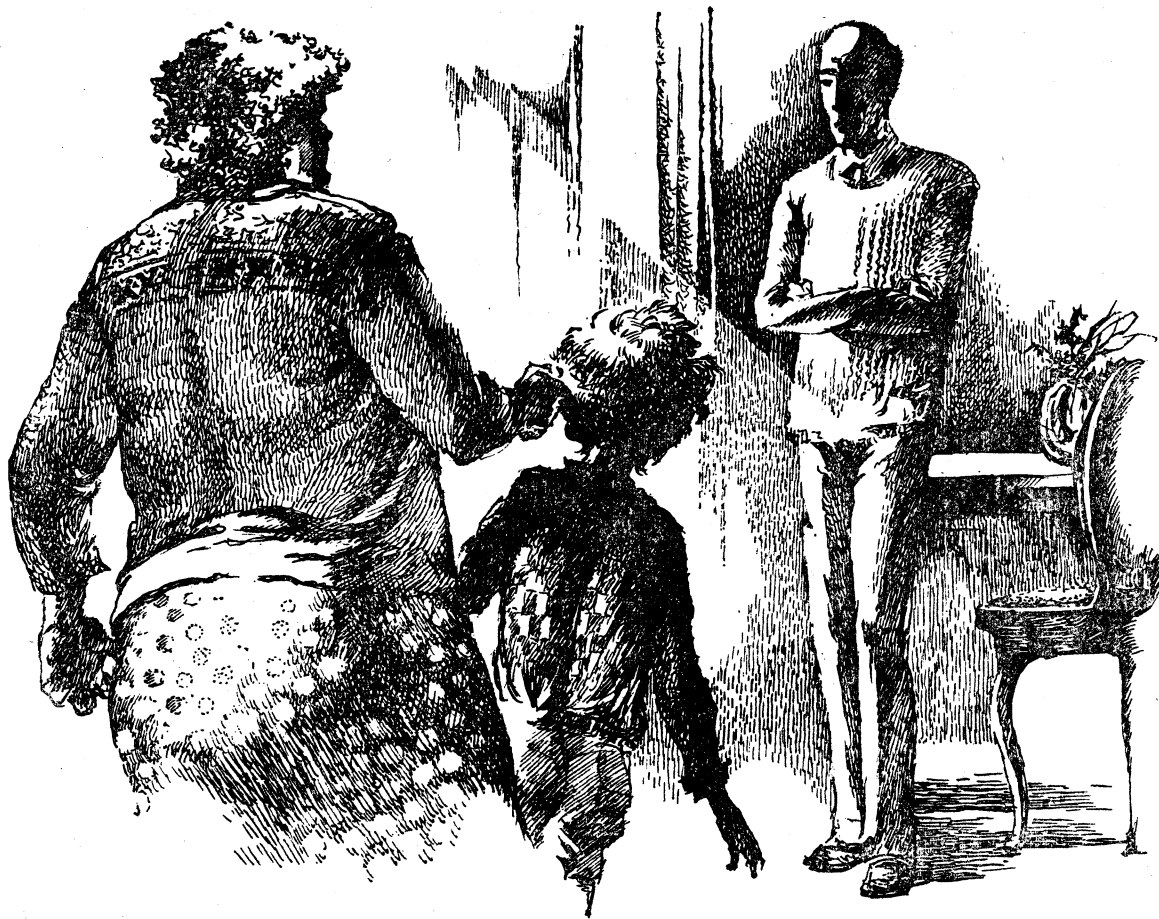
Мать потом объяснила Горика, что сейчас решается важный вопрос: назначат ли отца начальником нового важного цеха. И теперь всякая мелочь может оказаться помехой. Если в партком завода кто-то пожалуется, что сын Петрова ведет себя не так...

— В общем, ты понимаешь...

Но Гошка все равно не понимал и разговор этот скоро забыл. Бабушка уехала, оставив на подоконнике медный кувшин с узорами из эмалевых цветочков — тот, что привезли ей в подарок из далекой Индии. С отцом Гошка виделся мало — тот пропадал на заводе.

Но в ту субботу, в начале сентября, когда соседка привела Гошку за ухо, отец оказался дома.

Соседка была толстая и горластая, работала на складе макулатуры и, говорят, спекулировала книжными талонами. Ребята звали ее «Туша», а взрсс-

лые — «Гром-баба». Гошка с приятелями носился по сараям, и нога у него провалилась сквозь чужую крышу дровяника, застряла. Когда он освободился и слез, Туша была тут как тут, караулила у лестницы...

Отец не стал спорить насчет якобы развороченной крыши. Отдал пятерку за ремонт, но на прощанье сказал:

— А за уши, гражданочка, хватать чужих детей не советую. На то у них имеются родители... Путать чьи-то уши с чемоданными ручками не следует, могут быть неприятности.

Туша вдруг бросила деньги на пол и побагровела.

— Неприятностями пугаешь?! Лучше за своим сопляком смотри! Думаешь, большая шишка и все тебе можно? Я знаю, куда идти, у меня брат в рай-коме работает!

Она грохнула дверью, не подняв пятерку.

— Дотанцевался, наследничек...— Отец глянул на Гошку светлыми, какими-то стеклянно-бутылочными глазами.

Гошка и правда пританцовывал: мать, задрав на нем штанину, мазала йодом длинные царапины. Он капризно хныкал:

— Хватит, больно же...

— Это — больно? — усмехнулся отец. Мать испуганно глянула на него. Отец сказал ей: — А что ты предлагаешь?.. Теперь эта груда свинины наделает мне столько пакостей, что не расхлебаю до конца

года... И все из-за этого сопляка, которого распустила без нас твоя мамаша...

— Как ты можешь...— начала мать.

— Мо-гу,— отчетливо сказал отец.— Вели ему сидеть дома.— И он ушел куда-то с черным трубчатым футляром, в котором иногда носил чертежи.

Вернулся он через полчаса. О чем-то говорил сперва с матерью у себя в комнате. Потом позвали Гошку. Тот, насупившись, но без боязни, пришел. Горела розовая настольная лампа. Отец сидел у стола, лицо было в тени. Мать стояла у двери.

— Вот,— деревянным каким-то голосом сказала она.— Довел, значит, отца. Говорили тебе...— И боком ушла из комнаты.

И стало тихо.

Гошка еще ничего не понимал, но ощутил обморочную слабость. Отец сказал «подойди», и он сделал два беспомощных шажка. Отец открыл черный футляр и вытянул из него, положил на стол коричневый гладкий прут. Тут Гошка понял, что его ждет, и заревел. Сразу. Сильно. Будто включили в нем громкий магнитофон.

Никогда Гошку раньше не трогали, разве что мать или бабушка шлепнут шутя. А тут... такое... Вообще-то Гошка терпеть не мог просить прощения и каяться, но сейчас было не до самолюбия. И Гошка старательно выл, что не надо и что он больше не будет и что «папа, прости...» И при этом ощущал жуткую раздвоенность: будто один Гошка ревет, из-

немогает от ужаса, а второй молча стоит в стороне и громадными от изумления глазами (тоже перепуганный, но безголовый) смотрит на происходящее. И все-таки неправдоподобно, что у этого второго Гошки под тяжкими глыбами стыда и страха шевелится какое-то щекочущее, как спрятанный под майковой кузничек, любопытство: что же это такое с ним, с тем Гошкой сделали?

А отец ничего не делал. Терпеливо ждал, когда Гошка перестанет реветь. Тот, всхлипывая, замолчал, и отец сказал:

— Теперь повтори все ясно. Что ты там гудел сквозь слезы?

— Не буду больше...— уже обрадованно, с надеждой выдохнул Гошка.

— Что не будешь? Безобразничать?

— Ага...

— Это хорошо. Если не будешь, значит, и порка эта останется последней. Но сейчас без нее не обойтись. Это ведь не за то, что ты будешь, а за то, что уже сделал. Я тебя предупреждал. Когда человек что-то натворил, должен расплачиваться, такой в жизни закон. Понял?

Гошка ничего не понял. Отец говорил ровно, без всякой злости, но при этом зачем-то вытирал очень белым платком вздрагивающий прут. Потом утвердил его в массивном каменном стакане письменного прибора и встал. Шагнул... Зачем это он?.. Не надо... Обмякший от ужаса Гошка слабо затрепыхался, когда отец взял его за плечо.

...Гошка плакал в своей кровати до ночи. Сперва в голос, потом с шумными всхлипами, потом тихо, со щенячьим поскуливанием. Подходила мать, что-то говорила, он бросил в нее, в предательницу, ботинком. И никогда уже не смог простить, что она в тот страшный вечер не вступилась, выдала его отцу.

Утром встал он поздно. Потерянный, растерзанный, опухший. Совсем другой Гошка, не вчерашний. Со страхом и тоскливым недоумением в душе, со злобой и сумрачным стыдом. Долго умывался, словно хотел соскрести с лица припухлость и следы слез... Отца дома не было. Мать что-то виновато сказала про завтрак. Гошка ответил «иди ты» и вышел во двор.

Утро стояло совсем летнее, но это не обрадовало Гошку. Он вдруг подумал, что вчерашний визг его могли слышать на дворе, и сейчас, если кто встретится, начнет спрашивать... Гошка торопливо ушел за дом, на глухую лужайку с репейниками и мусором. Иногда здесь жгли костер, и сейчас валялось много щепок и куски черной смолы — их брали на ближайшей стройке для растопки. На одной щепке то замирала, то билась осенняя коричневая бабочка. Крыло ее прилипло к смоляной крошке. Беспомощная бабочка рвалась и трепыхалась. Так же, как вчера, бился и трепыхался Гошка... Он смотрел на бабочку полминуты, потом наступил на нее.

С той поры Гошка жил с постоянным страхом, со съезженной душой звереныша. С отцом старался не видаться, на мать иногда слабо огрызнулся, но в общем-то был сумрачно послушен.

Но живой характер сразу не упрячешь в клетку, и домашняя задавленность по-иному оборачивалась в школе. Гошка больше стал носиться по коридорам, чаще лез в потасовки и в шуточных свалках разда-

вал удары не шутя. Он мог дико хохотать, но почти не улыбался. Естественно, пошли записи в дневник, и, ознакомившись с ними, Виктор Романович выпорол сына вторично.

На этот раз Гошка сопротивлялся с отчаянием смертника. Дико орал, исцарапал отцу руку, ударил его пятаком в подбородок... Ну, и получил за это сильнее, чем в первый раз.

На следующее утро Гошка вырвал глаза у нейлонового тигренка, который был свидетелем его позора и бессилия, закинул на антресоли ранец и бежал из дома куда глаза глядят.

По несчастному совпадению, когда Гошка стоял за городом на обочине тракта и «голосовал» машинам, чтобы увезли его за тридевять земель, мимо ехал с дачи некий Пестухов, который у них дома появлялся иногда по-приятельски, но о котором отец с матерью говорили как о вечном недруге и хитром сопернике: «Ты что, хочешь, чтобы этим Пестухов воспользовался?.. Ну, конечно! Пестухов премия, а тебе все шишки!.. Ты думаешь, Пестухов будет молчать? Сразу побежит к директору...»

Гошка не узнал Пестухова в шляпе и темных очках, а тот Гошку узнал. И когда все открылось, было поздно: незнакомый дядка придерживал бющегося Гошку на заднем сиденье, а Пестухов гнал «жигуленка» к дому Петровых.

Сдали Гошку перепуганной матери. А в обеденный перерыв появился отец.

— Ну что, мерзавец, добился чего хотел? Теперь весь завод будет знать...

Он снова достал черный футляр и стянул с насадно орущего Гошки штаны. И так добавил ко вчерашнему, что Гошка на следующий день не пошел в школу...

...Второй побег, уже в декабре, был продуман Гошкой до мелочей. Во-первых, Гошка знал куда бежать: к бабушке, в Молдавию. Во-вторых, он понимал, что зайцем не доедешь, и хитро раздобыл билет в кассе предварительной продажи: «Тетенька, у меня мама в магазин ушла, меня оставила постоять, а очередь уже подошла. Купите, пожалуйста, билет до Кишинева, маленьким не продают. А то очередь пройдет, нам с мамой опять два часа стоять... Мама должна к бабушке ехать, та очень болеет...»

Одет Гошка был прекрасно, смотрел ясными глазами, тетенька поверила...

Бежал Гошка из-за скандала с учительницей музыки. Та хлопнула его по губам, когда он болтал на уроке. Гошка отмахнулся и сильно попал ей по руке. «Музыкантша» поволокла его за шиворот в учительскую. Гошка, уже ослепнув от страха, куснул ее за палец. Из учительской позвонили отцу. Он оказался в командировке. Но, раз уж начался разговор, поведали обо всем отцовскому заместителю. Тот обещал передать. Отец должен был вернуться через четыре дня, и Гошка понял, что ждть нельзя.

...Сняли с поезда Гошку за Среднекамском. Видно, передано было по линии сообщение о беглеце. Сперва Гошка кричал, что не имеют права, он едет законно! Почему его хватают, как преступника? Потом каменно замолчал: умрет, но не скажет, кто он и откуда. Но в кармане нашли свидетельство о рождении, которое Гошка взял с собой (не ехать же без документа!).

Сухая неумолимость милиционеров, казенная безысходность приемника-распределителя потрясли

его не меньше, чем отцовские «воспитательные меры». В мире, опутанном телефонными проволоками, пронизанном радиоволнами, в мире, который насковозь, будто акварнум, просматривали безучастные твердые люди в ремнях и погонах, скрыться было негде. И когда пожилой молчаливый старшина вез Гошку домой, тот уже не помышлял о бегстве...

Квартира была заперта. Потом оказалось, что вернувшийся отец был на заводе, а мать металась между милицией и вокзалом. Старшина отвез Гошку в школу. Изнеможенный от страха и усталости Гошка с рыданиями все рассказал Розе Анатольевне.

Роза Анатольевна работала тогда первый год. Она взяла Гошку за руку и повела домой. Родители оказались уже там. У Розы Анатольевны состоялся с ними разговор. Говорили в кухне, и Гошка все слышал через тонкую дверь ванной, где он отмокал от дорожной грязи и оттаивал от казенного неюта и ощущения заброшенности. Оттаивал от страха. Поэтому что теперь-то уж, после того, как заступилась учительница, кто его тронет?

Роза Анатольевна говорила решительно и горячо: — Виктор Романович, неужели вы не понимаете? Дети — они в тысячу раз сложнее самой тонкой электроники! Их так легко сломать! Ну, вы же культурный человек!..

Отец терпеливо (и, кажется, с усмешкой) разъяснял:

— Уважаемая Роза Анатольевна, это же слова. Терминология... Что такое культура? Тоненькая позолота и даже не позолота, а бронзовая пудра, которая облетает с нас при первом крепком дуновении. И мы опять предстаем перед суровой жизнью такими же хвостатыми и волосатыми, как во времена мамонтов...

— Вы отрицаете роль цивилизации?.. Ну, неужели вы не понимаете, что в наше время бить ребенка — это варварство?!

— О, цивилизация, — добродушно засмеялся отец. — Придумать танки, которые давят живых людей, — это не варварство. Придумать бомбу — не варварство. Травить химикатами и дымом всю матушку-природу — тоже не варварство. А вот выдрать мальчишку — не спеша и аккуратно, для его же пользы, как это делалось во все века — это, видите ли, потрясение основ...

— Да, потрясение! Для него!.. Ну ладно, Виктор Романович — с головой в своей работе, человек техники, ему не надо педагогики. Но вы-то, Алина Михеевна!..

— Да я уж и так и этак, — слабо оправдывалась мать. — И тому и другому... Как между двух огней.

— Ну, какие тут «огни»! Это люди! Я не понимаю...

Гошка тоже не понимал. Отец — тот раньше никогда особенно им не занимался и до поездки в Индию был все время как-то в стороне, вечно занятый, усталый. Но мать-то любила Горика, тряслась над ним. Только и слышишь: «Горик, надень тапочки, ты простудишься», хотя простудиться в квартире с толстыми коврами немислимо. Наряжала его, как мальчика из модного журнала, покупала, что ни попросит. И вот — отступилась, выдала с головой. Такая решительная, красивая, большая, вдруг съезжилась перед отцом... Лишь потом начал Гошка понимать, что отца она любила не меньше, чем его, и любовь эта была смешана со страхом. Куда она без отца-то?

Чтобы чувствовать себя уверенной, счастливой, нужно ей было ощущать рядом сильного человека с прочной судьбой. А то натерпелась в молодости...

Но эта догадка пришла к Гошке годы спустя. А пока он умиротворенно булькался в теплой воде, потому что отец на прощанье добродушно сказал Розе Анатольевне.

— Я ведь вашу ранимую женскую душу тоже понимаю. И не волнуйтесь, пожалуйста, не буду я этого лоботряса наказывать за дурацкое путешествие. Он себя и так уже наказал...

А когда Горик в белой индийской маечке с пугаем на груди и в пестрых японских трусиках бесшумно (на всякий случай) пробирался из ванной, чтобы забраться в постель, отец окликнул его из своей комнаты:

— Постой-ка, турист, у нас ведь еще не все дела кончены... Давай уж сразу, чтобы не откладывать неприятные моменты.

Глаза у отца опять были прозрачно-бутылочные, а под лампой чернел на столе круглый футляр.

Гошка прижался к косяку и дико закричал:

— Ты же говорил!.. Ты обещал!..

— Перестань орать-то, — сказал отец. — Что я обещал? Не драть тебя за побег. А за историю в школе? А за деньги, которые ты у матери украд и на билет высадил? Ты что же, думаешь, это можно так оставить?.. И не скандалил бы зря, не брыкался. Только себе хуже делаешь и мне работы прибавляешь...

«Работы... — отдалось в мозгу у Гошки. — Работы...»

Это — работа?

Виктор Романович открыл футляр и сказал сыну: — Подойди.

Гошкина душа обессилела от постоянного страха, безысходности и ожидания боли. Он всхлипнул и, глядя в сторону, сделал на ватных ногах шагжок к отцу... И не стал сопротивляться.

Дальше жизнь пошла серая, тускло-ровная. Страх по-прежнему жил в Гошке, но это был уже привычный страх. Как ни опасайся, а жить-то надо. И без грехов не проживешь. Поэтому пришлось Гошке в четвертом классе еще несколько раз вытерпеть «домашнюю педагогику». Правда, теперь это было не так страшно. То ли отец стегал без лишней суровости, то ли Гошка притерпелся. Впрочем, от визга и слез удержаться он все равно не мог. Да и не старался. Криками он заглушал боль и стыд за свою капитуляцию. Стыд этот постоянно сидел в Гошке холодным скользким сгустком. Раньше, когда Гошка еще сопротивлялся отцу, яростно отбивался, орал зло и непримиримо, он был все-таки прежним Гошкой. С какой-то гордостью, с характером. А теперь он с хмурой покорностью шел «если надо» в комнату к отцу. Какая уж тут гордость? Вместо нее — этот слизкий комок-студень.

Но сколько так может жить человек? Где спасенье?

Гошку спасло от вечной презрительной жалости к самому себе одно открытие.

Однажды в школьном коридоре на него налетел щуплый первоклассник. И не убежал. Отскочил и перепуганно заморгал.

— Ты что, ослеп?! — гаркнул Гошка. Малыш ежилась и переступал на месте.

— А ну, подойди, — тихо и зловеще приказал

Гошка. И тот робкими шажками приблизился. Чужая покорность сладко согрела Гошке душу. Он воровато усмехнулся, помусолил палец и с оттяжкой вляпал малявке по лбу «лешика». У того сверкнули слезинки, но Гошка опять сказал строгим полупшепотом: — Стой смирно. Еще не все... Если что натворил, надо расплачиваться, это закон жизни, голубчик... — И деловито вляпал еще раз. — Теперь можешь идти.

Догадка, что за свое унижение можно расплачиваться унижением других, была сперва смутной, просто инстинкт какой-то зашевелился. Но скоро Гошка понял: так оно и есть в жизни. Все перед силой ломаются, зато если свою силу чувят, не упустят случая отыграться. Все люди такие. Многие даже трусливее Гошки. Он-то сдался после отчаянной борьбы, а другие хвост поджимают сразу — от первого страха, от первой боли. И не только те, кто его слабее. Более рослые мальчишки, бывало, тоже пасовали перед злым Гошкиным натиском. А если порой Гошка и нарывался на отпор, то что же? Пустяковой боли от драки он не боялся, не такое испробовал.

После четвертого класса опять отправили Гошку в «Электроник». Но жизнь в лагере была уже не та. Вернее, Гошка не тот. Воспитательница говорила старшей вожатой:

— А ведь из хорошей семьи... Откуда в нынешних детях эта немотивированная жестокость?

Она была не совсем права. Гошка бил только тогда, когда ему не подчинялись. Причинять кому-то боль специально он не старался. Интересно было другое: смотреть, как от страха перед этой болью ребята теряли гордость и делались покорными. Конечно, не все, но Гошка умел выбирать.

Покорных он иногда жалел и даже заступался за них. Так пригрел, привязал к себе семилетнего Витьку Лавочкина из октябрятского отряда. Но потом за что-то разозлился на него, в наказание отвел к болотцу на краю лагеря, бросил туда мячик и велел Витьке лезть за ним. В болотце густо жили пиявки.

— Считаю до десяти, — сказал Гошка. Сел на травку и стал медленно считать. И смотрел, как несчастный Лавочкин боится пиявок, но еще больше боится его, Гошки, и топчется по щиколотку в болотной жиже.

Здесь их застал вожатый Вася. Был Вася вожатым первый раз, а вообще-то работал слесарем на «Электроне». Отличался он простодушием и добротой, но сейчас все понял и разозлился:

— Ты что над человеком издеваешься?

Гошка сказал, что он воспитывает в человеке смелость.

— А если он не хочет, чтобы ее в нем так воспитывали?

— Мало ли чего не хочет. Раз он такой, пускай слушается.

— Ага... — понимающе сказал Вася. — Раз он тебя боится, значит, должен от тебя терпеть. Так?

— А нет, что ли? — нахально спросил Гошка.

— Значит, каждый, кто слабее, должен терпеть?

— А нет, что ли?!

— Очень хорошо. Тогда терпи... — Вася взял Гошку за шиворот и растоптанным кедом отвесил ему два пинка.

Но Гошка знал, от кого надо терпеть, а от кого нет. Законы ему были известны. Он кинулся к начальнику лагеря и поднял такой крик, что пришлось звонить отцу. Отец приехал на своих новых «Жигу-

лях». Он сказал, что Гошка правильно возмущается: нечего позволять, чтобы всякий тебя пинал. Забрал сына домой, а начальнику пообещал поставить вопрос на завкоме.

Вася загремел из вожатых, и ему вклеили выговор по комсомольской линии. Гошке сказал про это отец. Оба были довольны.

А через неделю Виктор Романович высрал Гошке за самовольную поездку на городской пляж и позднее возвращение: «Ты хочешь, чтобы у матери был инфаркт, турист бестолковый?»

Отсчитав «туристу» обычные десять горячих, он добавил к ним одиннадцатую, самую хлесткую. А взвывшему с новой силой Гошке объяснил, что раз ему теперь одиннадцать лет, значит, доза соответственно увеличивается.

В пятом классе жизнь была такая же, как и в четвертом (если не считать увеличения отцовской «дозы»). Внешне такая же. Но Гошка, разумеется, изменился. Подрос, это само собой. И умнее стал. Знал, где нахальничать, а где лучше виновато улыбнуться и сказать, что обязательно исправится. Тем более что улыбка была обаятельная, взрослые поначалу таяли... Но ребята не таяли. И в кличке «Петенька» (от фамилии Петров) уже не было прежней веселой ласковости. Скорее намек был, улыбка улыбкой, а клюв твердый... Впрочем, никто еще тогда Петеньку особенно не боялся. Но никто и не любил. Относились осторожно, знали: обиды помнит и сам обиженных не жалеет.

Он, пожалуй, вообще никого не жалел. Кого жалеть-то? И разве его, Гошку, жалели? Пожалуй, лишь коричневую бабочку порой вспоминал он с непонятым смущением. Иногда она снилась Гошке: трепетала на ярко-желтой от солнца шепке. «Ты все равно погибнешь, ты прилипла!» — хотел крикнуть ей Гошка, но не мог. И тихо-тихо было. Но тишина эта состояла из шелеста крыльев и тонкого звона, а в звоне звучала отчаянная мольба: «Не надо! Не надо! Не надо!» И чтобы оборвать эту мольбу, тоскливый этот звон, Гошка наступал на бабочку опять...

Дома, если глянуть со стороны, все было прекрасно. Осенью получили новую квартиру, в том же районе, у парка, только в многоэтажном корпусе. Три большущие комнаты. Отец сделался наконец начальником экспериментального цеха (который даже и не цех, а, можно сказать, завод в заводе). Пестухов стал у него заместителем. Цех расширяли и перестраивали, дел у отца было невпроворот, но ходил он бодрый, стал добродушнее. Прежние методы воспитания, правда, не забывал, но зато перед Новым годом купил Гошке фотоаппарат «Агат». Поскольку он, Гошка, ухитрился закончить вторую четверть лишь с одной тройкой.

Впрочем, это было высшее достижение пятиклассника Петрова за весь год. Вообще-то он учился теперь очень средне. Отец за тройки не ругал, только пренебрежительно морщился. За двойки пару раз отлупил. Но теперь делал он это совсем буднично, словно выполнял еще одну общественную нагрузку. Скучным голосом спрашивал: «Ты когда поумнеешь-то?» Гошка сопел, вытирая мокрые глаза. И Виктору Романовичу, наверно, казалось, что к очередной «педагогической акции» Гошка относится, как и он, — будто к неприятной, но неизбежной нагрузке. И пе

знал он, что холодный ступок унижительного страха и горечи за свою покорность по-прежнему сидит в Гошке: не дает ничему радоваться без оглядки. И учиться по-человечески не дает, улыбаться честно... Одно облегчение бывает — когда увидишь эту покорность у других. Но оно ведь не надолго...

Мать, конечно, этого тоже не знала. С отцом они жили душа в душу, квартира была прекрасная, инженер Пестухов не сумел обойти инженера Петрова по служебной лестнице, а гараж для «жигулей» удалось поставить совсем рядом с домом. На фоне этих удач неприятные эпизоды с Гориком казались не столь уж серьезными. Ну, тройки, ну, жалуются иногда в школе. С кем из мальчишек такого не бывает? К тому же дома Горик был послушен, только не мог стучиться ходить по квартире без обуви...

Мать покупала Горика модные свитеры и штаны с этикетками, доставала у знакомой работницы книготорга самые редкие книги (которые Гошка теперь почти не смотрел) и говорила: «Горик, надень тапочки, ты простудился»...

В июне мать увезла Гошку отдыхать в Гагры. Отец был по уши занят на заводе, а Горик и Алина Михаевна провели у моря пол-года. Возвращаться Гошка не хотел, но что поделаешь... Зато, когда он вернулся, в жизни его появилась «таверна».

Кошак

Случилось так. На второй день после приезда из Гагр Гошка с матерью ходил по магазинам, потом она пошла в парикмахерскую, а Горика велела отнести домой сумку с покупками. Гошка домой не спешил, разглядывал в киосках журналы и марки. У одного киоска — закрытого и стоявшего на отшибе — к нему подошли два помятых пацана со слюняво-презрительными ртами и табачным запахом, ростом не выше Гошки. Заухмылялись.

Гошка сразу увидел себя как бы их глазами: этаким воспитанным мальчик, который только что шел с мамой, в новой рубашечке «сафари», в заграничных штанишках — белых спереди и зеленых сзади, с локонами, наивно-улыбчивый и робкий.

Один сказал сквозь зубы старую, как галактика, фразу:

— Десять копеек есть?

— А... зачем? — спросил робкий мальчик Горик, старательно лупая глазами.

Второй пацан гоготнул (хотел басом, но сорвался на сипенье):

— Мы это... из общества охраны животных... На сосиски бродячим кошкам собираем.

Смотри-ка! С потугами на остроумие.

— Нет, ребята, — сказал Горик. — Извините, но у меня только рубль.

Они заржали оба.

— Годится и рубль!

— Правда, годится? — наивно спросил Горик. — Я не знал...

«Любитель животных» насупил:

— Ты ваньку не валяй, если хочешь остаться красивым.

— Да нет, я же ничего... — Горик поставил сумку и зашарил в кармане. — Я пожалуйста... Вас такой устроит? — он протянул на ладони металлический

рубль и уронил его мальчишкам под ноги. «Любитель животных» быстро нагнулся. Тут Гошка вделал ему коленом по зубам. Так, что сам охнул — ссадил кожу.

Мальчишка взвизгнул, замычал и завалился набок. А второму Гошка просто-напросто съездил по уху. Тот присел. Потом оба Гошкиных врага, пригибаясь, побежали. То, что случилось, было выше их понимания.

— Стоп! — Это сказал кто-то громко и весело. Рядом оказались двое. Взрослые парни. Один — с желтой кожей, похожий на японца, другой — русский курчавый здоровяк в тесной тенниске и тугих до потрескивания джинсах. Гошка безошибочно почувал, что двое шпанят и эти парни — одна компания. И понял: не убежать. С тяжелой-то сумкой да с разбитым коленом...

«Японец» был равнодушно спокоен, здоровяк улыбался, но голубые глаза его не улыбались. Но и злыми не были. Гошке он сказал добродушно:

— Не робей, камрад... — А тем двоим, что замерли в пятнадцать шагах, скомандовал: — А ну, назад, ханурики...

Беглецы побрели обратно. Покорно так, с опущенными головами. «Любитель животных» зажимал пальцами разбитый рот.

Эта чужая покорность опять доставила Гошке удовольствие, хотя сам он был, можно сказать, в плену.

— Что, Копчик, схлопотал от мальчика? — сказал здоровяк. — Сколько я вас учил: не ловитесь на обманчивую внешность...

Гошку осенило. Иногда, в решительные моменты, на него снисходило этакое вдохновение. Он поднял рубль и вложил в ладонь приятелю Копчика. Потом спокойно сказал здоровяку:

— Они сами виноваты. Попросили бы по-человечески, мне не жалко... — Вынул отглаженный платок, протянул Копчику: — Возьми, а то майку закапаешь...

Копчик — смуглый, костлявый, злой — не оценил Гошкиного жеста. Платок отшвырнул, процедил сквозь перемазанные кровью пальцы... Впрочем, что процедил, повторять не стоит. «Японец» беззвучно засмеялся, показав очень крупные зубы. Здоровяк посмотрел на Копчика с жалостью, а у Гошки спросил:

— Ты, видать, не из здешних мест?

— Почему? — Гошка постарался улыбнуться ясно и безбоязненно. — Я вон там живу, на Тургеневской... Это я с мамашей на югах был, загорел не по-здешнему.

— Я тебя, сволочь, разукрашу совсем не по-здешнему, — плюясь пообещал Копчик. — Попомнишь, фраер...

— Слова-то какие... — сказал здоровяк. — Ты его, Копчик, не разукрасишь. Ты с ним, хороший мой, помирись. Потому что сейчас мальчик пойдет с нами. Надо ему ногу промыть, а то зараза всякая... Ты, Копчик, зубы-то небось от рожденья не чистил.

Все посмотрели на Гошкино колено, перемазанное своей и чужой кровью. Молчаливый «японец» заговорил:

— Боба, куда? В «таверну», что ли? А конспирация?

— Не бойсь. Я человека вижу с первого раза...

К городскому парку примыкал Больничный сад. Никакой больницы там уже не было, ее давно перенесли, а старый дом разломали. И флигель в углу сада разломали, но не совсем. Остались две стены с пустыми проемами. Внутри развалин все заросло, но у одной стены сохранился крытый наклонный вход в подвал. В подвале и была «таверна» — приют для компании Бобы Шкипа (так звали здоровяка). Что за компания, какие там интересы и дела, Гошка понял сразу. Но ничуть не смутился. Он давно уже сознавал, что жизнь устроена не так, как в стихах «Что такое хорошо, а что такое плохо».

Боба Шкип был полный командир в «таверне». Все ему подчинялись без всяких возражений. Но эта подчиненность никого не унижала и не тяготила; не нравился — мотай из «таверны» (только держи язык за зубами, а то...). Но никто не уходил.

Шкип был справедливый, надежный. И весь «молдняк» в парковой округе знал, что задевать пацанов, знакомых с Бобой, это все равно, что колупать мину...

Шкип был добрый. Он любил собак и пиратские песни. Пел эти песни Эдик Лупин, «Японец». Кличка у него была «Кама» — сокращенная от «Камикадзе». Был он молчаливый, весь в себе какой-то, иногда улыбался непонятно, иногда угрюмо глядел под ноги. Но пел всегда хорошо. Гошка не знал, сам придумывает Кама эти песни или где-то берет. По крайней мере, до встречи с Камой он их не слышал. И по-то нигде, кроме «таверны», не слышал тоже.

Кама, глядя перед собой, дергал гитарные струны и очень высоким голосом пел про груженные золотом испанские галеоны, про охотников за песчаными караванами, про летучего голландца и про эскадры, плывущие по Млечному пути. И еще вот эту:

*Мы помнить будем путь в архипелаге,
Где каждый остров был для нас загадкой.
Где воздух был от южных ветров сладкий,
А паруса — тяжелыми от влаги.*

*Мы шли меж островов таких различных —
Необитаемых и многолюдных.
То с крепостей встречали нас салютом,
То с диких мысов залпами картечи.*

*И снова, желтый глаз луны набычив,
Скрывала ночь от нас ближайший остров,
Не веря, что мы можем плыть так просто —
Не жаждая ни крови, ни добычи.*

*Мы шли меж островов и дни, и ночи,
Не ведая, чего желаем сами,
И кажется — тот путь под парусами
Не кончен до сих пор еще, не кончен...*

После песни Кама подолгу молчал, и его не трогали.

Говорили про Каму, что он «колется». То, что он иногда глотает украдкой горсти таблеток, Гошка замечал не раз. Но однажды своими глазами увидел и то, как, притулившись в уголке, Кама воткнул себе у локтевого сгиба маленький блестящий шприц. Шкип тоже это увидел и быстро заслонил Каму от остальных. И сказал вполголоса:

— Камикадзе ты и есть... Хотя бы о матери подумал.

Гошка потом хмуро сказал Шкипу:

— Зачем это он? Ты не разрешай...

— Поздно. Да и вообще... каждому свое на этом свете.

Он был философ, Боба Шкип. Иногда впадал в грустно-размягченное состояние и объяснял Гошке, Копчику и другим «мышатам», что все беды на Земле из-за разницы между словом и делом. Мол, в одной старинной книге сказано, что раньше в основе всего было положено слово. От него всякое начало. У всякой вещи, у всякого дела имелось точное название. А потом люди научились трепаться, пудрить себе и друг другу мозги, и слова уже ничего не значат. Самыми красивыми словами каждый умеет прикрывать все, что ему выгодно. Нету соответствия. Отсюда и пошел большой кавардак (Боба выражался несколько иначе).

— Вот возьмите, например, самое главное, — рассуждал Шкип. — То, что, по словам товарища Дарвина, обезьяну в люди вывело. То есть труд. Сколько про него кричат! Что, мол, все советские люди ударно трудятся на благо светлого будущего. И ведь правда трудятся... чтобы ударно зарабатывать. А если можно заработать, совсем не трудясь, — вот оно для нынешнего человека и есть светлое будущее, которое начинается сегодня...

Что-то похожее слышал Гошка и раньше, в разговорах отца с матерью. Таким, кто хотел не работать, а зарабатывать, был, например, Пестухов... А сам папочка? Он что, ради светлого будущего химичил с заграничными шмотками и вляпался на таможене? С тех пор помнит о расплате за головотяпство и сына полирует, чтобы наследничек не повторил отцовского ротозейства...

Гошка верил Бобе Шкипу, потому что ничего специально тот не доказывал, говорил спокойно: хочешь — слушай, хочешь — балдей. И еще потому, что Гошку Боба среди других «мышат» отличал и пригревал. Однажды, разомлев от безопасности и благодарности, Гошка присел к Бобе поближе, даже прислонился к плечу. И зажмурился.

— Во ластится, будто кошка, — с непонятной ревностью заметил Валька-Валет. — Сейчас замурлыкает.

— Ну и пусть, — отозвался Боба и пятерней провел по Гошкиным локонам. И Гошка, откликаясь на такое великодушие (а также назло Валету), дурашливо произнес:

— Мур-р-р...

Компания засмеялась, Курбаши снисходительно сказал:

— Кошак и есть...

Так и пошло — Кошак. Сперва в «таверне», а потом на улицу просочилось и даже в школу: «Кошак, привет!», «Кошак, тебя там Копчик из девятой школы спрашивает!», «Кошак, мопед надо? Рупь за час!» В школе, правда, прозвище не прижилось, а по подъездам гуляло. Даже мать услышала однажды. Заперживала:

— Горик, что за глупая кличка?

Он сделал невинные глаза.

— Почему глупая? Еще в садике дразнили: «Гошка-кошка», «Гошак-кошак»...

Он научился выкручиваться. Иногда хитростью брал, а иногда нахальством. Как, например, с бутылкой.

Один раз, чтобы сделать Бобе подарок, Гошка

увел из холодильника бутылку марочного портвейна. Думал — не заметят. После отцовских именин там запас еще оставался изрядный. Бутылку — с похвалами в адрес Кошака — усидели в десять минут. «Мышатам» наливали на дно стакана, по «полпальчика» — для экономии и чтобы не разбаловались, и чтобы не закосели и тем самым не выдали «таверну». У Гошки от глотка затеплело внутри, он размяк и снова чуть не мурлыкал. Но дома его обожгло ужасом. Отец, больше прежнего стекленея глазами, спросил раздельно:

— Где портвейн?

— Чего? — пискнул Гошка.

— Та-ак... Значит, дошел и до этой ступеньки?

Где бутылка?

Гошка переглатывал и пятился.

— Что ж, пошли... — сказал отец.

Тогда Гошка завопил. Громко и от ужаса искренне:

— А я брал?! Какая бутылка?! Ты видел, как я брал?! Чуть что — сразу я, да?! Ты видел?! Ты сперва докажи, а потом лупи! Ты сам говорил: не пойман — не вор!

— Когда это я говорил?

— Сколько раз говорил!

Отец неожиданно усмехнулся:

— Ну ладно... Действительно, доказательств нет.

Юридически все чисто.

— Да Мехренцевы, наверно, прихватили с со-

бой, — вмешалась мать. — У Андрея это любимая шутка — на посошок бутылку красть...

— Ладно-ладно... — сказал отец. И ушел.

Гошка оттаял от страха, а на следующий день рассказал парням, как вывернулся от папашки. Уже со смехом. Здесь, в «таверне», было хорошо, и вчерашнее казалось нестрашным.

«Таверна» — это был уют, безопасность, отгороженность от мира, где одни люди просто сволочи, а другие притворяются хорошими, а на самом деле все одинаковы. Защищенность от этих людей. И от скуки. От всего, что надоело... Но защитить Кошака от немолчаливого отца «таверна» не могла. Жить нужно было украдкой, дома про знакомства свои помалкивать. Даже курить приходилось помаленьку и потом следить, чтобы не дохнуть на отца или мать. И каждый вечер к восьми часам Гошка в «таверне», тоскливо вздыхая, натягивал куртку.

— Ты, Кошак, всегда от самого балдежа линяешь, — сказал однажды лениво-изящный Валет. — Смотри, даже мышки наши не торопятся. А ты чевой-то режим соблюдаешь, как юный пионер.

— У него папаша зверь, — участливо разъяснил Боба Шкип.

— Лупит, что ли? — небрежно поинтересовался Валет.

— А целует, что ли? — хмыкнул Гошка. Здесь он

почти не стеснялся, в «таверне» все было на открытости.

— Ай нехорошо,— сказал пэтэушник Гришка Курбатов — рыхлый, рыжий, но прозванный Курбаши за фамилию и любовь к Востоку.— Ай несправедливо. Ты, джигит, не давайся.

— Толку-то...— буркнул Гошка.

Валет покачал головой, а его очередной адъютант — мышонок Баньчик — понимающе вздохнул.

— Ай неправильно,— опять сказал Курбаши.— Ну ничего. Эти папаши скребут на свой хребет... У нас в восьмом классе был такой Серега Соломин, Дуня его звали, отец его почти что каждый день чистил для перевоспитания. Ну и довоспитывал. Заимел Дуня однажды кнопочник... Папочка за ремень, а Дуня клинок наружу — шелк. «Отойди,— говорит,— я псих. Хакари тебе сделаю, мне за это ничего не будет...» И для пущей выразительности встает в японскую фигуру, в каратэ она, кажется, «горбатый дракон» называется...

— Если кнопочник, на фи́га каратэ? — заметил Валет.

— Это ты рассуждаешь, а Дуниному папе когда было рассуждать? Он туда-сюда, поорал да отступился... Дуня сам рассказывал. Вот так, джигиты...

«Таверна» похихикала над Дуниным папой, а у Гошки заохлодело внутри. От давнего стыда за себя. От первого намека на решение.

И в самом деле — сколько можно так жить?

Два дня он ходил отключенный от всего. Думал. То ругал себя дураком, то отчаянно решался. Потом на уроке труда украл длинную косо заточенную стамеску — резец для токарного станка по дереву.

И стал жить со взведенной в себе пружины.

Недели две Гошка с замиранием ждал, когда папаша «прискребется». Матери хамил нарочно при отце, две двойки принес подряд — все сходило. Видимо, инженеру Петрову было в тот производственный период не до педагогики. Гошка наконец истомился так, что пошел на чудовищное нахальство: на глазах у отца уронил в коридоре окурочок.

— Это... что еще? — тяжело сказал отец.

— Окурочок,— тихо сказал Гошка.

— Подними...

Гошка поднял с трудом. Наклоняться мешала засунутая за ремень стамеска. Звенели в Гошке тошнотворно-слабенькие, совсем не героические струнки. Но в душе была решимость.

Он протянул окурочок на ладони.

— Это что? — опять спросил отец. Нехорошо и в упор. И чуть ли не со злорадством. Так, по крайней мере, Гошке показалось. И это папашино злорадство дало Гошке злой ответный толчок.

— Это «Родопи», с фильтром,— бесстрастно сказал он.

— Идиот! Я спрашиваю, откуда окурочок?!

В коридор испуганно выглянула мать.

— Из кармана,— сказал Гошка и переглотнул.

— Значит, и до курева докатился? Лина, посмотри... И давно начал?

— Не... То есть давно, еще в лагере, в том году, но я помаленьку...— Гошка ощутил, как глубоко-глубоко в нем шевельнулась усмешка. Отец замигал:

— Ты... что, заболел, может? Такие вещи говоришь!

— А какие?...— через силу, но ровно спросил Гошка.— Ты же сам требуешь: всегда только правду...

— Та-ак... Вот какая, значит, правда... Мало, значит, я тебя... Ладно, пошли.

— Витя... Горик...— сказала мать.

— Пошли...— помолчав, сказал Гошка. В груди разрасталась обморочная пустота.

В пасмурной комнате отец включил розовую лампу и достал из-за стола ненавистную черную трубу с крышкой. И Гошка изумился своему внезапному спокойствию. Тихо и ясно вдруг стало — как на пустой летней улице ранним-ранним утром.

— Ну? — сказал отец.

— Сейчас,— выдохнул Гошка. Медленно поднял на животе свитер. Достал стамеску. И проговорил сипло:

— Не подходи...

Отцовское лицо задвигалось, как резиновое. Пошло складками, сморщилось, перекошилось. И опять стало прежним. Только глаза остекленели сильнее. Отец неловко хохотнул:

— Ты... сдурел? Кретин...

— Не подходи...— сказал Гошка ясно и отчетливо.— Хватит! — Подумал и добавил: — Она как бритва.

— Да ты!.. Сопляк!! — Отец задергался.— Я тебя... Бандит! На отца?! Да я тебя с твоей железкой!..

— А что ты... меня? — опять осипнув, сказал Гошка.— Скрутишь, да? Ну и что? До смерти не убьешь, отвечать придется. А я тебя все равно... потом... Хоть где... Когда спать будешь... Мне все равно...

— Гад! В колонию хочешь?!

— А мне все равно,— Гошка коротко засмеялся. Потом крикнул с прорвавшейся снова чистотой в голосе: — Мне хуже, чем теперь, не будет! А ты... ты лучше не подходи! Никогда!

Он заставил себя смотреть в глаза отца. Так охотники держат взглядом наступающего зверя. И глаза Виктора Романовича нерешительно помутнели. Но ответил он пренебрежительно:

— Сосунок... Ты читал у Лондона рассказ «Убить человека»? Думаешь, это легко?

— А мне легко?! Терпеть от тебя!.. Ты... А я убивать и не буду! Я твою машину искорежу! Вот! — Радостное вдохновение осенило Гошку.— «Жигуля» твоего зас... Изрублю, издеру! Он же тебе жизни дороже! Тебя инфаркт хватит! Ну что?.. Я это сделаю! И гараж подожгу, и дом! В колонию меня?! А тебя куда?! С работы, из партии, со всех мест! За такого сына тебя самого в тюрьму! В Севастополе выкрутился, здесь не выйдет!

Отцовское лицо опять резиново съежилось.

— Ах ты... Лина! Ты послушай, что этот уголовник...

— Сам уголовник! — Гошка заплакал, но без страха, без стыда за эти слезы, а как-то весело и открыто.— Сам ты... фашист! Как ты меня... Хватит! Лучше не суйся! Понял?!

Отец качнулся вперед, но будто на колючки наткнулся.

— Ну, что?! — кипел светлыми глазами Гошка.— Боишься?! На, возьми меня! Попробуй! — Он раскинул руки. Стамеска торчала из правого кулака, будто меч гладиатора.

Отец метнулся к двери, чуть не сбил возникшую на пороге мать, завизжал в прихожей:

— Вырастили бандита!.. Я сейчас в милицию! Позвоню!

— Никуда ты не позвонишь! — орал вслед Гошка. — Самому хуже будет! Ты трус! Только на беззащитных можешь! А я больше не боюсь! Я теперь все, что хочу, буду! Курить буду! Водку пить! Воровать буду! Тебе назло! Буду!.. — Яростная радость освобождения выхлестывала из него этими криками и слезами...

Потом он отдышался, вытер мокрое лицо подолом свитера, всадил сквозь ковер стамеску в твердую паркетину и сел в отцовское кресло. Ощеренно улыбаясь, глядел в открытую дверь, мимо матери. Та все еще испуганно стояла на пороге.

— Витя... Горик, — сказала она. — Да успокойтесь же вы... Горик, надень тапочки, ты простудишь...

С этого дня началась для Гошки радостная свобода. Отец как бы исчез. Если они и встречались иногда в большой квартире, то не смотрели друг на друга. Уходил отец рано, приходил поздно. Мать была осторожно-молчаливая и смотрела вопросительно-испуганными глазами. Гошка жил, как хотел.

Впрочем, ничего страшного он не делал. Если и курил, то по-прежнему немного и не открыто. И, конечно, водку не пил и не воровал. Разве что с уроков лентяй чаще да из «таверны» приходил позже. Радость была не в том, чтобы делать что-то запретное. Она была в освобождении, в отсутствии страха. Гошка заново почувал, как это хорошо — жить. Он, как в прежние годы, накинудся на книги и даже стал уверенней учиться. То есть двоек у него сделалось даже больше, но зато не в пример больше стало и пятерок. Потому что иногда он плевал на уроки, зато часто, подавшись вдохновению, расщелкивал самые трудные задачки и запросто делал английские переводы. А устные предметы Гошка и не учил — просто все запоминал на уроках.

Успехи шестиклассника Петрова отметила на родительском собрании Классная Роза. И только седой учитель физики Федор Иванович, который с шестого класса всем говорил «вы», сказал однажды Гошке:

— Вы, Петров, бросаете мне свои знания, как кость надоедливому псу...

Гошка дерзко хмыкнул и пожал плечами.

...Потом Гошка узнал, что отец бегал в школу, жаловался на него Классной Розе. До чего, мол, дошло: руку на отца поднял! Зачем Виктор Романович сделал такую глупость? Не боялся даже вынести «сор из избы»? От великой растерянности, что ли? Или был в этом какой-то хитрый расчет?

Какой там состоялся разговор, Гошка не знал. Мог только догадываться, что Классная Роза с отцом не церемонилась: он, мол, жнет, что посеял. Школа виновата? А когда школа вмешивалась и советовала, вы что отвечали, дорогой Виктор Романович?

Впрочем, теперь Роза Анатольевна была уже не та наивная выпускница пединститута. Речи о достоинстве личности, благородстве и гуманизме произносила по-прежнему, но знала меру. И умела при случае наорать, как полагается, и выгнать за шиворот в коридор того, кто достоинство своей личности

понимал неверно. В школе ее уже ценили, считали, что есть опыт.

Видимо, этот опыт и подсказал Розе, что беседовать с Гошкой-Петенькой про его конфликт с отцом пока не следует, надо подождать, посмотреть. И болтать об этом деле в учительской тоже пока не стоит. Виктор Романович Петров — человек известный и полезный, зачем его подводить...

В состоянии «творческого подъема» прожил Гошка до конца учебного года. Потом пришло лето с «Сочами» и путешествием по Волге. А к осени Гошка ощутил, что прежней радости жизни уже нет. Ну, начало школьных дней, оно никого, конечно, не радует. Но дело не в этом. Как-то все приелось Гошке. Прежние дни чаще стали приходить на память. Воспоминания о своей слабости можно было заглушить лишь одним: доказать себе, что другие еще слабее. И Гошка доказывал. Он умел делать это хитро, без свидетелей.

Осень была серая, как все осени. А тут еще умер Кама...

Он умер в какой-то больнице, где лечат наркоманов. Говорили даже, что не просто умер, а полоснул по венам стеклом.

Компания сидела в «таверне» молчаливо и невесело. Боба Шкип, Курбаши, Валет, длинный глупый Сонечка, Змей, Копчик, его приятель Пудель и несколько «мышат». Гошка-то, конечно, давно уже не был «мышонком». Кошак он и есть Кошак...

Гитара Камы блестела на стене от яркой лампочки.

— Что, Кошачок, жалко Каму? — спросил Шкип и потянулся.

— Жалко, что петь будет некому, — вздохнул Гошка.

Шкип сказал скучным голосом:

— Как узнаю, кто еще этим делом балуется, таблетки там или анашей или прочей дрянью, убью сразу, чтоб не мучился. Под полный срок пойду, но это сделаю...

«Под срок» Шкип пошел за другое. В ноябре, перед самым уходом в армию. За дело, связанное с товарными вагонами на запасных путях. В вагонах были магнитофоны. Шкип «ходил за магами» с какими-то большими парнями, к «таверне» эта операция отношения не имела. Шкип ничего о «таверне» следователям не сказал, беда ее обошла. Но без Шкипа и без Камы стало уже не так.

Главным сделался Курбаши. Он был ничего парень, приятель Шкипа, но прежнего уюта и радости в «таверне» сохранить не умел. Вместо гитары теперь базлал и дребезжал кассетник. Несколько раз случались драки (при Шкипе это было неммыслимо). Меньше стало разговоров «про жизнь», больше и злее резались в карты. Гошка, правда, не резался, себе дороже. Однажды он продул Валету полтора червонца, быстро расплатился, но сказал:

— Все, джигиты, Кошак в такие игрушки больше не играет.

Не получалась у него и другая «игра» — та, против которой предупреждал Шкип.

Теперь-то Шкипа не было и потому длинный Сонечка и Пудель однажды при Гошке и двух «мышатах» достали таблетки и, хихикая, предложили побалдеть. Объяснили, какой прекрасной становится при этом жизнь. У Гошки на душе была пустая скукота, и он (а, черт с ними, один-то раз!) кинул

в рот пять «кружочков». А через несколько минут выскочил наружу. В темном углу, среди засохших репейников, его долго выворачивало наизнанку...

А Сонечка и Пудель правда забалдели, тепло размякли. В таком виде их и застали Курбаши и Валет. Они при онемевших от страха «мышатах» обстоятельно, в кровь, избили двух «любителей кайфа». Курбаши очень опасался, что Сонечка и Пудель, «увлекшись этим делом, провалят явку раньше, чем с помощью аллаха откинут копыта». А Валет больше всего боялся, что таблетками начнут баловаться Баньчик, Позвонок, Липа, новоявленный Пуля и другая мелкота. У него к «мышатам» был свой интерес, он хотел «чистоты кадров»...

Про Кошака никто ничего не узнал. А Копчику, у которого, кажется, тоже была «морда в пуху», Курбаши однажды пообещал:

— Ай, ножки поотрываю, Копчик-джан...

Тот заверещал:

— Ты не пугай! Я знаешь какой пуганый! — Он иногда срывался на такие истерики, что лучше плюнуть. Курбаши плюнул.

Гошка позевывая, смотрел на все это со стороны. Курбаши встретился с ним глазами.

— А ты, Кошачок... Аллах тебя знает. Все по краешку ходишь, на полуотколе. Ай, нехорошо.

— Все хорошо, — дипломатично улыбнулся Гошка. — Просто я Кошак. А кошки всегда гуляют сами по себе.

— Не Кошаки, а кошки, — подал голос уже успокоившийся Копчик. — Это мультик такой есть.

— В мультике кошка, а у Киплинга в оригинале — Кот, — разъяснил Гошка.

Копчик, не слыхавший о Киплинге и не знавший, что такое оригинал, поглядел с насмешливой уважением:

— Интельгенция...

А на интеллигентную семью Петровых незаметно снизошли мир и благоденствие. Как-то между делом Алина Михаевна сказала мужу и сыну:

— Не надоело вам сычами друг на друга глядеть?

Бодро так сказала, полусути. Отец отмахнулся с деланной сердитостью:

— У меня с третьим блоком такой провал, что я на весь белый свет так смотрю. Не сычом, а тигром лютым.

Гошка, не знающий теперь страха перед отцом, понимал, что в жизни из всего надо получать свой интерес.

— Да отстроишь ты этот блок. И опять премию получишь. Небось не малую, — сказал он небрежно.

Отец глянул искоса:

— А тебе что моя премия? На сигареты не хватает?

— Я, между прочим, давно завязал, хоть у кого спроси, — уверенно соврал Гошка. — А для нормального развития современного подростка нужен мопед. У любого пятиклассника есть, а я...

— Ну уж нет! — взвинулась мать. — Все, что угодно, а мопед — через мой труп! Я не хочу, чтобы Горик, как Сергей...

— А может быть, все-таки... — примирительно начал отец.

— Ни-ка-ких мопедов! Вы смерти моей хотите?

Гошка знал, что в некоторых случаях с матерью спорить — все равно, что головой о рельсу.

— Хоть кассетник приличный тогда... — буркнул он.

Алина Михаевна сразу успокоилась:

— Это другое дело... Горик, надень тапочки, ты простишься.

— Да в тапочках я, в тапочках, — заорал в досаде Гошка. — Не видишь, что ли!

— Ты что орешь на мать! — закричал в свою очередь отец. Но как-то не по-настоящему.

Эта размолвка не помешала дальнейшему миру. Словно все пришли к молчаливому согласию, что прошлое ворошить ни к чему, так как Горик поумнел, отец подобрел и, слава богу, все теперь хорошо. Гошка охотно принял «условия игры». Он понимал: чтобы не было лишних осложнений, Кошакон надо быть в «таверне» и на улице, можно иногда и в школе, а дома следует оставаться Гориком, хотя и ершистым (что вы хотите, переходный возраст).

Время шло. Отец строил цех, получал премии и читал про себя в областной газете. Мать занималась квартирой. Пестухов строил козни и приходил иногда в гости к Петровым. Они с отцом на кухне по-своему угощались коньячком. На Гошку Пестухов смотрел безразлично-ласково и делал вид, что случая на дороге не помнит. Закусывал и говорил:

— Вы, Алина Михаевна, не просто женщина, а научная фантастика. Вопреки неумолимому течению времени хорошеете с каждым днем... Ох, Вик-Романыч, уведу я, смотри, у тебя жену, я ведь тебя молже на целый год. И холостой-разведенный...

Мать розовела.

— Я вам, Андрей Данилович, за такие разговоры не дам больше ни капли. Вам вредно... Горик, а ты не слушай взрослые разговоры, или надень лучше тапочки...

Конечно, ничего этого Егор не рассказал Михаилу. Он только вскрикивал, не сдерживая плача и не стыдясь:

— Ты знаешь, да?! Что ты про меня знаешь?! Как он меня лупил, как я жить боялся!.. И бежать некуда!.. Из-за твоей милиции... Ты хоть знаешь, что такое беспомощность?! Когда ты как заяц загнанный... Все хорошие, все речи говорят, все воспитывают! А сами!..

Михаил знал, что такие слезы не остановить. Пусть выльются до конца. Он сидел рядом, держал руку на трясущейся спине Егора и терпеливо молчал.

Он многое понял из отчаянных выкриков Егора. И думал, что теперь, пожалуй, можно будет рассказать Егору и о своих слезах — о тех, что много лет назад рванулись однажды у него от безудержного горя и нестерпимой вины. И о том, как беззаботный мальчишка Гай превратился в неулыбчивого подростка с запекшимся рубцом на душе. Как неходящее сознание этой вины, тоска по Толику и по тому Острову детства, который он потерял, сплелись в клубок, и клубок этот не давал дышать...

Правда, тогда он не был один. Ему пытались помочь. Инженер Тасманов прислал письмо — сухое, официальное и с требованием сжечь по прочтении. В письме излагалась выдержка из протокола секретного следствия; из нее делалось ясно, что убийцы Анатолия Нечаева встретили его на вокзале не слу-

чайню, а выслеживали давно и планомерно, ибо действовали по заданию западных служб, заинтересованных в срыве испытаний нового советского аппарата. Спасибо Тасманову. Гай сжег письмо и долго жил с горьким облегчением, с тем чувством, которое испытывают маленькие дети после безутешных слез, когда будто заново смотрят на окружающий мир. И печаль Гая была уже со светлыми проблесками, когда он в разных кинотеатрах и клубах снова и снова смотрел «Корабли в Лиссе».

И лишь через год, когда он сделался взрослее и понятливее, первый раз пришло сомнение: а что, если Тасманов просто-напросто спасал его от отчаяния?

Было письмо и от Аси. Она (и как только сумела) достала заверенную справку, что в первой декаде сентября 1967 года севастопольский автовокзал не производил продажу обратных билетов для симферопольского маршрута.

Но тогда уже Гай понимал, что дело не в потерянном билете.

Нет, самой лучшей была все-таки помощь Юрки. Его совет: «Гай, дерись!»

Драться надо было со всякими гадами. С такими, какие убили Толика. И вообще со всякой нечистью. Чтобы меньше было слез на душе и чтобы жить без вечного укора. Чтобы не прятать глаза от Аси и Сережки Снежка и свободно ходить по улицам у моря, когда приезжаешь в Севастополь. Чтобы не бояться подойти к могиле, на которой красный от морской ржавчины якорь Холла и поднятый со дна моря обломок мраморной колонны — на нем выбили слова: «Инженер-конструктор Анатолий Сергеевич Нечаев. 15 мая 1937 г.—9 сентября 1967 г.»

Рассказать Егору, как он, Гай, дрался... Как шуплый интеллигентный мальчик, самый младший в оперотряде, очертя голову кидался на пьяных бандитов и его с трудом успевали выхватить из свалки и заслонить. Как вместо института пошел на завод фрезеровщиком и пробился в аэроклуб, чтобы попасть в ВДВ — десанникам в милицейское училище была самая прямая дорога. Была бы... Если бы не тот последний прыжок и полгода госпиталя...

Он все-таки дрался: с собой, со своей болью, с теми, кто говорил: «Молодой человек, ну какая милиция с вашим-то здоровьем...» Лишь в Москве сухой, изрезанный морщинами, как шрамами, генерал-майор выслушал его историю, не перебивая, и сказал вполголоса: «Ну, давай, сынок...» И подписал направление в школу милицейских сержантов...

А после школы не было уже ни опергруппы, ни патрулей, ничего похожего на бой. Был детский приемник-распределитель, и Михаил, вначале возмущившись таким назначением, не написал потом ни одного рапорта о переводе. Какой смысл было жаловаться на судьбу, когда в первый же день увидел Михаил сотню пацанов, с которыми судьба обошлась не в пример суровой и несправедливой. Издательски... Здесь тоже надо было драться... С кем? Не с этими же ребятами! Значит, с теми, кто их сделал такими? А как?..

Рассказать Егору об отчаянии? О нестерпимом чувстве вины, когда везешь одиннадцатилетнего мальчишку в спецшколу, которая — что бы там ни говорили — тюрьма для детей? О беспомощности, когда не знаешь, как им всем помочь, как защитить? О страхе, когда ловишь себя на невольном озлоблении?

Он ничего о себе рассказать не смог. Потому что Егор, успокаиваясь, снова твердел. Перестал всхлипать, стяхнул со спины ладонь Михаила, придвинулся к черному окну.

— Я же ничего такого не знал, — тихо сказал Михаил.

— Ну и ладно, — буркнул Егор.

— Не сердись...

— Да больно мне надо сердиться... Ничего мне не надо...

Они давно уже переехали Подлунную, и город был недалеко. Михаил достал записную книжку и ручку.

— Егор... Я дам тебе свой домашний адрес и телефон. Мало ли что...

— Что «мало ли что»? — не повернувшись, отозвался тот.

— Я понимаю, что такой брат, как я, в твоих глазах не подарок. Но вдруг пригожусь...

— Да не в тебе дело...

— А в ком?

Егор, не стыдясь мокрого лица, глянул прямо на Михаила.

— Ты думаешь, если я вот так раскис... если меня прорвало, значит, я сделался такой, как тебе надо?

— А мне тебя любого надо, — осторожно сказал Михаил.

— Зачем?.. Мать правильно сказала: это же случайная встреча. Нечаянно сошлись, так же и разойдемся.

— Все-таки возьми листок.

Егор пожал плечами и взял.

— А еще... — Михаил говорил с неловкостью, но упрямо. — Если я вдруг когда-нибудь позвоню, не рычи на меня, пожалуйста. И не разговаривай, как с сотрудником милиции...

И Егор вдруг улыбнулся. Чуть-чуть. Может, просто так, чтобы отвязаться. Но эта короткая улыбка оплатила Михаилу все недавние дни.

Они сошли на перрон. Опять прояснило, было холодно, среди фонарей дрожала зябкая, но яркая звезда. Егор нетерпеливо затоптался. Но Михаил удержал его:

— А насчет случайностей нашей встречи ты неправ. Наоборот, удивительно, что не встретились раньше... Когда берут ребят на студию, записывают данные родителей, и странно, что Ревский не обратил внимания на имя: Алина Михаевна...

— Он ничего не записывал, у него помощница была.

— И еще... Ты уж не сердись, но я не раз воршил в приемнике дела прошлых лет и тоже мог наткнуться на твои анкетные данные...

Егор напрягся, и Михаил торопливо сказал:

— Но главное даже не в этом.

— В чем еще?

— Видишь ли... Ты не подумай, что я в приметы верю или что-то подобное. Просто есть какая-то закономерность. Я до конца не разобрался, но есть...

Егор нетерпеливо молчал.

— Я говорю о Крузенштерне, — с некоторым смущением сказал Михаил. — Будто он до сих пор... ну, что-то решает в нашей жизни, как-то сводит всех нас... Ведь ты из-за встречи с писателем задержался

в школе, и поэтому мы встретились у директора. А писатель-то рассказывал о Крузенштерне...

— Он мог рассказывать о чем угодно, — насупленно отозвался Егор.

— Да, пожалуй... Ты сейчас домой?

— Куда же еще...

— А я в кассу за обратным билетом. Пошли.

Они двинулись внутрь вокзала.

— Я все-таки позвоню тебе, когда приеду снова, — с мягким нажимом сказал Михаил. — Надо о многом поговорить. Не бойся, не с воспитательной целью... И хорошо бы посмотреть один фильм...

— Терпеть не могу кино, — сказал Егор.

— Я не про всякое кино... Ладно, пока...

Михаил протянул руку, и Егор вяло дал свою. По ее движению Михаил с досадой ощутил, как Егору хочется скорее уйти.

Михаил не знал, что нетерпеливость Егора вызвана самой прозаической причиной. Какие олухи придумали поезд, который идет почти пять часов, а вагоны без туалетов?

И все же Егор на секунду оглянулся. Потом словно испугался этого и затерялся в толпе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ЧИТАЙТЕ
в № 3 1989 г.

Владимир СОРОКОЛЕТОВ

СИНИЦА

Вот и опять пришла зима,
Пока без холода и злобы.
Увязли клены и дома,
Шагнув из осени в сугробы.
А снег на солнце так слепит,
Что больно взгляду без привычки,
На подоконник мой летит
Уже знакомая синичка.
Зерна насыплю за окном —
Сиди, никто тебя не тронет.
И у соседей на балконе
Кормушки с салом и пшеном.
А про запас на холода
Пучками светится калина.
Ты прилетай хоть иногда —
Зима покажется не длинной.
А будет худо — постучи.
Тебя укрою от метели.
Остыли реки и ручьи —
Сердца людские потеплели!

Принеси мне весну, принеси.
Я хочу, дорогая подруга,
Чтоб сияла певучая синь
Над еще нераспаханным лугом.

Как я жил без тебя, расспроси,
Пожури, для острстки немножко,
А потом мне весну принеси
В своих розовых детских ладошках.

Николай КРИВОНОГОВ

ОТЕЦ

В сердце пуля жила.
Взбунтовалась.
Батю — в госпиталь,
Полный покой.
Раны горя уже рубцевались,
Снова ждали его мы домой.
В горький час о безвыходном главном
Он шутил и шутил без конца,
Черной птицей, надвинувшись плавно,
Тень легла на улыбку отца...
Я шагал, на лице ощущая
Доброту холодёющих рук.
Я мучительней ноши не знаю:
Нет для сына страшней этих мук.
Память жгло мне колючей солью,
Но крепился —
Отцовский наказ...
Я в тот день,
Переполненный болью,
Плакал в жизни
Последний раз.

Книга Минцлова — земского начальника

Однажды, оказавшись по командировочным делам в Москве, я заглянул в магазинчик «Книжная находка» около памятника первопечатнику Ивану Федорову. Заглянул, признаться, больше по привычке и уже намеревался покинуть лавку, как неожиданно взгляд упал на тошенькую брошюрку. Что привлекло в ней? Во-первых, несуразно высокая цена, а во-вторых, сочинителем был человек, к имени которого я всегда испытывал особый пиетет. Словом, брошюрка в простом картонажном переплете переехала в Воронеж...

А теперь немного об авторе.

Сергей Рудольфович Минцлов прожил, похоже, несколько жизней, хотя его земной срок был не очень велик: родился в 1870 году, а умер в 1933-м. Просто он умел и любил работать, презирал праздность да еще питал слабость к древностям и путешествиям. Он переменил множество профессий, в некоторых изрядно преуспел, особенно в библиографии и литературе. Россию исколесил вдоль и поперек, и куда бы ни заносила его судьба, везде отыскивал и описывал реликвии истории. При этом постоянно вел дневник, который позднее публиковал отдельными книгами.

Сначала к С. Р. Минцлову пришла слава удачливого собирателя. Его библиотека содержала богатейшие материалы из прошлого России, массу изданий мемуарного характера, коллекцию книг, запрещенных и уничтоженных царской цензурой. Кроме того, он составил и выпустил библиографические указатели, к которым и по сей час обращаются специалисты: «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке» (СПб., 1904) и «Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова» (СПб., 1905). Эти каталоги — не только зеркало минцловского собрания, но и свидетельство общественного темперамента его хозяина.

Как библиофил и библиограф Сергей Рудольфович, можно сказать, заменял собой целый коллектив. Это стало очевидно, когда вышел его

«Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем...» (Новгород, 1911—1912) в пяти выпусках. Теперь минцловский труд значительно перекрыт новейшими изданиями, но ведь много десятилетий он верой и правдой служил поклонникам отечественной старины.

В 20—30-е годы С. Р. Минцлов становится известен как автор исторических романов, повестей, рассказов. Он и раньше пробовал себя в литературе, брался за стихи, комедии, фельетоны. По-настоящему его беллетристическое дарование развернулось на Западе, где он оказался в силу сложных житейских обстоятельств. В Париже, Берлине, Риге (здесь он провел последние годы и скончался) появились его основные произведения.

Во многих книгах он обращается к библиофильской теме, и это заставило меня попытаться их разыскать. С помощью рижского писателя С. Л. Рубинчика я стал обладателем солидной коллекции томиков в мягких обложках. Один из них особенно интересен. Он называется «Дебри жизни» и выпущен в Берлине Сибирским издательством в начале 1920-х годов. Это — фрагмент давних дневниковых заметок автора. Вначале идет речь о пребывании в Уфимской губернии, где в 1910—1911 годы С. Р. Минцлов исполнял должность земского начальника. Его «резиденцией» было крупное село Богоявленское (Богоявленск), откуда он часто выезжал в окрестные волости по служебным обязанностям. Как человек чрезвычайно любознательный С. Р. Минцлов использовал любую возможность для ознакомления с местными историческими, этнографическими и природными достопримечательностями. Его «археологические» (как он сам выражался) статьи публиковались в газетах «Уфимский край» и «Вестник Уфы». В них описывались нравы и быт коренного башкирского населения, найденные в горнозаводских архивах манускрипты, сохраненные в устно-поэтических преданиях сведения о Пугачеве и пугачевцах. Сергею Ру-

дольфовичу очень нравилось обследовать в округе пещеры, многие из которых имели следы пребывания там в прошлом людей.

«Дебри жизни» — содержательный источник разнообразных краеведческих познаний.

В адрес-календаре Уфимской губернии на 1910 год С. Р. Минцлов поместил полные новизны «Очерки Приуралья». И вот теперь выясняется, что они тогда же вышли отдельным оттиском в количестве 30 экземпляров не для продажи. В подзаголовке стоит: «Восточная часть Стерлитамакского уезда». Купленная мною у московских букинистов брошюра как раз и была минцловскими «Очерками Приуралья». Мизерный тираж обозначен на обложке, где сообщаются также другие выходные данные: «Уфа, электрическая губернская типография, 1910». В книжечке 26 страниц текста, набранного довольно крупным шрифтом.

«Очерки Приуралья» — не безлично сухой, академический трактат. В них постоянно чувствуется неподселимая и азартная натура автора. Наряду со строго научными фактами автор передает услышанные от «аборигенов» легенды и поверья — о страшном змее, охраняющем зарытые в чаще сокровища, о заговоренных кладах, о бычине, который сторожит древний курган.

Все занимает пытливого земского начальника — и особенности говора в Богоявленском (приводятся образцы диалектизмов), и ребро мамонта, обнаруженное на речной отмели, и башкирские могильники, и карстовые озера с изменяющимся уровнем воды, и остатки процветавшего некогда Вознесенского монастыря. Поразительно, как преуспел в своей разыскательской деятельности впервые попавший в края рифейские С. Р. Минцлов! Увлеченность соседки соединялась в нем с добросовестностью ученого. В мрачные времена, наступившие после поражения революции 1905—1907 годов, когда провинциальная интеллигенция погрязла в пошлости, суете, мелких интригах, роль энтузиастов-просветите-

лей типа С. Р. Минцлова была значительна.

...А сейчас снова раскроем переплет приобретенной в столице брошюры. На внутренней стороне верхней крышки отгиснут овальный штемпель-экслибрис: «Книгохранилище С. Р. Минцлова. Шкаф... Полка... № ...» Экземпляр самого автора? Безусловно. И поправка от руки на 23-й странице, возможно, сделана им.

Участь знаменитой минцловской библиотеки печальна. Эмигрантское житье было не сладким, и Сергей Рудольфович вынужден был скрепя сердце потихоньку распродавать свое собрание. Но, конечно, самые заветные книги сопровождали его до смертного часа. О поисках последней библиотеки С. Р. Минцлова занимательно рассказано Станиславом Рубинчиком в повести «Рукопись, найденная в саквояже» (Рига, 1978). Детективный сюжет повести совсем не противоречит ее документальной основе.

Один из героев С. Рубинчика свидетельствует: экземпляры из хранилища С. Р. Минцлова периодически появляются на книжном рынке. Действительно появляются — до сих пор. Кто-то привозит их из Риги в Москву, а уж оттуда они растекаются по весям и градам.

И где бы ни очутились раритеты с экслибрисом С. Р. Минцлова, они согревают душу владельцев-библиофилов, заставляют вспомнить о замечательном собирателе, библиографе, мемуаристе, писателе.

Марк МИНСКИЙ

конверт — рекордсмен

В детстве я, как и большинство ребят, коллекционировал почтовые марки. Вырастая из детства, с марками расстаются, а ко мне, напротив, пришло осознание марки как почтового свидетельства времени, документа эпохи. Пробудился интерес к филателии: знакам почтовой оплаты, штемпелям гашения, почтовым тарифам и географии почтовых дорог — ко всему, что имеет отношение к истории почты...

Однажды попал мне в руки старый конверт заказного письма, оклеенный марками на фантастическую сумму — два миллиона рублей! 20 марок стоимостью 100000 рублей каждая. И я впервые задался целью этот конверт «прочитать».

Прежде всего озадачила надпечатка — «100000 руб.» на марке, выпущенной в начале ноября 1922 года. Дело в том, что в это время завершился переход на новые дензнаки. 10 000 бумажных рублей всех прежних выпусков заменил 1 рубль образца 1922 года. Прием прежних денежных знаков разрешался до 1 октября 1922 года. С этого же времени вводились соответствующие новым денежным единицам девятые советские почтовые тарифы. Все прежние марки, номиналы которых выражены в устаревших масштабах цен, как и бумажные деньги прежних выпусков, были из обращения изъяты. В этот трудный для советской почты месяц для оплаты любых отправок использовались только стандартные марки дореволюционной России. От 1 до 14 копеек — как рублевые, а в 1, 5, 7 и 10 рублей — по номиналу. И вдруг на конверте появляется марка с надпечаткой «100.000». Как же такое могло произойти?

С 15 апреля 1922 года, согласно 8-м почтовым тарифам, пересылка закрытого иногородного письма весом не более 15 граммов стоила 50000 рублей. За заказ взимался дополнительный сбор — 100000 рублей. 30 апреля тарифы изменились. Оплата пересылки закрытого письма повышалась до 200000 рублей, с прежним дополнительным сбором за заказ. Франкировка закрытых междугородных и международных писем нуждалась в марках предельно высокого номинала.

В то время из-за быстрой смены тарифов много знаков почтовой оплаты оказывались неиспользованными. На них наносились надпечатки новой стоимости. Скорее всего в эти горячие дни второй половины апреля на марке в 250 рублей выпуска конца августа 1921 года сделали надпечатку «100.000 руб.». Но появление марки — такое часто в те годы случалось — очень запоздало. Однако и в ноябре нужда в марках, оплачивающих самый массовый вид почтовой корреспонденции, не миновала. А 100000 рублей в пересчете на дензнаки 1922 года как раз соответствовали 10 рублям стоимости иногородного письма. И в оплате дополнительного сбора за заказ (15 рублей) марка с надпечаткой тоже оказывалась «при деле».

Вот почему в нарушение постановления правительства марку все же выпустили.

С 1 января 1923 года в стране был осуществлен переход на новый масштаб цен. 100 рублей дензнаков 1922 года равнялись теперь 1 рублю 1923 года. Таким образом «номинальный престиж» марки вовсе упал до 10 копеек.

Однако впереди марку ожидал новый почтовый тариф, когда стоимость пересылки аналогичного отправления вновь повысилась. И кто-то из коллекционеров обладает конвертом-рекордсменом, прошедшем почту после 10 марта 1923 года. Франкированный 30 марками с надпечаткой «100.000 руб.», он еще раз подтвердит правильность нашего «прочтения» марки.

ЖУРНАЛ ИЗМЕНЯЕТ СЕБЕ?

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

Не всякое письмо в редакцию, честно говоря, хочется цитировать. Ну, например, вот такие строки М. Е. Сорокина из г. Кемерово: «Краеведение постепенно исчезает со страниц «Уральского следопыта». Журнал изменяет сам себе. Я придирчивый читатель. Много лет занимаюсь историей Сибири, Кузбасса. Словом, знаю, о чем говорю. Вам необходимо собирать вокруг себя силы, заботливо с ними работать. Только так будут в «Уральском следопыте» удачи и находки. Не обижайтесь на правду и резкость. Сейчас время правды».

И в этом мнении М. Е. Сорокин не одинок. Тем же обеспокоен Ринат Самарбаев, студент литфака МГПИ, диспетчер Магнитогорского металлургического комбината. «В последнее время,— пишет он,— краеведение сдает свои позиции. А тираж журнала довольно высок, на мой взгляд, благодаря публикациям не только фантастики, но и материалов по краеведению».

Такие письма точно отражают наши новые редакционные проблемы. Прошлое с его еще вчера запретными темами, «белыми пятнами» решительно вторглось в нашу сегодняшнюю явь. С переосмысления прошлого торжество правды, собственно, и началось. В том числе с краеведения — первичного и самого непосредственного выражения гражданственности. За несколько лет объем почты отдела практически удвоился. И мы сразу же почувствовали, что наша трибуна мала. Ведь в стране, по сути дела, нет больше ни одного краеведческого журнала, а в прочих оно — на положении пасынка. У нас же в «Следопыте» краеведению приходится делить печатную площадь с научной фантастикой, обласканной вниманием издательств ничуть не больше, прозой и публицистикой, молодежной проблематикой, о которой тоже не к лицу отворачиваться юношескому журналу.

Да что там говорить: журнальная площадь в видах гласности и широкого обсуждения социальных проблем в стране катастрофически мала. Она неоправданно строго лимитирует общественное мнение.

И тем не менее каждая новая рукопись, незнакомое имя нас радует. Это значит — еще один читатель журнала стал его автором, стал краеведом. Подавляющее большинство адресатов, как бы ни были они строги к журналу, одновременно предлагают тему, результаты своих краеведческих разысканий. Или близки к этому, ибо одушевлены страстью к путешествиям, к познанию.

«Урал для меня еще «белое пятно» в моих отпускных странствиях по стране,— пишет М. Н. Солomatина из Петропавловска-Камчатского.— И читая ваш журнал, я познаю Урал, а познавая, еще более влюбляюсь в него и в его людей. И не дает мне покоя мечта увидеть его собственными глазами».

Побуждать читателя к краеведческому поиску, будоражить в нем историческую мысль и память — это главная наша задача.

Что же предлагают нам читатели.

Один из самых деятельных корреспондентов журнала москвич Н. П. Степанов пишет в поддержку рубрики «Память»: «Наверно, многим было бы интересно узнать, что под Тагилом имеются два поселка Висим. Один стоит на реке Межевой Утке (Висимо-Уткинск), другой на реке Шайтанке (Висимо-Шайтанск). Второй — это родина Д. Н. Мамина-Сибиряка».

Интересно географическое расположение Висимо-Уткинска — река делит его на две части. И по ней якобы проходит граница между частями света. Когда мы с братом короткое время жили у бабушки с дедушкой в Висимо-Уткинске, то ходили в школу за реку. То есть жили в Азии, а учиться ходили в Европу.

Там, где родился Мамин-Сибиряк, теперь находится дом-музей его имени. Хорошо бы написать обо всем этом, показать, как земляки берегут память о писателе, может быть, помочь местным товарищам».

Это предложение отвечает нашему замыслу — взять своеобразное шефство над памятниками горнозаводского Урала, ознаменовав этим грядущую дату — 300-летие возник-

новения горнозаводской промышленности на Урале.

«В каждом номере ищу хоть что-то об Ильменах, заповеднике, городе Мнассе,— пишет в редакцию из далекого Певека О. Поединщикова.— Вы знаете, что этот город самый прекрасный на всей нашей земле! Хотелось, чтобы в журнале больше печаталось материала об истории освоения Урала, о его городах — это же бездонная кладовая тем!».

О. Поединщикова вторит еще один наш земляк, ныне живущий в г. Уэлене Магаданской области, Л. А. Рокутов. Он просит написать о прошлом города Сим и сам при этом много о нем рассказывает. «На берегу реки Сим есть пещера, в которой скрывался красный партизан Гузаков... Моя мать, еще девочкой, помогала партизанам, была связной, видела расстрел партизан белогвардейцами».

Обилие писем с подобными просьбами привело нас к потребности открыть новую рубрику «Малые города России». Ждем от читателей не только тем, но и взволнованных рассказов о прошлом дорогих им городов и местечек.

Учитель из Каменска-Уральского А. А. Лагунов сообщил в своем письме о конференции «Урал и уральцы в годы Великой Отечественной войны», докладчиками на которой были исключительно школьники. Думается, это один из примеров воспитания активного патриотизма.

А вообще-то действенная память, память как деяние — в нашей почте не такая уж частая гостья. Учитель истории из села Кировское Алапаевского района И. П. Жижелев прислал газетную заметку и фотографию памятника двенадцати красногвардейцам, расстрелянным здесь во время гражданской войны. Немало пришлось потрудиться школьникам и самому Ивану Павловичу, чтобы возник на пустыре памятник и имена на нем.

Красноречивых свидетельств активной памяти хотелось бы видеть больше.

ОТДЕЛ КРАЕВЕДЕНИЯ

О фабрике Турчанинова и Даниле-мастере

Уважаемый тов. Слуккин! В «Уральском следопыте» № 3 за 1988 год в очерке «Тайны уральских подземелий» Вы пишете: «Существовал в то время строгий запрет на самочинную разработку и выплавку драгоценных металлов. На поиски и обработку драгоценных камней такого запрета не было». Посмотрим некоторые материалы.

Как сказано в книге «Завод «Уральские самоцветы» (Свердловск, 1976), в начале 60-х годов XVIII века добыча и обработка драгоценного и цветного камня в стране сосредоточилась в руках И. И. Бецкого — президента Академии художеств. В марте 1765 года Бецкий предложил императрице послать на Урал «надежную персону с командой для разведывания и сыска цветных камней». На Урал отправилась экспедиция во главе с генерал-майором Данненбергом. Отныне вся добыча и обработка камня на Урале переходили в руки нового хозяина — экспедиции, которая подчинялась «комиссии». Командир экспедиции затребовал ведомости о местах добычи и обработки камня, сведения о количестве работающих. Для работы на Екатеринбургской гранитной фабрике и в поисковых партиях людей собирали с многих уральских заводов, в том числе турчаниновских. Как явствует из книги В. Б. Семенова «Малахит» (Свердловск, 1987), сенат в августе того же года рассмотрел вопрос об обмене оказавшихся во власти Турчанинова камнерезов на простых рабочих. Мог ли А. Ф. Турчанинов в таких условиях без всяких стеснений развивать камнерезное и гранитное дело? Он рисковал попасть в немилость не только командира экспедиции, но и самой императрицы.

По материалам, собранным сыскскими краеведами Колеговым, Хариным и другими, Турчанинов в конце жизни стал жертвой тайного сыска. Хотя он и сумел выбраться из стен тайной канцелярии (помогли миллионы), но здоровье там оставил. Что привело его в тайную канцелярию? Предполагают, что именно чрезмерное увлечение драгоценными камнями. И вполне возможно, что на турчаниновской ювелирно-гранитной фабрике трудился многие безвестные мастера,

а пищу и материалы носили им от конторы тайным ходом.

Не там ли несколько лет «пропадал» бажовский Данила-мастер? Катя ждала его и говорила, что ушел на Кольванские заводы мастерству учиться. Но камнерезная фабрика там открылась только в 1786 году, а действие сказов происходит примерно в 1765—1776 годах.

Владислав НЕПОМНЯЩИЙ,
краевед

Еще о бортжурнале АНТ-25

Бортжурнал легендарного транс-антарктического перелета В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова обнаружил в архиве институтской библиотеки ветеран планерного спорта, доцент Каунасского политехнического института К. Остапевичус. В инвентарной книге бортжурнал значился под № 289437 от 4.9.1941 года. Визуально цвет черков записей в нем напоминает обыкновенные чернила, слегка тронутые временем, и даже жаль расставаться с этим ощущением, хотя химический анализ показал, что это — типографская краска. Находка в институтской библиотеке — копия.

Как рассказывали работники библиотеки, во время немецкой оккупации при уничтожении советских учреждений копия была передана комендантом города Каунасскому университету (ныне КИИ), где и находилась до наших дней. Но возникают вопросы: для каких целей она изготовлена? Где и когда? Существует ли подлинник? Как оказалась в Литве?

Недавно я получил письмо из Центрального государственного архива Московской области, где каунасская находка вызвала большой интерес. В нем сообщается, что подлинник бортжурнала АНТ-25 и другие материалы из личного фонда Героя Советского Союза А. В. Белякова находятся на государственном хранении в этом архиве.

Из сообщения В. Пашина («Уральский следопыт» № 6, 1987) узнаем, что в 1939 году, когда готовилась международная выставка в Париже, издательство «Искусство» небольшим тиражом выпустило воспроизведенный литографическим способом бортжурнал АНТ-25. Почти весь тираж был отправлен в Париж, его быстро распродали, а повторить издание для советских читателей помешала война.

Следовательно, копия, найден-

ная в Каунасе, одна из тех, что проданы во Франции. Но кто ее привез в Литву? Это пока остается загадкой.

А пока находка передана на хранение отделу истории техники Государственного исторического музея и в будущем станет ценным экспонатом музея, истории техники.

Вячеслав ПРЫТКОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Кто он, автор рассказа «Салават»?

Как-то свердловский писатель-краевед Анатолий Пудваль (ныне, к сожалению, покойный), зная, что я занимаюсь Салаватом Юлаевым, спросил, известен ли мне башкирский мальчик — автор рассказа о национальном герое башкирского народа в книге пионеров и школьников «Урал — земля золотая»?

Мне удалось кое-что узнать.

Организатором и редактором книги был уральский писатель, уроженец Башкирии Анатолий Матвеевич Климов, решивший в творческом содружестве с детьми Урала создать коллективный рассказ об огромном крае.

В оглавлении — 142 фамилии. Одним из авторов был башкирский мальчик Шамиль Камалов.

Вот как вспоминает о нем А. М. Климов:

«Однажды я получил из далекого Варненского района Челябинской области (что расположен на границе с Казахстаном) пакет с рассказом о Салавате Юлаеве. Автором рассказа был тринадцатилетний башкир Шамиль Камалов.

Рассказ ничего нового не дополнил к уже известным в литературе материалам о башкирском народном герое. Я попросил мальчика доработать рассказ, поговорить со стариками, которые, конечно, хранят у себя в памяти легенды и песни о батыре Салавате.

Два месяца молчал Шамиль, словно в воду канул. Оказывается, получив письмо, Шамиль отправился пешком в путешествие по юлаевским местам.

«Я иду уже второй месяц, — писал он мне из маленького башкирского аула, — сносил пару ботинок, загорел и хорошо отдохнул. Много интересного рассказали мне

старика. Вы не беспокойтесь, дома я отпросился».

Все лето ходил Шамиль по Башкирии, многому научился, многое узнал. Осенью он написал рассказ».

Конечно, несколько наивный, овеянный романтикой, рассказ Ш. Камалова не может идти в сравнение с произведениями профессиональных писателей, но он подкупает своей искренностью и непосредственностью. Я опубликовал рассказ в журнале «Пионер Башкирии». Стали приходить письма читателей. Они спрашивали о юном авторе, его дальнейшей жизни. Я предпринимал попытки узнать что-либо о Шамиле, но результаты пока не утешительные. Челябинские краеведы не смогли мне помочь. Обращался в редакцию газеты Варненского района — ответа нет. Написал и Аркадию Федоровичу Коровину — уральскому краеведу, заслуженному работнику культуры РСФСР. Воспоминания его заинтересовали меня. В частности он писал:

«Давно это было, вероятно, в августе 1939 года. Собрали нас в палаточном лагере на берегу Тургояка. Всех, кто прислал стихи и рассказы для будущей книги «Урал — земля золотая». В палатке, что была рядом с нашей, поселились два паренька: Паша Котельников с какой-то железнодорожной станции между Челябинском и Уфой и паренек-башкир, писавший поэму о Салавате. Ростом средний для 15-летнего парня, но очень плотно сбит, плечист, голубые глаза с вопросительным и изумленным взглядом. Помню, я позавидовал мальчику-башкиру, что он написал хорошие стихи о Салавате. Но были эти Шамиль Камалов — точно сказать не могу».

А что могло быть с Шамилем потом? Рукопись книги была подготовлена перед войной. Многие авторы стали солдатами и не все вернулись домой. А. Р. Пудваль писал: «Я уверен, что придет то время, когда я узнаю все, что только возможно о каждом из 142. Убежден, что тогда будет новое открытие «Земли золотой». И новый о том рассказ».

К сожалению, замысел Анатолия Руфимовича остался не осуществленным. И если Пудваль ставил задачу отыскать следы всех 142 авторов, то я хотел бы найти лишь одного — юного романтика из башкирского аула Шамиля Камалова. Очень надеюсь, что читатели «Уральского следопыта» помогут мне в этом.

Виктор СИДОРОВ, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР.

Хлеб, оплаченный кровью

Шел тяжелый 1918 год. В мае ВЦИК принял декреты, которыми установил в стране продовольственную диктатуру. На борьбу за хлеб партия подняла рабочий класс. Десятки тысяч передовых рабочих были организованы в продовольственные отряды и направлены в деревню.

Прибыл продотряд и в село Вавож Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне Вавожский район Удмуртской АССР).

Он был размещен на краю села, в двухэтажном деревянном доме (сейчас ул. Советская, 17). Дом этот был еще не достроен. Пахло свежей стружкой. На полу лежали груды мха и пакли. Продотрядовцы расположились на первом этаже, в правой части дома прямо на полу. С левой стороны дома в небольшой комнате размещалась семья хозяина Ивана Туранова.

С прибытием продотрядовцев хлопот у его жены Анны Феоктистовны добавилось. Приходилось дополнительно готовить еду, печь хлеб, по субботам топить баню, стирать белье.

Не легко доставался хлеб...

Одним из продотрядовцев (по словам местной жительницы И. Ф. Булатовой, его фамилия Голышев) был убит и зверски истерзан у кылтовского моста в пятидесяти километрах от села. Его похоронили в центре села, на бывшей церковной площади. Была наскоро построена небольшая дощатая трибуна. Состоялся митинг...

Хочется надеяться, что нам удастся больше узнать о вавожском продотряде и его участниках.

Вера СИБИРЕВА

Легенда Ружевского

В шестидесятых годах в Слободской библиотеке им. А. С. Грина собирался литературный кружок. В один из вечеров в гостем библиотеки был Сергей Леонидович Ружевский, служивший инспектором районного отдела народного образования. Во время командировок в села и деревни он записывал народные предания, легенды, песни, особенно удмуртские.

В тот вечер он прочитал нам легенду, записанную им в удмуртской деревне.

Это было давно. Старики рассказывали, как собирали в далекое путешествие одного мужичка, ко-

торый решил присоединиться к группе таких же, как он, холостяков с авантюрной жилкой. Были тут удмурты из Глазовского, Слободского и других уездов. А решили они пойти за Уральские горы — посмотреть на Золотую бабу.

Паломника собирала вся деревня: по копейке, по пятаку набралась необходимая сумма денег. Сплели несколько пар лаптей. Запася мужичок и кое-какой одеждой. Но главное — дали наказ: вымолить у Золотой богини счастья для жителей деревни.

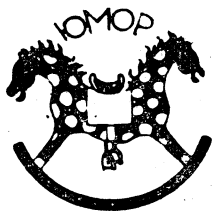
Паломники, собравшись где-то на реке Чепце, отправились в поход в начале лета. А вернулся слободский мужичок через полтора года. И уверял, что видел Золотую бабу, даже ночевал где-то недалеко от святилища.

Прослушав С. Л. Ружевского, мы сказали ему, что вещь довольно любопытная и неплохо бы ее напечатать. В. В. Заболотский, участник кружка, тогда редактор Волго-Вятского книжного издательства, предложил Ружевскому все собранное им переписать на машинке и отправить в Ижевск.

Сам я фольклором никогда не занимался, но все же время от времени просматривал сборники сказок и легенд, выходившие в 70—80-е годы в местных издательствах. Но нигде имени С. Л. Ружевского не встретил. Неужели издатели посчитали собранное им ничемным и выбросили в корзину?

Евгений КУЗНИЦЫН

Надеемся, что краеведы ответят на эти заметки-вопросы, и напоминаем, что лучшие ответы будут напечатаны в журнале.

Ледовое побоище

Константин МЕЛИХАН

— Ну, Пузырев,— сказала Марь-Иванна,— расскажите нам о Ледовом побоище.

— А чего о нем рассказывать-то? — нехотя сказал Пузырев.— Вы ж и так знаете.

— Что знаю? — строго спросила Марь-Иванна.

— Ну, что наши победили,— сказал Пузырев.

— Кого победили? — настойчиво переспросила Марь-Иванна.

— Ну, этих...— Пузырев прислушался,— немцев.

— Вот и расскажи нам, как все началось. Как события развивались?

Пузырев шмыгнул носом и вяло проговорил:

— Ну, вышли, значит, на лед наша ледовая дружина и ихняя. И они с первых же секунд попытались овладеть инициативой. Пошли в атаку.

— А наши как действовали? — спросила Марь-Иванна.

— А наши действовали на контратаках,— ответил Пузырев.

— Верно,— сказала Марь-Иванна.

Пузырев почувствовал себя уверенней и добавил:

— Особенно выделялись своим мастерством Васильев, Хомутов и Дроздецкий.

— А это кто еще такие? — удивилась Марь-Иванна.

— Это наши лучшие ледовые бойцы! — отчеканил Пузырев.

— Молодец,— сказала Марь-Иванна.— Ты даже дополнительный материал выучил. И я этого не помню.

Вдохновившись такой похвалой, Пузырев продолжал:

— Особенно жарко было на пяточке!

— Правильно,— сказала Марь-Иванна.— Они двинулись на нас «свиньей».

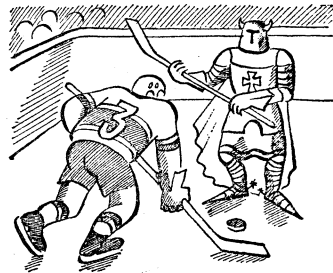
— Да,— сказал Пузырев,— вели они себя по-свински! Все время толкались. Их, конечно, наказывали, но, видно, мало. И вот у наших богатырей появляются шишки. А у некоторых — и ссадины. Получил травму Быков. Унесли с поля Гимаева. А когда наши ворвались в их зону, кто-то подставил подножку Первухину! Это же вообще! У него даже шлем с головы слетел! А удаляют, представьте себе, опять Билялетдинова! Якобы за задержку соперника руками!

— Ну, а как закончилось Ледовое побоище? — спросила Марь-Иванна, раскрывая классный журнал.

— Закончилось оно очень хорошо! — весело сказал Пузырев.— Наши ребята победили. Всем им вручены медали, ценные подарки и грамоты.

— А вот здесь, Пузырев, ты ошибся,— сказала Марь-Иванна.— Да, возможно, о Ледовом побоище сообщалось в берестяных грамотах. Но сами грамоты никому из участников не вручались. И все же ты заслуживаешь высокой оценки за столь правдивый и яркий рассказ. Ставлю тебе пятерку. Первую пятерку твою по истории.

«Первая пятерка! — пронеслось в голове Пузырева.— Ларионов, Макаров, Крутов, Фетисов, Касатонов».

Минздрав предупреждал!

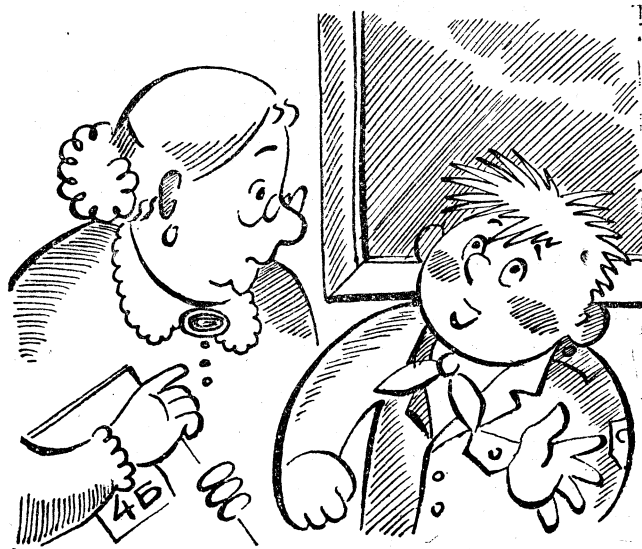
Михаил КАГАРЛИЦКИЙ

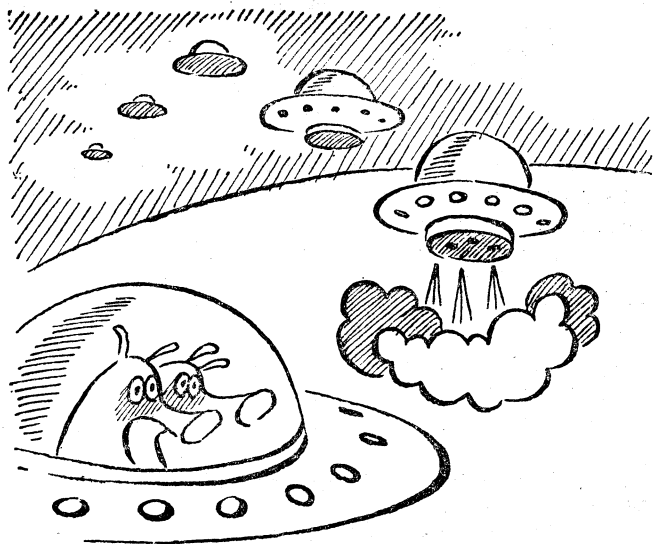
В зоне особой опасности дежурили Ваня Манькин, Стив Белью и вторая дивизия специальных роботосил ООН. На галактическом горизонте было неспокойно.

В полдень раздался тревожный сигнал sireны гипролокатора.

— Они! — кричал Ваня, нажимая на клавиши тотальной готовности.

Восемь инопланетных фрегатов в строгом шахматном порядке опустились в центре зоны. Переговоры были конкретизированы до предела.

— Сдаетесь? — спросили космодесантники и обнажили жерла своих орудий.

— Нет! — ответили Маныкин и Белью и пустили в ход вторую дивизию.

Космодесантники остановили шквал огня гравитационной стеной и отбросили его на землян. От дивизии, главной силы объединенного человечества, ничего не осталось. Здание навигационной цитадели было разметано по долине звуковым импульсом.

Ваня Маныкин и Стив Белью лежали в полуразрушенном подвальном помещении и напряженно вслушивались в тишину.

— Закурим? — предложил Ваня, доставая пачку «Примы». — Видать, последняя.

Стив молча вытащил зажигалку.

Легкий ветерок отнес облачко сигаретного дыма в сторону вражеских кораблей. Через три минуты с космодесантниками все было кончено.

Соленые огурчики

Святослав ЛОГИНОВ

*Алина! Сжальтесь надо мною,
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!*

Строки Пушкина звонко разносились под сводами Стеклянного рынка, удивительно контрастируя с гулом обыденных рыночных разговоров.

Заинтригованный, я поспешил на голос, но когда добрался, представление уже закончилось. Во всяком случае, ничего необычного я не увидел. Перед прилавком с надписью «Соленья» топтались люди, парнишка в белой куртке продавца взвешивал соленые огурчики.

Огурчики были небольшие, усеянные аккуратными пупырышками. Даже отсюда видно, какие они упруго-хрусткие. И запах от бочки шел несказанный. Ароматы укропа и тмина, горького перца, чеснока и листьев хрена, соединившись вместе, создавали сказочный эффект и вызывали настоящую потребность встать в очередь и приобрести.

Впрочем, людей в очереди стояло немного. Оно и понятно, цена на огурчики нынче такая, что перешибет любой аромат. Хотя... ценника возле продавца не было.

— Спасибо, — сказала покупательница и отошла.

К прилавку придвинулась дородная дама в ярком платье.

— Моя очередь, — произнесла она.

Парнишка одернул казенную курточку и ожидающе посмотрел на даму. Та вдруг покрылась пунцовыми пятнами и закричала:

— Хватит глупостей! Говорите толком — почему ваш товар?

— Меняю на стихи, — негромко ответил продавец. — За одно стихотворение, не входящее в школьную программу, полкило огурцов.

— Вот что, — подвела итог дама. — На Кузнецком рынке огурцы идут по три рубля. Пусть у вас будет так же. Мне два килограмма.

— За три рубля поезжайте на Кузнецкий.

— Да он издевается! — взвизгнула дама, но очередь, поднажав, оттерла ее, к весам протиснулась маленькая старушка и с ходу затараторила:

Дети, овсяный кисель на столе!

Смирно сидеть, рукавов не марать...

— Кто автор? — уважительно спросил продавец, когда старушка замолкла.

— Ну, милый, этого не скажу. Сколько лет прошло, как учила. Где упомянуть...

— Видите? — закричала из-за спин дама. — Это программное! Просто программа изменилась. Не давайте ей!

— Если вы расскажете из программы церковноприходского училища, тоже получите огурцов, — отрезал продавец, запуская в бочку огромный эмалированный дуршлаг.

Народу в очереди было немного, и я, после секундного колебания, встал в конец.

— Я еще Чуковского помню, и Агнию Барто, и дядю Степу; у меня правнуков девять душ... — досказывала старушка, пряча в сумку огурцы, но на нее шикнули — пришла пора расплачиваться следующему покупателю.

Очередь двигалась медленно, особенно когда

попадалось длинное стихотворение, но покупатели не роптали. Выступившие смешивались с толпой и сами становились слушателями.

Никто больше не пытался получить огурцы за деньги, лишь какой-то дядька испитого вида то и дело вклинивался в очередь, невнятно произносил что-то и отходил прочь. Было видно, что у него нет ни стихов, ни денег, но огурцов ему хочется.

Спортивного вида парень прочел по-французски аполлинеровский «Мост Мирабо», а потом повторил его в переводе Кудинова. Вытряхнул из пластикового мешка несколько тетрадок, зажал их под мышкой, переложил огурчики в мешок и быстро ушел, смущаясь чего-то.

Бойкая школьница вдохновенно проскандировала Асадова и получила в награду десяток пупырчатых крепышей.

Следующей была моя очередь, но тут вновь появился испитой гражданин. На этот раз он решил.

— Я тоже знаю,— гаркнул он.
*Спасибо власти дорогой,
 Что нету водки в выходной.
 Но ты не плачь, моя Маруся:
 Одеколону, но напьюся!*

— Рассолу могу налить,— предложил продавец.

Дядька возмущенно крикнул и ретировался. Взгляды повернулись ко мне. Я вздохнул и произнес:

*Ты лучше голодай,
 Чем что попало есть.
 И лучше будь один,
 Чем вместе с кем попало.*

— Хорошо...— неуверенно сказал продавец.

— Но мало,— подсказал я.

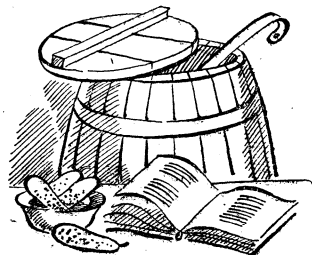
— Да нет, дело не в количестве строк...

Мне стало жаль паренька и я сказал:

— Дайте один огурчик, но такой, чтобы был достоин этих строк.

Я шел по рынку, хрустел свежепросоленным чудом и думал, что старик Хайям не обиделся бы на меня за такой обмен. Уж он-то прекрасно понимал, что людям равно нужны и стихи, и огурцы. Да и другие поэты, наверное, тоже не в претензии. Ведь их помнят, учат наизусть...

У входа в рынок я заметил даму в цветастом платье. Двумя холёными пальчиками она держала купленную в газетном киоске поэтическую однодневку. В глазах дамы застыло отчаяние.

Обидел...

Александр ЛОЗА

Ника сидел в кресле и, закрыв на коленях учебник английского, дразнил кота Ваську:

— Мяу-у!..
 — Му-р,— отвечал кот.
 — Мяу-у-ф-ф! — передразнивал Ника.
 — Мр-р..
 — Мяу-мяв!..
 — Мр-р..
 — Мняв-в, няв!..

Кот фыркнул и выскочил из-под руки Ники в открытую форточку.

— Обиделся, наверное,— вздохнул Ника.— И чего это я ему по-ихнему наговорил?..

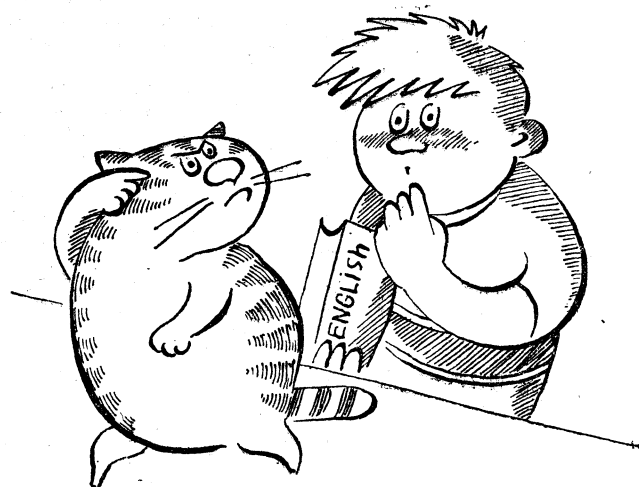

Рис. Марины Богуславской

«Никто нас не разлучит...»

«Я много писал писем в редакции различных газет и журналов с просьбой опубликовать подробное интервью с моей любимой группой, но так и не дождался...»

А. Тукмаметов, 16 лет,
п. Кандры БАССР».

Небольшой по объему «Анонс» в четвертом номере журнала — предложение задать вопросы группе «Наутилус Помпилиус» — вызвал обильную почту. Около тысячи писем! Точную цифру назвать затрудняемся, потому что письма идут до сих пор. Отделу молодежных проблем срочно потребовалась помощь, и мы ее получили в лице членов Свердловского фан-клуба «Нау» Инны Коротковой, Оксаны Онищенко, Марины Сухенко. Именно они отобрали письма, выходящие за рамки стандартных. Но и после этого вопросов оставалось столько, что предполагаемая беседа рисковала затянуться не на один номер. Поэтому мы вняли методологическим советам самих читателей, которые наиболее четко выразил Шурик Михню из города Красноуральска Свердловской области:

*«Обычно принято много внимания уделять вопросам глобально-мировоззренческого плана. Зачастую это идет в ущерб информации биографической, бытовой. Скажем, любой увлекающийся роком советский тинэйджер может довольно связно изложить историю «Пинк Флойда» или «Лед Зеппелин», что же касается «Наутилуса» — для подавляющего большинства рок-публики она скрыта покровом неизвестности. Желательно было бы видеть в качестве интервьюера человека безусловно компетентного в вопросах рок-музыки. А то встречаются такие материалы, читая которые, поневоле вспоминаешь, как вольноопределяющийся Марек редактировал журнал «Мир животных». Может, стоит свести роль интервьюера к минимуму, пусть ребята сами задают вопросы?»**

Советы Александра мы постарались взять на вооружение (получилось ли — будем ждать ответа и от него, и от других наших корреспондентов). Но информация информацией, а значительная часть читателей требовала от «Наутилуса» и оценочных ответов. Постарались учесть и это пожелание.

Редакция никак не предполагала, что будет столь трудно выявить лауреатов конкурса. Предварительные результаты, подведенные редакцией и фан-клубом, оказались неточными по той причине, что на некоторые «вопросы-призеры» члены рок-группы не стали отвечать. Поэтому окончательный итог мы подвели после того как интервью было готово к печати, а кроме того, оказались вынужденными слегка переориентироваться и отметить комплектом сувениров с автографами не столько отдельные вопросы, сколько письма, которые выказывают и глубокую эрудицию, и неподдельный интерес к творчеству группы. Вопросы-лауреаты отмечены в беседе звездочкой*, как и выдержки из писем.

«Вместе с интервью я бы очень попросил вас напечатать копию подарочной фотографии с автографами.»

М. Осовский, девятиклассник, член оргкомитета
Саранского рок-клуба*.

«Хочу предложить такое: журнал не понесет большого ущерба, если напечатает призовую фотографию на обложке. Тогда никому не будет обидно: ведь каждый задавал вопросы как можно интересней.»

Е. Бабенко, г. Волгоград».

Если вы обратили внимание на вкладку журнала, то догадались, что с этим мнением ребят мы согласились.

Итак, на письма читателей отвечают Вячеслав Бутусов и Илья Кормильцев.

«Прошли те мрачные времена, когда рок-группы давали подпольные концерты, собираясь на чьей-нибудь квартире... Рок вышел из подполья. Насколько легче вам стало работать? М. Солодова, 16 лет, г. Томск».

В. БУТУСОВ: Автор вопроса, вероятно, считает, что основные проблемы рока времен так называемого подполья заключались в том, что группам не давали работать на широкую аудиторию. Я тоже раньше так считал, но оказалось, что вместе с выходом на официальную арену проблем стало больше. Если раньше на концерты ходила в хорошем смысле элита — люди, которые любят и понимают рок-музыку, то сейчас перед нами широкий зритель. Публика многолика и многообразна, ее отношение к выступлениям сродни отношению к советской эстраде в целом: люди приходят развлечься... Как к этому относиться? Вернуться к узкому зрителю — не выход. Нам ближе такая позиция: дать зрителю понять, что мы не развлекаем зал, а хотим рассказать о своем понимании мира, заставить работать зрительское сердце и мысль... Другая проблема заключается в том, что существует целая категория людей, которые продолжают относиться к року с предубеждением: если рок-музыка — значит нечто СОЦИОШипательное, потрясающее наши устои. Нужно ли нам разубеждать таких людей, если наши общедоступные концерты их не разубедили?

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Давай не будем скатываться до полемики с людьми малообразованными... Мне гораздо интереснее понять, почему против рок-музыки высту-

У нас есть много ваших записей, записываем даже варианты исполнения песен. Но когда в нашем пединституте решили провести ознакомительный вечер, оказалось, что информации очень мало.

С. Руденко,
студент, г. Курган.

Эту группу я впервые услышал на магнитофонной кассете. Альбом назывался «Разлука». Потом мне стало известно, что фирма «Мелодия» выпустила некоторые вещи, особенно остро звучит композиция «Новые легионы». В текстах группы слышится прямота, реальность наших дней. Очень привлекает голос солиста Вячеслава Бутусова. Вот и все мои познания о группе. Надеюсь, что встреча интервью пополнит их.

А. Резин,
п. Старожильск Омской обл.

Меня в альбоме «Разлука» смущали профессионально сработанные, но явно проходные вещи типа «Эта музыка». Даже как-то обидно за их соседство с подлинными хитами: «Казанова», «Шар цвета хаки», «Скованные одной цепью», «Зерна» и «Ален Делон». Теперь о музыке и текстах. Илья Кормильцев — поэт, и то, что можно простить Бутусову как поэту-музыканту, нельзя простить ему. Тем более что его тексты для «Насты», по-моему, куда интересней и совершенней работ для «Н. П.». Возможно, что в новых песнях он и вырос как поэт, но — увя! — я этих песен не слышала; самая свежая в моей коллекции — «Я хочу быть с тобой», которую я пока считаю лучшей у «Нау». О музыке могу сказать одно: по моему твердому убеждению, в Союзе есть только одна группа, интересная чисто музыкально — «Аквариум».

М. Комракова,
г. Москва*.

Когда я услышала песню «Я хочу быть с тобой», — заплакала. Мне 15 лет, я только два раза в жизни всерьез задумывалась о смерти. Это было, когда мне становилось

пают такие яркие личности, как Белов, Астафьев, Распутин. И я их понимаю: они ж судят о рок-музыке по телевизору, на концерты им ходить некогда, а когда я смотрю телевизор и вижу наших доморощенных «металлистов» с тупыми лицами, когда слышу Леонтьева, «Прощай, столица» или «На недельку до второго...» — я по одну сторону баррикад с Распутиным и Астафьевым. Они ужасаются, и я ужасаюсь, я готов употребить по отношению к таким творениям все эпитеты, которые употребляют они — и даже больше! Да и вся рок-музыка на девяносто процентов состоит из шарлатанства, девяносто процентов этих вещей беспамятны и бескультурны, и выход рока «из подполья» наконец обнажил эту проблему, а ЦТ ее усугубило своим достаточно странным и непонятным отбором для показа.

А вообще, я удивлен началом беседы. Обычно все интервью начинаются с вопроса...

Корр.: «Почему ваша группа так называется?» Этот вопрос действительно чаще всего встречается в письмах...

В. БУТУСОВ: Люди представляют себе, что название коллектива должно нести какую-то побочную глубокомысленную информацию, но когда придумываешь название — в голову редко приходит что-то умное. Наше первое название звучало так — «Али Баба и сорок разбойников» — от любви к книжным полкам. Это было в начале 80-х. Мы тогда были моложе. На первом семинаре рок-коллективов, куда пригласили и нас, новобранцев, мэтров рок-движения «Али Баба» категорически не устроил. Тогда и прозвучало впервые «Наутилус», всем нам известный по роману Жюль Верна. Это название предложил наш тогдашний звукорежиссер и оператор Андрей Макаров. Мы в тот момент обожали «Лед Зепелин» и подтянули такую версию: мы — подводный вариант дирижабля, он в небесах, а мы вот такие скромные — в глубинке где-то... периодически всплываем, опять на дно... Все это было романтично и интересно. Но в Москве, а позднее — в Ленинграде образовались группы с таким же названием. Московскую группу возглавил бывший басист «Машины времени» Женя Маргулис, и мы, естественно, не имели права соперничать с таким великим человеком. И тут нам напомнили, что Жюль Верн имя для своей лодки взял не с потолка, так называется вид головоаберного моллюска, и полное название по латыни — «Наутилус помпилиус», что значит «лоцманские кораблики». Открыв энциклопедию, мы уловили там один интересный момент: нас поразило, с какой характерной предосторожностью этот моллюск размножается. Нам стало смешно, мы решили, что в любой момент любители подпольных смыслов смогут обнаружить в нашем названии какую-то глубинную логику... Перейдем к серьезным вопросам...

«Чем для вас является музыка — смыслом жизни или работой, ремеслом? Г. Ямалева, 16 лет, г. Уфа».

В. БУТУСОВ: И тем, и другим, и третьим! Для меня этот вопрос более широкий. Я не считаю, что профессионалов рожают специальные учебные заведения. Лучше, когда они появляются на волне самостоятельности, поскольку в ней меньше всяких канонов. Самодельное творчество подпитывается почвой одного лишь желания, никто тебя не неволит, и если это желание, тяга к творчеству становятся преодолимыми, превращаются в смысл жизни — ты стоишь перед необходимостью перевести его в категорию ремесла, профессии, к возможности зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом. Каждый счастливый человек прошел этот путь. Правда, тут сложный вопрос соотношения с коммерцией. Почему-то считается, что истинный художник должен жить каким-то неловким образом. Почему? Если человек страдает материально — то и духовно страдает? Неправда!

И. КОРМИЛЬЦЕВ: У каждого времени свои легенды. Вспомните поэтов XVIII века Державина, Сумарокова. Никто их не укорял за идиллию поместной усадьбы, за элегическое созерцание в условиях безбедного существования. Были художники, которые при жизни не могли продать ни одного своего полотна, тот же Ван Гог. Были такие, которые заканчивали творческий путь обесщеченными академиками. И что дальше — кто из них лучше, кто хуже? Творчество никак не связано с социальным статусом человека, с тем, как он зарабатывает, потому что причины мучений, которые толкают человека к листу бумаги или к микрофону — в нем самом. У нас же сформировалась некая легенда, что на истинном творце — отметины страданий. Хотят, чтобы тебя били, терзали, запрещали, и если закричал — значит ты хорош. С этой точки зрения все западные музыканты — «проститутки», ни один из них не подпадает под те требования, которые наши поклонники предъявляют Гребенщикову, Борзыкину, Бутусову...

«Сколько вы зарабатываете? С. Федько, г. Кувандык Оренбургской обл.»

В. БУТУСОВ: Когда мы не работали как профессионалы, я бы никогда не представил, сколько может зарабатывать сейчас артист. Если спланировать непрерывные гастроли и устраивать по два концерта в день (а есть «артисты», которые и четырьмя не гнушаются — не буду называть имен) — это может вылиться в зарплату около 5 тысяч на человека в месяц. Может, даже больше, поскольку цены неустоявшиеся, плавают в зависимости от критериев города, от места выступления, от популярности коллектива... Нас не раз упрекали, что мы низкими ценами (800 рублей за концерт) создаем конкуренцию другим группам. Говорили: «Бригада С» по полторы тысячи требует, а вы, провинция... На летних гастролях в Волгограде мы пошли ва-банк и запросили за концерт три тысячи. Никто слова против не сказал! Но пусть не обольщаются любители легких заработков! Не надо забывать, что между количеством концертов и творчеством обратно пропорциональная зависимость. Чем больше

гастролируешь — тем меньше создаешь новых вещей, тем меньше совершенствуешься. Поэтому количество концертов мы стараемся спланировать так, чтобы была необходимая сумма на проживание, на возмещение экономических затрат (покупка аппаратуры и т. п.). Мы пока прекрасно осознаем, что изнуряющая гонка за рублем обязательно приведет к творческому краху.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: К сожалению, нет свободы выбора из-за отсутствия нормально развитой коммерческой системы в области поп-музыки. У нас, например, невозможно зарабатывать студийной работой, хотя на Западе это совершенно нормальная ситуация, когда группы на один-два года отказываются от гастролей. Слабо развита правовая защита. Только что вынуждены были разбираться с кооперативом звукозаписи, который за здорово живешь взялся распространять наши кассеты... просто гангстерская ситуация!

«Духовна ли рок-музыка? А. Денисов, г. Ковров Владимирской обл.»

В. БУТУСОВ: Можно отвечать на этот вопрос полные сутки, и сколько аргументов найдешь в себе — столько и контраргументов. Однако я больше склонен считать, что духовна, ведь составляющей фразы «рок-музыка» является слово «музыка», а музыка всегда духовна.

«Смените ли вы стиль своей музыки, если мода на рок пройдет? Д. Боталов, г. Туринск Свердловской обл., А. Воробьев, г. Новокузнецк, и др.»

В. БУТУСОВ: Здесь, наверное, требуется для начала определить стиль, в котором мы играем, но я затрудняюсь это сделать, хотя когда пытались определить для себя какую-либо приемлемую формулировку, то остановились на постромантизме.

Корр.: Поясните, пожалуйста...

В. БУТУСОВ: Мы используем традиционные элементы, присущие романтизму: интонация, общее настроение, выстроенность чисто визуального ряда... Но все это достаточно условно. Звучали и другие определения нашего стиля, например, «ностальгический рок». А вообще, такие формулировки даются людьми компетентными, желающими привести все в систему, а у нас такой цели нет, нам иногда даже трудно выстроить программу, настолько в ней разноплановые вещи. А потом — что значит «сменить музыку»? Я вообще не люблю, когда делят: классика — рок — поп... Я могу делить музыку по эпохам и понимаю, что рок наложил определенный отпечаток на музыку второй половины XX века, но это не значит, что он резко обособлен. В нем могут быть элементы классической музыки, точно так же как в современной классике могут быть элементы и джаза, и рока. Чтобы сменить музыку, надо сменить состав группы — вот и всё. В нашей группе определенный состав инструментов — ни больше, ни меньше, определенный состав участников — тоже ни больше, ни меньше... Если появится творческая необходимость — инструменты сменим, следовательно, и «музыка сменится».

Корр.: Поскольку заговорили об «определенном составе участников» — нельзя ли его назвать?

В. БУТУСОВ: Компания у нас веселая! Большое значение имеет звукорежиссер Володя Елизаров, человек, который играет на всех инструментах и которому просто больно слушать, что мы вытворяем на сцене. Как яростный виртуоз, он пытается скрасить нашу работу из-за пульта в зрительном зале. Дальше — большое количество резвых техников, воплощенных в образе Влада Малахова. Есть у нас директор и администратор — без них бы нам пришлось трудно. Большинство текстов пишет бессменный Илья Кормильцев. Музыкантов семеро. Барабанщик Владимир Назимов, ранее работавший в группах «Урфин Джюс» и «Чай-Ф». Басист Виктор Алавацкий. Клавишник Алексей Хоменко, в народе называемый либо Пальцем, либо Вождем. Клавишник Виктор Комаров, один из самых старых членов коллектива, он, как и я, закончил архитектурный институт. Алексей Могилевский — саксофонист. Гитарист Егор Белкин, прошел школу «Урфин Джюса», работал с Настей Полевой. И ваш покорный слуга...

Корр.: ...биография которого интересует многих почитателей.

В. БУТУСОВ: Понял. Насколько мне известно, родился я в Сибири, в Красноярске, на Бугаче, куда мои родители, будучи комсомольцами-энтузиастами, уехали строить Красноярскую ГЭС. По моим представлениям Бугач — нечто вроде нынешнего люберского средоточия, рос я там до пятнадцати лет, после чего родители переехали в Свердловск, потом — в Сургут, там, на Севере, я окончил школу. Поступил в Свердловский архитектурный институт и закончил его в 1984 году. Три года работал в проектной организации с ужасным названием «Уралгипротранс», проектировал интерьеры метрополитена. У Кормильце существует формулировка, что архитектура — это застывшая музыка, поэтому ничего удивительного, что я от одного перешел к другому. Женат. Дочка во втором классе.

«Какие проблемы возникают в коллективе? Ю. Гирушева, п. В. Туломский Мурманской обл.»

В. БУТУСОВ: Какие проблемы? По минимуму — это поиск того, как сделать новую песню так, чтобы она была доступной и необходимой хотя бы нам самим. А по максимуму... Трудовой коллектив, который мы сейчас представляем с начала службы в Росконцерте, — это более сложное формирование, чем наша «доисторическая» компания. И хотелось бы, чтобы сохранился тот уровень ответственности, на котором мы держались в «подполье».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Между нами море проблем. Дюжина здоровых хлопцев — и чтобы они жили между собой, как семь сказочных богатырей? Это не «страна Муравья». В любом творческом коллективе не обходится без конфликтов. Недоразу-

плохо. А вот мою подругу все время преследуют неудачи. Она заработала болезнь сердца и два седых волоса. А довели ее наши бывшие «подруги». Сколько мы от них натерпелись! Нервы у меня стали железными, и я уже ни на что не обращаю внимания. Лишь хочу спросить «Наутилусов», что их натолкнуло на тему смерти в творчестве?

Елена Б.,
г. Волгоград.

Мне кажется, со времен «Машины времени» ни одна группа не произвела своим появлением такого эффекта, какой произвел «Наутилус». Это можно сравнить с тем, как если бы Михаил Боярский на пару с Аленом Делоном появились на женском пляже в Паланге. Я очень рад, что сейчас город Свердловск ассоциируется у людей не только с «Уралмашем», «Автомобилистом», товарищами Рыжковым и Ельциным, но и с «Наутилусом». Я рад вашим успехам и огорчаюсь вашим трудностям. Эти трудности видно и издали, когда замечаешь по телевидению, что московское турне 87—88 годов отняло у вас Дмитрия Умецкого, одного из создателей «Нау». Вы, конечно же, войдете в «Антологию советского рока», но я не хочу, чтобы ваши записи обрвались 88 годом. Не измените себе, не превращайтесь в моду. Я был бы очень рад, если бы кто-то из вас, например, Слава Бутусов или Илья Кормильцев, ответили мне. Мы — дети одного поколения, мы много видели в нашей «праведной» жизни и много думали. Нам есть о чем поговорить.

А. Новосельский, 28 лет,
г. Снежкус Литовской ССР*.

Я очень люблю музыку. Когда у нас в деревне четыре года назад работал заведующим клубом А. Д. Берсенева, то я ходила туда. Играла в оркестре народных инструментов, на балалайке. Но Андрей Дмитриевич с Еленой Игоревной уехали — и все заглохло. На танцах крутят одно старье (хоть бы клуб обокрали, чтоб от него избавиться!). Теперь я все внимание обращаю на телевизор, на радио, на печать. Запоминаю все ансамбли и почти все их

песни. Когда я вижу по ЦТ нашу свердловскую группу «Наутилус», испытываю гордость за наш край. Здорово, что вас любит вся страна.

Г. Сахарова,
ст. Полдневая
Свердловской обл.

В 1987 году, летом, я был в Таалине в командировке. В памяти остались концерты Ленинградского рок-клуба, гостем которого был «Н. П.». Каждая группа — со своим лицом, со своей музыкой. «Авица» отличилась несколько заушной музыкой, но хорошо выстроенной композицией. «Объект намешек» показал, насколько панки не отличаются от «металлистов». «Алиса» три дня осваивалась на сцене. Ее выступление началось с технических неполадок, и Кинчев, чтобы успокоить публику, спел балладу без музыкального сопровождения, показав, как велики его возможности. «ДДТ», бывшие уфимцы, ставшие ленинградцами, подтвердили, что новое — это хорошо забытое старое. Порадовал «Телевизор». Но в кого можно было влюбиться с первого взгляда — так это «Наутилус Помпилиус». И хотя второе отделение их выступления оказалось не таким цельным, на мою территорию без сопротивления с моей стороны, что бывает редко, вторглись Ален Делон, Казанова и другие.

Р. Римецкий,
г. Червонопартизанск
Ворошиловградской обл.

Каково мое личное впечатление? Первый раз слышешь и ощущаешь себя вроде бы недоумком. Ставишь второй раз, третий, и смысл доходит, и мурашки по коже бегут. Мой друг заявил, что «Наутилус» — это «панк». Я спорил с ним, доказывал, что «непрямые» тексты — не обязательно «панк», но переубедить его не смог. Этот же кадр уверен, что «Наутилус» кем-то «проталкивается»: «Еще год назад о нем никто не слышал, а тут — и телевидение, и радио, и отзывы в печати»...

Д. Юрасов,
десятиклассник,
г. Жданов.

меня случаются по самым разным вопросам, начиная от «что сегодня пьем: чай или кофе?» и кончая мировоззренческими.

«Есть у вас капитан Немо? В. Хагазова, г. Шевченко Казахской ССР».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Капитана Немо нету. У нас есть Мастер, есть Вождь и есть Бригадир. А кто такие — расшифровывать не буду.

«Перечислите все ваши магнитофонные альбомы... С. Бочаров, г. Комсомольск-на-Амуре».

В. БУТУСОВ: За всю свою сознательную жизнь мы успели выпустить четыре магнитофонных альбома: «Али Баба и сорок разбойников» (1982 год) — мы были тогда еще студентами архитектурного института, и группа состояла из четырех человек. В 1983 году записали «кранический» (от слова «панк») альбом «Переезд» с участием аранжировщика Александра Пантыкина, с которым любители музыки знакомы по «Урфии Джюсу», «Кабинету». Затем альбом «Невидимка» (1985 г.). И летом 1986 года — альбом «Разлука». Весной этого года на кооперативной студии звукозаписи подготовили материал для диска-гиганта из девяти песен. Надеюсь, к тому времени, когда выйдет это интервью, наши слушатели будут держать его в руках.

«Наутилус», как мне кажется, является группой с антимищанской направленностью. Тем не менее он становится одной из любимых групп современных обывателей. С чем это связано? С. Горячев, г. Ленинград»*.

В. БУТУСОВ: Наверное, это неизбежно. Обыватель начинает реагировать на вещи престижные. Он сам никогда не будет искать что-то новое. Однако стоит любому явлению выйти на официальный уровень, хотя бы быть признанным нашим телевидением — как это попадает в поле зрения обывателя.

«Я учусь играть на скрипке, но в современных группах ей нет места. Нужно ли мне переучиваться на гитару? О. Скрибачев, 13 лет, г. Новокузнецк».

В. БУТУСОВ: Поводов для пессимизма нет. То, что Олег владеет скрипкой, а не гитарой, дает ему возможность делать неординарную музыку. Я считаю, что мы должны ему просто завидовать, ведь никто из нас не умеет играть на скрипке. Если Олег считает, что скрипка для рока не подходит — он ошибается. «Денвет интегралл», например, добилась популярности за счет нехарактерных для рока инструментов. Дерзай, Олег!

«Считаете ли вы рок музыкой перестройки? С. Зонов, п. Заречный Кустанайской обл.»

В. БУТУСОВ: Это уже афоризмы пошли... Могу задать сколько угодно встречных вопросов типа: как рок относится к нашей экономической политике? Какая связь между роком и созданием агропрома? Наверное, какие-то связи есть, но опосредованные настолько, что не хочется забивать себе этим голову.

«Проходит ли через ваше творчество уральский фольклор? Л. Алексеева, шести-классница, г. Камышлов».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Фольклор имеет своей корневой основой сельскую специфику, а мы почти все выросли в городе и село знаем краем глаза, из поездок на картошку в студенческие времена. Поэтому я бы говорил не узко о влиянии фольклора, а в более широком смысле — о влиянии провинциальной атмосферы, такого специфического настроения, характерного для уральского и сибирского региона: осознание себя в провинциальных условиях независимыми личностями. Я глубоко уверен: то, что написали мы, не смог бы написать ни москвич и ни ленинградец. Для них это незнакомое осознание себя в обществе — ощущение приравненности друг к другу и несение одного бремени, одной вины. Они всегда жили рядом с Цезарями, и уходящие круто вниз социально-иерархические ступени не позволяли им проникнуться провинциальным чувством всеобщности родства...

В. БУТУСОВ: Возможно, вопрос вызван «Разлукой»? «Разлука» — песня для души, для себя. Когда мы записывали альбом — названия тогда у него не было, — во время технического перерыва мы потихоньку запели «Разлуку», а ее случайно записали, совершенно случайно. И вот, услышав ее со стороны, мы вдруг поняли, насколько эта песня соответствует нашему тогдашнему настроению, да и сегодняшнему. Мы и открыли ею альбом. Нам и сейчас без «Разлуки» трудно начинать программу. Это как выступление, это наша «визитка».

Спрашивают, почему во время сочинских гастролей эту песню исполняли с черными повязками на глазах. По очень простой причине. Мы привыкли ее петь в темноте, а сочинские концерты — это солнце над открытой верандой, дамы в панاماх, мужчины под зонтиками. Мы закрыли глаза повязками и возникло ощущение сродни мистическому: то же самое, как ночью плаваешь в море — нет ни моря, ни земли, нет опоры. Для артиста вот такое ощущение очень важно.

Корр.: А нет желания использовать другие народные песни?

В. БУТУСОВ: Это будет повторение...

«Были ли у песни «Я хочу быть с тобой» реальные прототипы? Н. Ларионова, Нижний Тагил».

«Самые сильные, на мой взгляд, строки, где парень принимает решение: «Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой!» Эти слова — от большой любви, и я хотела бы знать, верите ли вы в такую любовь? М. Боровикова, г. Стерлитамак».

«Не приравняет ли эта вечная тема вас к многочисленным разовым ВИА? Т. Мальцева, г. Уфа».

В. БУТУСОВ: Любовь зачастую понимается как отношение одного конкретного человека к другому — Васи к Любе, а понятие это гораздо шире, оно охватывает собою не только связи «человек — человек», но и другие: «человек — явление», «чело-

век — символ», «человек — жизнь» в конечном итоге. Я не знаю, как так получилось, что в упомянутой песне центр тяжести сместился на тему любви в узком смысле. Видимо, так убога «любовная» тема на современной эстраде, если люди воспринимают любовь и нашу вещь. А может, у нас не все получилось, хотя задача была шире: попытка через любовь, через эмоции выразить вообще отношение к жизни. Невнятно? Ну, значит, я внятно о любви говорить не умею.

«Прилично ли человеку в четыре года петь «Ален Делон»? Семья Тарасовых, г. Москва».

В. БУТУСОВ: Пусть поет...

«Считаете ли вы виновными во всех проблемах людей «скованных одной цепью» или виновны также «гороховые зерна»? Евгений Т., Прокопьевск Кемеровской обл.».

В. БУТУСОВ: В число скованных мы ведь включаем и тех, которые не несут в себе отрицательного заряда. Точно так же гороховые зерна могут быть всякими: спелыми, незрелыми, с гнильцой и без оной. Этот вопрос — вопрос об отношении между двумя поколениями, вот и все. И я не могу однозначно ответить, жизнь ли такова, что растащила их друг от друга, и кто больше виноват. Ведь иногда непонятый отец-ретроград фигура более трагичная, чем непонятый сын-революционер...

«Наступит ли время, когда ваши песни станут неактуальными? С. Лукиных, 20 лет, г. Шадринск».

В. БУТУСОВ: Песни могут стать неактуальными, если это песни публицистического, точнее — сиюминутного плана, так сказать, песни-отклики, а потом опять же — что понимать под актуальностью? Сейчас Гребенщиков поет старые романсы Вертинского, и многие, не знающие творчества Вертинского, воспринимают это как злободневный отклик товарища БГ. Финское телевидение, скажем, при исполнении романса «Я не знаю, почему...» дает ему свой подзаголовок «Афган». Пройдут десятилетия, и другой режиссер может поставить в скобках другой подзаголовок — в зависимости от событий века. Будет ли у наших песен такая судьба — не мне судить.

«Вносите ли вы какой-нибудь вклад в защиту мира? О. Щедрая, 19 лет, г. Братск».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Все в этом мире тонко взаимосвязано, и горячая борьба за мир иногда может привести к развязыванию войны; «чем наше слово отзовется — нам не дано предугадать». Сейчас в большой моде интеллигенты-пацифисты. Так вот, если войну рассматривать в отрыве от современных реальностей, от того, что она будет термоядерной, бессмысленной, не оставляющей никаких надежд на быстрое и справедливое разрешение вопроса, можно сказать, что иногда, когда вопрос касается внешних или внутренних «быть или не быть», свободы или несвободы, — она необходима. Нам вбили в голову, что существуют отдельно взятые поджигатели войны — тучи разжиревших производителей оружия, обезумевшие опереточные цари со сказочными генералами, — это чушь! Войны возникают в первую очередь по экономическим причинам, в патовых ситуациях, когда противостояние сил неразрешимо, когда социальный прогресс заходит в тупик. Война — такая же печальная и неотъемлемая подробность жизни человечества, как смерть. Как видите, я скорее пессимист, чем оптимист, хотя всецело разделяю убеждение, что искоренение войны является высшей целью человечества.

Корр.: Илья, ряд вопросов адресован непосредственно тебе, и хотелось, чтобы ты для начала обозначил себя в этом мире... Думается, это тем более важно, что специфику свердловского рока выводят из того, что авторы текстов у нас — величины самостоятельные, паритетные по отношению к музыкантам».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Я работаю в Свердловской торговой палате переводчиком с итальянского. Хотя окончил не иняз, а технический вуз. Кроме итальянского знаю английский, португальский, испанский, чешский, польский... Писать начал в школе. Желание это пришло сразу. Начал работать с «Урфин Джусом», сделала 25 песен. Первой песней для «Наутилуса» была «Снежная пыль», написанная для новогодней программы Свердловского телевидения. Это было в 1985 году. Как рождаются песни? Из пены морской... Ходишь — думаешь. Сядешь — напишешь. Покажешь Славе. Тот возьмет гитару... Напишет — не напишет, гадаешь. Скорее, не напишет... А если напишет — хорошо ли напишет? Бывают споры, на некоторых вещах по обоюдному согласию ставили крест. Такое случается, к счастью, редко, в одном случае из десяти — как правило из-за споров по поводу аранжировки. Несогласие с музыкальным решением за всю историю совместной работы было один раз.

Корр.: И песня осталась стихами?

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Нет, ее даже начали играть, но были споры, обиды. Там Слава, по-моему, превысил позволительный интеллигентному человеку предел мелодраматизма.

«Считаете ли вы себя поэтом? Есть ли у вас «неозвученные» стихи? Есть ли разница между рок-поэзией и поэзией в нашем обычном понимании слова? М. Осовский, девятиклассник, г. Саранск».*

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Поэтом себя считаю, иначе бы не писал. «Неозвученные» стихи есть, и озвучивать их не надо, они создавались с совершенно иными задачами. Я их пишу отдельно от текстов песен (отдельно — в психологическом плане: при особом настрое, при особых обстоятельствах и так далее).

Корр.: Эти стихи где-то печатались?

И. КОРМИЛЬЦЕВ: В первом номере журнала «Урал» за этот год, в экспериментальном номере. Но всерьез я не пробовал стучаться в издательства. Мне это кажется странным — идти куда-то, клянчить: «Напечатайте меня». В рок-поэзии есть,

Когда говорим о них, нужно говорить трижды: отдельно — о поэзии, отдельно — о музыке и потом — о песне...

В. Сенин,
г. Ясногорск
Тульской обл.

С вашим стилем все ясно, вы, так же, как и множество моих сверстников, более склонны к романтизму, чем к агрессивности. Спасибо вам, вы действительно учите людей добру в широком смысле слова.

В. Синицин, учащийся,
г. Омск.

Второй год работаю учителем иностранного языка в маленьком лесном поселке. Было бы очень плохо, если бы не друзья и музыка. Правда, друзья могут уйти, а музыка — никогда. Вот так в один из вечеров, как давно знакомый и близкий друг, в «комнату с белым потолком» вошел «Наутилус». Сначала метафоричность слов удивляла — «шар цвета хаки», «люди — гороховые зерна», «бройлерные курицы», наверное, мы слишком привыкли к гладким рифмам, к словам, которые не надо объяснять, к песням, в которые не надо вдумываться. Вячеслав Бутусов когда-то сказал: «Надо почувствовать боль. Пока мне «все равно», петь я не могу...». Мы ощущаем легко свою боль, но гораздо труднее понять чужую. Слушаешь: «Я ломал стекло, как шоколад в руке. Я резал эти пальцы за то, что они не могут прикоснуться к тебе...» — и понимаешь, как точно выразил эту боль В. Высоцкий: «Поэты... режут в кровь свои босые души». Так же вот и «Наутилус» должен резать острой раковиной свою живую плоть, свою душу, чтобы разрезать ремни, которыми затянуты мы.

М. Саенко,
п. Шарляга Коми АССР

Я слушаю «хэви метал». А в ваших песнях мне очень нравятся слова, но не музыка. Вы что, не можете написать что-нибудь «потяжелее»? Нельзя же в век электронной и «тяжелой» музыки играть такие древние мелодии.

А. Янов,
п. Оха Магаданской обл.

У меня, как и у многих, существует свой хит-парад. Раньше в нем безраздельно царствовали товарищи из ленинградского рок-клуба: Гребенщиков, Цой, Кинчев. Но теперь, при том, что «Аквариум» все еще занимает в этом хите первое место, на второе стремительно взлетел «Наутилус». Когда в соседнем с вами Кургане, в КНИИЖОТе (вы, наверное, слышали о клинике профессора Илизарова) в качестве первоапрельской шутки было вывешено объявление о гастролях «Наутилуса», подобно взрыву фугаса было это сообщение. И как потом стало тоскливо, когда шутка раскрылась! Мой друг видел однажды ваше выступление. «Когда поет Варшавский,— говорил он,— поражаешься, какие высокие ноты он берет, но его лицо при этом какое-то безучастное, а когда поет Бутусов — нужно видеть его глаза...».

Е. Тайманкина, 21 год,
г. Курган.

В феврале этого года в Москве, в Лужниках, выступали победители хит-парада газеты «Московский комсомолец». Пошла на концерт только из-за «Наутилуса» и «Машины времени». Через день открываю «Московский комсомолец» и читаю в нем интервью с Вячеславом Бутусовым. «А вдруг вас пригласит Алла Борисовна?» — спрашивает меня (но не Бутусова) вопрос журналист. А Бутусов добивает ответом: «Не совсем представляю организацию и взаимоотношения в коллективе. Считаю, что мы просто не готовы к этому». Неужели Вячеслав действительно посчитал бы такое сотрудничество шагом вперед для своей команды? Упаси их судьба удостоиться такой чести!

Г. Жиркова,
Старый Оскол.

конечно, свои особенности: иные корни, иные традиции, иной образный строй, отличная метроритмика... Это все детали, но их совокупность и создает рок-поэзию. Однако мера специфика такова, что не дает говорить о рок-поэзии как о чем-то, коренным образом отличающемся от поэзии в целом.

«У меня создалось мнение, что вы поклонник небезызвестного БГ. У БГ есть чему поучиться, но подражать ему... А. Воробьев, г. Новокузнецк».

«Вам не кажется, что темы ваших песен мелковаты. Боюсь, что «Наутилус» плачет в «Аквариуме»... В. Подымов, 17 лет, г. Липецк».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Да! Кому хочется так думать — пусть так и думает...

«Пишу второй раз. Хочу принести извинения И. Кормильцеву и «Н. П.» за свои слова о заимствовании. Недавно ЦТ транслировало новую песню «Я хочу быть с тобой!». Ничего подобного я никогда не слышал. С превеликим удовольствием констатирую, что я ошибался! А. Воробьев, г. Новокузнецк».

«В ваших песнях иногда можно услышать жаргонные слова и выражения. А как вы сами относитесь к жаргону? Часто ли употребляете в своей речи? Кожатовы, г. Ивдель Свердловской обл.».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: С кем говоришь — так и говоришь. В соответствующей среде иногда удобнее пользоваться жаргоном в силу конвенции, взаимопонимания. А в песнях... Если бы мы писали о быте современной молодежи — жаргон был бы оправдан. У нас же сюжеты достаточно абстрактны. Там жаргон ни к чему, хотя в принципе ничего страшного в жаргоне нет. Вообще ничего страшного нет ни в одном слове. Страшной может быть жизнь, стоящая за словом, но не само слово.

Корр.: Когда ты встречаешься с человеком, речь которого ограничена лишь жаргоном...

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Так это же хорошо! Сразу понимаешь, чего такой человек стоит. Страшнее, когда лексика ограничена литературно — или научноподобными фразами, когда человек начинает прикрываться выражениями типа: «Мы у себя последовательно осуществляем взятый курс на демократизацию норм общественной жизни...».

«Ставите ли вы целью своего творчества привлечение молодежи к размышлению или вы работаете на чувства людей? Р. Дисбар, г. Свердловск».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Мы живем в самом сердце нации, которую никто по степени метафизичности не превзошел. У нас бывает только да — нет, черное — белое, чувства — разум... Если есть разум — нет чувств, если есть чувства — нет разума. Если рабочий — то не крестьянин, если крестьянин — то не рабочий. И это в государстве, которое исповедует диалектическую философию... Я пишу стихи. Есть содержание, которое воздействует на разум, и есть эмоциональное поле, которое воздействует на чувства.

«Нужно ли начинать сочинение песен на английском языке для выхода на международную арену? А. Байков, студент, г. Куйбышев»*.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Если просто переводить на английский язык уже готовые тексты — думаю, это будет еще непонятнее для западного слушателя, чем звучание на чистом русском. Почему? В силу нашей культуры намеков, культуры эзопова языка. В силу иного устройства и организации материала. В силу иного мировосприятия. Если писать по-английски о каких-то третьих проблемах, независимых, назовем их так, — я не очень представляю, что это за проблемы. К тому же здесь есть реальная опасность раствориться в космополитизме в самом дурном смысле и потерять полностью свое лицо. Я бы с такой легкостью и уверенностью, как это делает Борис Гребенщиков, не взялся написать песню на английском. Здесь есть определенная доля недомыслия: утверждаться на рынке, не зная, что этому рынку сказать... Может быть «зжатость» рамками родного языка. Невозможность интегрироваться с мировой масс-культурой нас еще сохраняет, делает самобытными, определяет положительные качества нашей музыки для того же западного слушателя.

Козьму Пруткову можно перевести на какой-нибудь язык? Конечно, можно. Слово в слово. Станет он понятным англичанину или французу? Да никогда в жизни!!

В. БУТУСОВ: В Финляндии мне пришлось общаться на английском, и я вынужден был читать английскую литературу. Начал читать Джерома. По-русски я понимал там все, но это не было так смешно, как на языке оригинала, в котором я половину не понимал. Просто чувствуешь, что существует определенная нить, и она наматывается на каждое слово, каждую фразу — и уже снежный ком веселья.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Можно перевести советскую рок-песню, но для западного зрителя впечатление будет такое, какое мы получаем, читая китайскую поэзию: запах цветов чувствуешь, но через ограду сада не перелезешь.

В. БУТУСОВ: Я считаю русский достаточно международным языком. Песни, которые сочиняет советский человек, должны исполняться на русском.

Корр.: Как вы думаете, чем рождено прямо-таки навязчивое желание некоторых музыкантов утвердить себя на мировом рынке?

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Оно вызвано не только дешевыми корыстными побуждениями, часто это объясняется стремлением, допустим, иметь хорошую звукозаписывающую и звукопроизводящую технику, которая может быть приобретена только, скажем, в Милане. Но нельзя исключать и животнo-корыстные интересы. Представлять всех в рок-музыке ангелами — это смешно, там такие же люди, с такой же «завидухой» при виде проезжающего мимо «мерседеса».

«Вам не кажется, что ваша музыка для 14—18-летних, а тексты для 18—28-лет-

них (14-летний вряд ли поймет в чем суть композиций «Рвать ткань», «Эта музыка...» и др.). В. Чернышев, 23 года, г. Молодечно Минской обл.».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Если музыка и текст расходятся именно по такому возрастному диапазону, значит, все нормально: 18-летний человек одинаково хорошо воспримет и то, и другое, а добиться понимания 18-летних не так уж просто.

В. БУТУСОВ: В нашем случае не имеет смысла отдельно говорить о текстах, отдельно — о музыке, так как тексты, которые мы поем, — это не поэзия; а музыка — это не музыка по большому счету, а всего лишь иллюстрация к текстам. А каким образом из эрзац-поэзии и эрзац-музыки рождается нечто, эрзацем, надеюсь, не являющееся — здесь судить не нам, а мудрой критике. Если же слушатели считают, что музыка только для 14-летних — значит, мы сделали плохие иллюстрации к тексту и ничего более.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Великолепные реплики актеров при общей необубедительности сценографии...

«Часто ли вы поете под фонограмму? Н. Шульженко, г. Киров».

В. БУТУСОВ: Такое было несколько раз, когда концерт объединяли с киноили телезаписью. В принципе же избегаем, для нас это невыносимое испытание, мы сразу же начинаем фальшивить.

«Как должно проходить выступление группы, чтобы ее участники были удовлетворены собой? Е. Трушина, 14 лет, г. Ухта».

«Вы очень быстро исчезаете со сцены, не хотите принять цветы от поклонников, не выходите на «бис». Почему? Зазнались, да? И. Артамонова, г. Воскресенск Московской обл.».

«Не является ли отрешенность и строгая манера ваших выступлений вызовом балаганным выступлениям других групп? А. Зюзин, 26 лет, г. Свердловск»*.

В. БУТУСОВ: Существует какое-то интуитивное ощущение реакции зрителей: люди могут не аплодировать, но ты чувствуешь, что в зале тебя понимают. А может, наоборот: с первой песни зал бушует, а чувствуешь ледяное хладнокровие к тебе. Я не считаю, что шумная реакция одобрения — нужная реакция. Знаю по себе: если мне что-то нравится, я никогда не буду реагировать так, как некоторые наши зрители. Может, это от возраста.

А может, оттого, что мы поем уже знакомые им песни, и никому не интересно слушать, о чем поется, а интересно продемонстрировать свое отношение к происходящему? Теперь о нашей сдержанности. Она — производная наших характеров. Если бы мы могли красиво прыгать, красиво что-то вытворять — мы бы это делали. К тому же мы считаем, что не можем нормально общаться с залом, поэтому концерт проходит без «заигрываний». Просто шаткий мостик коммуникаций между нами и залом мы пытаемся наладить другим способом — и в первую очередь создаем определенную атмосферу, а здесь важна непрерывность выступления.

«Видите ли вы своих зрителей сквозь свет, направленный вам в глаза, их лица... Ю. Черноусов, п. Пойковский Тюменской обл.».

В. БУТУСОВ: Редко. Для меня очень трудно смотреть в зал. Всякие движения там отвлекают. Я часто пою с закрытыми глазами.

«Неужели участникам группы не нравится, когда на концертах поклонники «балдеют» от песен, поют вместе с группой, и неужели может нравиться публика, которая сидит просто так... П. Лойко, г. Минск».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Слава частично ответил на этот вопрос. Мне кажется, слишком деликатно. Живая реакция на песни хороша до тех пор, пока пропорциональна вызванным эмоциям. Есть такие ситуации, когда люди заняты не музыкой, а самими собой: смотрите, какие мы забавные, какие мы фанатики. Это глупо, дурно, свидетельствует об отсутствии такта. Саморазгул, глупость, показуха проявляются по-разному. В Сочи фанаты перевернули автобус с участниками концерта. Очень часто после концерта приходится выбираться из зала при помощи милиции. Такое впечатление, что перед тобой — толпа дикарей. Аборигены с острова Пасхи празднуют свои великие ритуальные жертвоприношения!

Самое же неприятное — это те люди, которые приходят после концерта пообщаться. Человек, который уважает артиста, никогда не будет заниматься такими глупостями. Он послушал — и будет дома разбираться в себе, спорить с друзьями. Он никогда не встанет у дверей гостиницы и не будет ловить человека, возвращающегося с работы, он не будет пытаться разобраться в существенных вопросах посредством ответов чужих дяденек, он в себе будет искать ответы.

«В Свердловске, в ДК Ленинского района (Сурикова, 31) создан фан-клуб «Нау». Как вы относитесь к подобным клубам? С. Гордеев, г. Свердловск».

В. БУТУСОВ: Существование такого клуба меня вначале испугало, но когда увидел, что там нормальные люди, — успокоился. Правда, я не знаю, имеем ли мы какое-то значение для существования этого клуба. Как не уверен, что для клубов, например, международной переписки главное — эта самая переписка. Там важнее общение друг с другом.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Мы были бы рады, если бы фан-клуб взял на себя часть нашей ноши. Хотя бы письма... Отвечать самим — нереально, а не отвечать — неудобно. Мы бы со своей стороны могли снабжать их фотоматериалом о группе, значками, хотя для этого пришлось бы коммерциализовать отношения коллективов.

«Сейчас говорят, что у молодежи нет героя для подражания, такого, как Н. Островский. А вы как считаете? Д. Марченко, Каховка Херсонской обл.».

В. БУТУСОВ: У нас, видимо, сейчас не героическая эпоха, и претендовать кому-то

«Наутилус» привлекает меня своей неординарностью...

С. Чунарев,

г. Чайковский,

ул. Кабалевского...

(Это не шутка, я действительно живу по этому адресу).

Некоторые считают, что ваши песни разлагают молодежь. Это неправда! «Наутилус» рассказывает о нас, о наших пороках и проблемах. Я живу в городе Волгодонск (средний возраст жителей 26,5 лет). Ваши песни крутят у нас на дискотеках. На стенах домов и в подъездах с названиями других групп появилось и ваше название. Я учусь в СПТУ, недавно на уроке НВП, когда шли занятия по строевой подготовке, наша группа запела в строю: «Марш, марш левой! Марш, марш правой!».

А. Ковтун,
г. Волгодонск
Ростовской обл.

Мне хочется пожелать ан-Цамблю «Н. П.» творческих успехов. А поклонники всегда с Вами.

Василий П.,
г. Кемерово.

Взамен вашего фото с автографами гарантирую свое с тем же...

Леночка,
Иркутская обл.

Есть много песен с разными именами девушек: Маргарита, Алиса, Татьяна... Но имени Лариса — нет. Меня зовут Лариса, мне 14 лет, и я хочу, чтобы вы написали такую песню. Если решитесь — белые волнистые волосы, высокая, стройная, красивая. Очень люблю цветы. Веселая, добрая, справедливая. Учусь на одни пятерки. По гороскопу я «тигр». Думаю, такая песня у вас получится. Вы же сам «Наутилус»!

Лариса В.,
г. Бирск.

**Вячеслав
БУТУСОВ**

Шар цвета хаки

Был бесцветным,
Был безупречно чистым,
Был прозрачным —
Стал абсолютно белым.
Видно, кто-то решил,
что зима,
И покрыл меня мелом.
Был бы белым,
Но все же был бы чистым,
Пусть холодным,
Но все же с ясным
взором.

Но кто-то решил,
что война,
И покрыл меня черным.
Я вижу цвет,
Но я здесь не был,
Я слышу цвет,
Я чувствую цвет.
Я знаю не хочу всех тех,
Кто уже красит небо.
Я вижу песню вдали,
Но я слышу лишь:
«Марш-марш левой!
Марш-марш правой!»
Я не видел людей
странней,
Чем людей цвета хаки.
Был бы черным,
Да пусть хоть самим
чертом!

Но кто-то главный,
Кто вечно рвет в атаку,
Приказал наступать
на лето
И втоптал меня в хаки.
Я вижу дым.
Там, где я не был.
Я чувствую гарь.
Я знаю не хочу
ту тварь,
Кто спалит это небо.
Не трогайте небо!
Я знаю не хочу,
Кто поет песню:
«Марш-марш левой!
Марш-марш правой!»
Я не видел картины
дурней,
Чем шар цвета хаки.

**Илья
КОРМИЛЬЦЕВ**

Скованные

одной цепью

Круговая порука мажет,
как копать,
я беру чью-то руку,
а чувствую локоть,
я ищу глаза,
а чувствую взгляд,
где выше голов
находится зад,
за красным восходом
розовый закат.
Скованные одной
цепью,
связанные одной
цепью,
скованные одной цепью,
связанные одной...

Здесь составы вялы,
а пространства огромны,
здесь суставы смяты,
чтобы сделать колонны,
одни слова — для кухонь,
другие — для улиц,
здесь сброшены орлы ради
бройлерных куриц,
и я держу равнение,
даже целуясь,

на героя такого плана, как Н. Островский,— бессмысленно. Нам бы не проглядеть нормальных порядочных людей, нам бы их вовремя поддержать своим вниманием...

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Герои для подражания, всякие кровавые боги меня с детства напрягали. Своя жизнь — своя, и ее нужно делать с себя, а не с товарища Дзержинского. Самые опасные примеры для подражания те, которые имеют современное происхождение. В них всегда есть доля политической заинтересованности какой-либо стороны. Лучше ориентироваться на вечные исторические идеалы, начиная с Иисуса Христа, и — вперед!

«Не думали еще, что будете делать, если 15—16-летние девушки перенесут свой восторг с Леонтьева и Томаса Андерса на вас? Г. Жиркова, г. Днепропетровск».

В. БУТУСОВ: Останется выразить свое сожаление этим девушкам, потому что ничем помочь им не сможем, в том числе и тем, кто выкрикивает из зала: «Хочу ребенка!».

«Ваше отношение к Свердловскому рок-клубу? А. Яковлев, г. Ухта Коми АССР».

В. БУТУСОВ: Мы являемся его членами — он нам помог стать на ноги.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Рок-клубы в стране в силу некоторых причин, вызванных застойным временем, упустили тот момент, когда нужно было стать ведущим коммерческим фактором в рок-движении. Вместо того чтобы использовать складывающуюся ситуацию благоприятствования, они сложили руки и уступили позиции дельцам, не озабоченным развитием жанра. Лучшие коллективы перекинулись туда, где лучшие условия, где лучше платят, а рок-клубы ушли в глубокомысленные размышления на уровне военного коммунизма: не грешно ли зарабатывать деньги, не грешно ли к ним прикасаться? С одной стороны, мы все такие революционные — спасу нет, а когда нам дают возможность проявить эту революционность — столбеем. А рынок таких не терпит, он работает оперативно: спрос — предложение. Я считаю, что кризис Свердловского рок-клуба во многом, если не в основном, связан с тем, что люди не сорентировались в современной коммерческой ситуации.

«Как вы относитесь к самодельным рок-журналам? Г. Жиркова, г. Днепропетровск».

В. БУТУСОВ: Нормально. Самодельные журналы являются более «отвязанными», разрешают себе «загребать за буюк».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Я не так оптимистичен. Раньше я эти журналы читал, поскольку для меня это был луч света в темном царстве. Сейчас не читаю. Эти журналы упустили момент, не смогли легализоваться, встать на коммерческую основу и объективно усугубили кризис рок-движения. Все та же инертность.

«Недавно появились записи группы «Настя». По моим сведениям, там играют ребята из «Наутилуса». М. Комракова, 18 лет, г. Москва».*

«Свердловская группа «Ассоциация». Солист — Алексей Могилевский. Он ваш саксофонист? Если нет — ясно! Если — да, поподробнее, пожалуйста, о его работе... Е. Гусева, диск-жокей, г. Свердловск».

В. БУТУСОВ: По поводу «Настя». Настя Полева — выпускница архитектурного института — экс-солистка группы «Трек», была такая группа в Свердловске, которая распалась на отдельные потенциальные личности. Сейчас она лидер одноименной группы, которой помогают различные музыканты. Впрочем, в последнее время Настя делает весь основной материал, начиная от текстов и кончая музыкой. Для нас это имеет определенный интерес, я считаю, что это обогатит рок-палитру, потому что у женщин на многие вопросы очень хитрые, неожиданные ответы. Настя — человек талантливый, и, мне кажется, уровень ее популярности не соответствует пока тому, чего она в действительности заслуживает. Что касается А. Могилевского — его сольные вещи выходят под длинным названием «Ассоциация содействия возвращению заблудшей молодежи на путь добродетели». Для него это своеобразная душа.

«Останетесь вы в Свердловске или уедете в столицу? Л. Горбунова, п. Боровский Тюменской обл.».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Это не существенно. Я, например, никуда из Свердловска уезжать не собираюсь. А кому-то удобнее жить в столице. Пока у нас билет на самолет стоит так дешево — можно и жить где угодно (начиная с определенного уровня доходов).

В. БУТУСОВ: Если имеется в виду место проживания, то скорее всего останемся в Свердловске. Что касается работы — не знаю... Хотя поговорка «нет пророка в отечестве своем» к Свердловску не относится, Свердловск — город благодарный, но все же техническая база здесь слаба. В Москве расположены все технические службы. Если бы мы были отраслью тяжелого машиностроения — мы бы предпочли работать в Свердловске, а поскольку имеем некоторое отношение к культуре...

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Кто виноват, что у нас страна одного города, по крайней мере, в отношении благоприятствования культурному производству...

«Хотелось бы вам выступить на фестивале в Сан-Ремо? Е. Даниленко, г. Фрунзе».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Мне, итальянисту, да не хотелось бы поехать в Италию! Кроме того, у нас есть много вещей, которые не только внешне, но и внутренне связаны с итальянской эстрадой. Есть прямые влияния.

Корр.: Последний блок вопросов, который условно можно обозначить как «Отношение к...». Пожалуй, нет такой сферы, нет таких имен, ваше отношение к которым не интересовало бы читателей. Поэтому, чтобы не затягивать наш разговор, вы готовы выбрать те вопросы, которые для вас кажутся значимыми. Молчаливые тоже будут

своеобразным ответом: если Бутусов не считает нужным пояснить, нравятся ли ему уральские пельмени, значит, не такое великое место они в его жизни занимают...

«Ваше однозначное отношение к «металлистам»? Как, по-вашему, должен выражать себя человек, которому еще не доверяют конкретных дел, и единственным событием в жизни является концерт любимой группы? О. Емелина, 17 лет, г. Ташкент».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: С «металлистами» вопрос очень простой. Это вопрос кори, которая может в четыре года волновать лишь маму с папой, а в 25 лет — закончиться трагически. Или свинка. У детей она проходит нормально, взрослым мужчинам грозит импотенцией. То же с «металлистами». До определенного возраста я воспринимаю их нормально, я имею в виду поклонников, а потом меня начинает волновать их умственное развитие... Что касается музыкантов: для того чтобы играть на высоком техническом уровне, нужно заниматься инструментом, по крайней мере, лет десять, то есть есть возможность повзрослеть. Но взрослый человек, зрелый в творческом плане, «металл», я считаю, играть не будет, а если играет — значит... В основном это толстые диничные дяди, которые делают детям то, что нужно, и получают за это деньги. Может, и правильно делают, жанр такой, отводит в нужное русло разрушительную антисоциальную энергию, характерную для бестолкового мальчишеского возраста. Мальчишеского! Если «металлом» увлекаются девчонки — что-то не так... будто женщина штангой занимается! По поводу концертов как единственного события в жизни — здесь тоже все от возраста зависит. Для девушки в 17 лет — это нормально, а когда такое происходит у женщины в 25 лет — это свидетельствует о том, что у нее что-то не сложилось в жизни. Всему свое время, всему свое место под солнцем. Читайте чаще Экклезиаста.

«Если бы к нам прилетели инопланетяне, какую земную музыку вы бы им предложили? Л. Федорова, Краснодарский край».

В. БУТУСОВ: Поскольку у нас инопланетяне ассоциируются с более высоким уровнем цивилизации, я бы им предложил послушать «хэви метал». Пусть побалуется экзотикой! Не все же в эмпиреях витать...

«Как относитесь к курению? С. Ротач, г. Стерлитамак, БАССР».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: В настоящий момент в очередной раз бросаю. Я считаю, что всякие искусственные стимуляторы очень вредны, причем не только для здоровья, а в первую очередь мировоззренчески. Интересующихся отсылаю к книге Фромма «Быть или иметь». Там разработана целая концепция формирования человека обладания...

«Кем для вас является группа «Алиса»? Конкурентом? Единомышленником? Другом? С. Кривошеева, п. Мурмаши Мурманской обл.».

И. КОРМИЛЬЦЕВ: У меня к «Алисе» свое отношение. Кем является она для нас? Не конкурентом, потому что мы имеем разной закваски публику. Другом? Может ли группа быть другом? Являются ли друзьями рабочие коллективы? Единомышленником? Ни в коей мере! Мы с Кинчевым полярные люди. Он эксплуатирует сложившуюся даже у юных культуру восприятия лозунгов: «Мы вместе!». Куда, чего вместе? Цой хорошо спел по этому поводу: «Все знают, что мы вместе, но никто не знает, где оно, это место...». Это безответственная демагогия, единственно, что утешает, что не одно наше поколение этим больно. Мне же лозунги чужды. Скажем без хвастовства, назовите хоть одну песню «Наутилуса» с лозунгами. Лозунги — это всегда политика, а политика — это не всегда искусство.

В. БУТУСОВ: Мне бы хотелось считать, что группа «Алиса» для нас друг. В отношении каждого конкретного человека я знаю — это талантливые люди. Нас часто привлекают те личности, которые наделены качествами, которых нам лично не хватает. Самая яркая особенность Кости Кинчева — он генератор энергии. Есть люди — конденсаторы, если грубо так разделить, а он энергию вырабатывает, он даже впитывать в себя ничего не может, только выплескивает... И окружение его наполнено этой мятежной энергией. Сочетание их характеров с тем, что они поют, как они поют, очень убедительное. Их можно заставить петь не в «лозунговой манере», а тихоночко что-нибудь мурлыкать, но это уже будут не они, они изменят своей естественности.

«Увлекаетесь ли вы спортом? Н. Шулъженко, г. Киров».

В. БУТУСОВ: Претензий к спорту у меня нет.

И. КОРМИЛЬЦЕВ: Я на велосипеде ездить люблю.

Корр.: И в заключение...

В. БУТУСОВ: Всё поняли... Работаем над новой программой. Пришли к выводу, что, включая новый материал в старую программу, нивелируем значение новых песен. Так что придется подождать, пока будет готова программа полностью. Есть желание следующий альбом записать прямо на концертах, живую. Это связано и с техническими условиями, и с тем, что такая запись намного богаче, чем студийная, в ней есть жизнь, напор. Будем продолжать гастролы. И благодарим всех тех, кто через журнал передает нам приглашения, официальные и неофициальные. Есть предложения со стороны зарубежных организаций, хотя тут наши амбиции маленькие, сильно лишь желание посмотреть мир, а себя показать? — наши официальные организации такое желание отбили.

«Что бы вы хотели пожелать читателям «Уральского следа»? Е. Толмачева, Тюмень».

Вячеслав Бутусов берет лист бумаги и... Смотри вкладку.

Разговор записал Юрий ШИНКАРЕНКО

на скованных одной
связанных одной
Скованные одной цепью,
связанные одной...
Можно верить
и в отсутствие веры,
можно делать
и отсутствие дела.
Нищие молятся, молятся на
то, что их нищета
гарантирована.
Здесь можно играть
про себя на трубе,
но, как не играй,
все играешь отбой,
и если есть те,
что приходят к тебе,
найдутся и те,
кто придет за тобой,
также скованные одной
цепью,
связанные одной
цепью.
Скованные одной цепью
связанные одной...
Здесь женщины ищут, но
находят лишь старость,
здесь мерилом работы
считают усталость,
здесь нет негодяев
в кабинетах из кожи,
здесь первые на последних
похожи,
и не меньше последних устали,
быть может,
быть скованными одной
цепью,
связанными одной
цепью.
Скованные одной цепью,
связанные одной...
* * *

Я возвращался домой
по улице темной,
Словно танцор —
по минному полю,
Каждый шаг
был выверен —
но и рискован.
Каждый удар сердца —
грозил детонацией.
Я увидел
огненную черту —
поперек улицы.
И за ней —
уходящих вдали
юных героев,
Пишущих кровью
имена женщин
на стеклянных стенах
Узкого и мрачного
коридора.
Отягощали карманы
невыполненные планы,
Но головы,
как азартыста —
тянулись к высокому небу.
Искривляли лица
злокачественные пороки,
Так долго сердце
жило на воде и хлебе.
Оглянувшись назад —
я вдали увидел
Робко ступающих —
по моему следу.
Я понял —
я должен лечь
поперек
И загородить проход
усталым телом.
Девушки, строящие на песке
воздушные замки
великой жертвы,
Юноши, выкрикивающие
пункты обвинения.
— О, я должен
быть последним
и первым!
И я упал на черте —
не дойдя до дома,
И увидел —
стекленющими глазами:
Они шли по следу —
ничего не заметив.
Переступая через тело
ногами.

«Уральский следопыт» в 1988 году

ПРОЗА. ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ.

Зиганшин К. Щедрый Буге. № 10.
Иванов В. Костер в мае сорок пятого. № 5.
Крапивин В. Острова и капитаны. Книга вторая «Граната». № 4, 5, 6.
Крапивин В. Острова и капитаны. Книга третья «Наследники». № 11, 12.
Краснов П. «Жаргон низводит вселенную к подворотне...» № 4.
Петров В. Натюрморт с рысью. Песня для деда. Бобер. № 7.
Постол М. Барокко. № 5.
Решетов А. «Непослушное перо. Ненасытная бумага». № 1.
Сименон Ж. Мегрэ и осведомитель. № 8, 9.
Солнцев Р. Восторженный беглец. № 1, 2, 3.
Чумичев Л. С чаю ветром качает. № 5.
Щербинина О. Хрупкая вселенная. № 3.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

Архипов Ф. Станционный колокол. На озере. № 5.
Вийон Ф. Баллады. Стихи. № 7.
Гольд А. Колесо. № 7.
Демидов А. Владивосток. № 10.
Драт А. Боевое дежурство. Машины возвращаются к нам... В поле. Лесник. № 11.
Дробиз Г. Смотрит прошлое на нас. № 4.
Дружков Н. Пляски выюг. Старые песни. № 2.
Иванова Л., Долгирева Г., Тарханова С., Векслер Л., Кисельникова М., Полякова О., Сляднева В. Красота на свете не кончается... № 3.
Каплунов Ю. Начало. № 10.
Козлов В. Концерт в тайге. Вах разошелся!.. Восход. № 2.
Колосов Д. Фикус. Прощание с птицами. № 6.
Конецкий Ю. Верхотурье. № 6.
Котельников Е. Сизый. Хобби. № 1.
Кривоногов Н. Отец. № 12.
Ладейщикова Л. Взрывная волна. № 9.
Лобанцев Ю. Маяковский на выставке «XX лет работы». № 12.
Магдич А. Я шел голодный и усталый... № 6.
Марченко С. Б. Пастернак. Ветра нет... Так противились мы притяженью... № 7.
Мережников Н. Такое время: дни как годы... № 12.
Поскребышев О. С желаньем далей многоверстных... № 8.
Семенчик В. Я память на детство настрою... № 10.
Сорокин Л. Клен растил я... № 6.
Сороколетов В. Сница. Принеси мне весну... № 12.
Сметанин С. Новая жизнь. Лебеди. Зимняя улица. № 12.
Сухов Ю. Давнее из памяти подниму... № 11.
Туренко Е. Вечная наша земля. № 2.
Фомин А. Друг мой, как жить?.. № 2.
Чунина Т. Мне все загадочным казалась... № 1.
Шалобаев А. На посту. Землянка боевого охранения. Первый снег. № 11.
Шкавро Л. Я миру посвящаю каждый шаг... № 5.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Вартанов С. Город Трора. № 9.
Головачев В. Владыки. № 11, 12.
Гуревич Г. Ордер на молодость. № 6, 7, 8.
Дрозд Е. Скорпион. № 5.
Куракин Л. Заповедник. № 4.
Ларионова О. Звездочка-Во-Лбу (Чакра Кентавра). № 1, 2, 3, 4.
Лукьяненко С. За лесом, где подлый враг... № 12.

Трусов С. Берство. № 9.
Тяглов И. Шаг на дорогу. № 9.
Федоров И. Трамвай до конечной. № 9.
Филенко Е. Удар молнии. № 9.
Худяков В. Королевская охота. № 10.
Чуманов А. 16 копеек. № 4.

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

Арбитман Р. Воспоминания о семинаре. № 2.
Белошистая А. Зажечь искру в сердце. № 11.
Бугров В. Первые Ефремовские. № 7.
Бугров В. Попробуем — сами? № 8.
Бугров В. «Аэлита»-88. № 9.
Бугров В. Фантастика под микроскопом. № 12.
Булычев К. Все еще впереди! № 4.
Гансовский С. Доскок. № 6.
Иванов А. Право на разум. № 6.
Казанцев С. Мы вместе! № 6.
КЛФ. Отзовитесь! № 3.
Коптюг Н. Фантастика и будущее человечества. № 5.
Мещереяков В. Кто услышал раковины пеня... № 7.
На перекрестках времени: год 1988-й. № 1.
Новики фантастики: 1987—1988. № 10.
Романов А. Когда лес рубят... № 1.
Рябинина Л. «Оживляются дыханием фантазии...» № 3.
Сроки из писем. № 4.
Стругацкий А. «Заговор-87». № 4.
Толокников И. Из жизни. № 1.
Устав КЛФ «Миф». № 3.
Чистяков В. Полезная книга. № 7.
Фантастика под микроскопом. Викторина-88. № 1.
Флейшман Ю. Это дело коллективное... № 6.

ПАМЯТЬ. ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. НАЙТИ СЕБЯ. НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ.

Андреева Н. Кают-компания Сергея Шевелева. № 10.
Анчугов А. По условиям задачи возможно все! № 9.
Афанасьев П. Да, это было... № 8, 9.
Бабкин Е. Диалоги. № 10.
Беляев И. Бой за Покровское. № 7.
Богоявленский Я. В Ярославле, в восемнадцатом... № 5.
Бриль Ю. Мир короледа. № 10.
Булатов М. Хитрый Лис и пигалицы. № 2.
Бусыгин А. Так побеждали. № 9.
В ногу с эпохой. № 4.
Горбунов Ю. Возвращение. № 2.
Горская А. Капитан «Алых парусов». № 7.
Гущин А. Так родился музей. № 6.
Евсеев М. Уголок России старой. № 2.
Запорожец А. Пресыба комиссара. № 1.
Захаров С. Наш автор — маршал Голиков. № 4.
Зисельман Е. Письма Павла Антокольского. № 3.
Ильюхов А. У нас один корабль — земля. № 10.
Кобезский А. Два патрона. № 1.
Коваленко А. Все девочки как девочки... № 5.
Краснопевцева Г. Имена на скале. № 11.
Кругляшова В. Найдено в архиве. № 7.
Курашова Т. Кто поднимет эстафету? № 7.
Курочкин Ю. Из племени следопытов. № 4.
Ланской М. Шашка генерала. № 6.
Лизунова Е. Принц Зигфрид из Охи. № 10.
Молодым везде у нас дорога? № 10.

Надточий Ю. «Здесь погребен дворянин Батеньков». № 12.
Новоселов В. Автограф Сергея Есенина. № 5.
Одинцов М. На переломе. № 2.
Пестерев Ю. Школа в Бухенвальде. № 5.
Пинаева М. Где же вы теперь... № 2.
Плотников И. Последняя пуля. № 9.
Путилов В. Капитан Павлова. № 2.
Пятышкина Е. Я тоже знала Матэ Залку. № 11.
Савченко А. Кавалер ордена верности, или Фантазия Пожогина. № 6.
Сергеева Л. Голь на выдумку хитра. № 5.
Сергеев А. Безымянный герой. № 5.
Сменов В. Лыжня через беду. № 6.
Солонин Б. «Что в бою нами взято, то свято!» № 5.
Сундеев В. Гибель коммунаров. № 4.
Струихин В. Без гарантии на жизнь. № 1.
Решетников М. Роли исполняли... № 9.
Туренков И. Вот оно как выглядило... № 5.
Халамайзер А. Партизан Фриц. № 7.
Халюзов Г. С «лейкой» и блоктоном... № 10.
Фирсов В. Танки и песни. № 11.
Чечулин А. Рукопись, найденная в Крыму. № 11.
Шавырин В. Над вечным покоем. № 1.
Шавырин В. Над Бежиним лугом. № 11.
Шинкаренко Ю. Как Макар Макарович не понял «металлистов»... № 2.
Широква Н. Педагогическая проза. № 3.
Широква Н. Свободный вход с выходом никуда? № 10.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ДАВНЫМ-ДАВНО. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ТРОПОЙ ПОИСКА

Апнов Е. Сэвн из городища чжурчженей. № 10.
Артамонов А. Как нашли реликвию. № 4.
Девиков Е. Плотники Екатеринбург. № 11.
Бердинских В. «Сибирский» хлеб. № 1.
Бережной А. Забытый просветитель. № 11.
Булавин В. Картину написал Иогансон. № 6.
Буруковская Т. «Святой залог любви, утеха грусти нежной...» № 6.
Воронков В. Талант хозяйина. № 10.
Воронов Г. Ученый и писатель Вагнер. № 3.
Востоков З. Зло от бумаг. № 10.
Гаряев С. Тюменский мавзолеем Ильича. № 4.
Горбунов Ю. Взять — и поверить в чудо. № 9.
Горшков А. Что такое курганский «Утык»? № 6.
Гущин А. Ферма в Пурпе. № 1.
Дебердеев В. Рукопись № 2552. № 5.
Емельянов Б. Дело народной свободы. № 7.
Енакаев Р. «...Достоин тот факт педестала». № 2.
Ефремов В. Первые иконописцы. № 1.
Жерновников В. Текстильщик — профессия сибирская. № 5.
Захаров С. «Вот с этим виделся чуть не за час...» № 8.
Захаров А. По следам Бабы-Яги. № 9.
Клипинидер М. От Пугачева — к «Медному всаднику». № 6.
Козлов Л. Краснознаменные города. № 2.
Корниенко С. Остров Колочин. № 10.
Кузнецов А. Равнины Кампучии. № 7.
Курочкин Ю. Портрет крепостного актера? № 11.

Муравьиный небоскреб

Кому не известно, что общественные насекомые — хорошие архитекторы и строители. Например, обитающие в тропиках и субтропиках термиты сооружают свои жилища высотой до пятнадцати метров. А плавные конусы муравейников, созданные нашими рыжками или черными мирмеками (которые всегда особенно тщательно выравнивают и заглаживают наружные поверхности своих домов), по точности геометрических пропорций могут поспорить с египетскими пирамидами. А вот по величине...

Ученый с мировым именем, известный мирмеколог Август Форель, исследовавший муравьиные гнезда в Европе, Америке и Азии и давший их подробную классификацию (1874 г.), указывал, что многочисленные подземные этажи таких обществ уходят глубоко в почву — на десятки и более метров. По высоте же их наружная часть, так называемые купола, обычно куда скромнее. Самое крупное из описанных в литературе гнезд было обнаружено в Бельгии: оно имело диаметр 9,5 м при высоте 2,15 м. Это был, по научной терминологии, плоский конус.

Ну, а как обстоят дела с высотой муравейников на Урале, в Сибири? В наших краях их купола не так уж часто поднимаются над землей выше человеческого пояса, даже когда их фундаментом служит старый пенный или вертикальной опорой — дерево (сосна, кедр).

Но вот прошлым летом в Красноуфимском районе мне довелось увидеть настоящий, если можно так выразиться, муравьиный небоскреб. Его верхушка поднимается над землей на добрых два метра при таком же диаметре! Это отдельно стоящее гнездо построено на южном склоне пологого увала — на самой границе тайги и широкой просеки, по которой пролегает дорога с весьма интенсивным движением: автомобили, тракторы, мотоциклы.

И еще одна любопытная деталь. От муравейника на десятки метров разбегается множество стежек-дорожек. Они тоже отличаются интенсивным движением: так и снуют по ним туда-сюда озабоченные обитатели высотного дома. Но... ни одна из этих стежек нигде не пересекается с нашей человеческой дорогой. Очевидно, общественная формация уральских формика (лесных рыжих муравьев) предпочитает жить в мире и согласии с дружелюбной цивилизацией гомо сапиенс, которая отвечает санитарам леса тем же.

А. СЛАВИН

Ларионов А. Икары. № 11.
Ласунский О. Книга Миндлова — земского начальника. № 12.
Ломакин С., Ломакин С. Первый университет Сибири. № 7.
Люсинов Ю. Сигналы судьбы. № 1.
Максимцов В. Подпольная типография. № 4.
Маргелашвили В. Памятник вождю. № 4.
Непешин И. Пугачевские страницы Шишонко. № 9.
Николаев С. О чем пели первопроходцы. № 10.
Омельчук А. Сибирь — колыбель человечества? № 6.
Орлов И. Дети декабристов. № 1.
Подгорный И. Тайна библиотеки Дидро. № 11.
Попугайло В., Сорokin Ю. О ком рассказывает панно. № 9.
Рахимкулов М. Стрела, несущая мир. № 5.
Сибиряков Е. Бабушка с дедушкой рядышком... № 6.
Слукин В. Тайны уральских подземелий. № 3.
Солдаткин Е. В поисках монстров. № 4.
Сорокин М. Счастливый человек. № 8.
Софронов В. Винокурение и «кошки». № 9.
Старцев В. Алтынниковская плясовая. № 11.
Тенин Ю. Второй президент. № 10.
Трифонов Д. «Наш каретник возгордился...» № 8.
Трошин А. Седов на Амуре. № 10.
Цейслер Э. Предки наших кораблей. № 4.
Черепанов А. Где родился Борис Ручьев? № 6.
Чечулин А. Художник Миронов. № 1.
Шашков А. Авраамиев остров. № 5.
Шмаков А. Ленинина В. П. Бирюкова. № 4.
Шубин В. Русская Америка. № 10.
Якубовский Э. По следам капитана Блада. № 6.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ

Беляев И. Новеллы о растениях. № 6.
Бланк Л. Куда летела кайра? № 10.
Богоявленский Л. Стучит в окно синица. № 3.
Бугаенко Е. Чудо-чудище амурское. № 10.
Быкова М. Под гипнозом — лев. № 8.
Васильев С. Глаз бури. № 10.
Гущин А. Аллеи Комарова. № 10.
Киреев М. Пост бабушки Сухоручихи. № 3.
Коркодинов С. В гостях у белочки. № 1.
Марьяина М. На Сылве, а может быть, и дальше... № 8.
Никольский А. Рыжка. № 8.
Протасевич А. Слово о воробье. № 1.
Рябинин Б. Змей Горыныч собственной персоной... № 1.
Рябинин Б. Будет ли дом у зверей? № 8.
Рябинин Б. О чем молчит старая береза. № 12.
Семченко Н. Таинственный корень жизни. № 10.
Хакимов А. Марсианин в моем доме, или Обыкновенный богемол. № 3.
Хатунцев В. Охота в лес! № 10.

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЬ. ДИАЛОГ-КЛУБ. МУЗЫКА И МЫ.

А навстречу — 206-я... № 11.
Армия шлифует характеры готовые... № 9.
Ахметов С. Самолет, рожденный книгой. № 8.
Барвиш Б. «На радость нам дано?!» № 2.
Быть или не быть?! № 8.
Журнал изменяет себе? № 12.
КВН: «Следопыт» — УПИ. № 4.
Киселев В. Музыка слушает нас... № 8.
Краеведческий бумеранг. № 8.
Мешавкин С. Итожа тридцатилетия. № 4.
Мешавкин С. «Рискуете попасть в «Прожектор перестройки». № 8.

Минин А. Травяная тропа в никуда. № 1.
Мододцов С. На «зеленых» и «дедов» рассчитайся? № 3.
Нохрин С. Белые, рыжие, воронье. № 11.
Огорчаюсь и радуюсь вместе с журналом. № 6.
Подписка-89: Без вина виноградные. № 10.
Понизовкин А. Учебное пособие — иглолка с ниткой. № 3.
Попов В. Владимир Высоцкий: «...Я придю по вашей душе!» № 1.
Рябинин Б. Осуждение зла. № 4.
Ты+я. № 6.
«Хэви метал»: сторонники и противники. № 11.
«Что же со мной?» № 9.
Шникаренко Ю. «Никто нас не разлучит...» № 12.
Широкоев Н. Братья по оружию. № 12.
Щербинина О. Дважды два — четыре? № 9.
Мир на ладони. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

НАУКА И ТЕХНИКА. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ. ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. СТАРТЫ. КТО ВО ЧТО ГОРАЗД. ЮМОР.

Андаева Р. Фронтальной рисунок уральцев. № 5.
Астахова В. Нитяные, каменные краски. № 2.
Бугров Ю. Дядя Пуд и другие. № 7.
Буруковский Р. Забытые краски, или «Пламенный цвет — пурпур сидонских пучин». № 11.
Вахрин С. Тайна двух океанов. № 10.
Воробьев В. Покорение Техаса. № 3.
Галеев Б. Светить всегда... № 9.
Гаряев Л. «Числюсь по России». № 2.
Довгопол В. О том, кто избрал велосипед. № 8.
Долматов В., Кондратьев В. 600 мгновений войны рядового 178-й Сибирской дивизии Кондратьева. № 5.
Дуэль И. У самого берега бухты. № 10.
Застырец А. Бездонный катрен. № 7.
И увлечение, и любовь... № 7.
Кагарлицкий М. Минздрав предупредил! № 12.
Капतिकов Р. Узоры Севера. № 1.
Коломейский А. Мы — подростки! № 3.
Кондрашенко Н. Дойти до горизонта. № 11.
Куманов Г. Подвиг в камне. № 2.
Кустов Г. Лики солнца. № 3.
Куриалов В. Переход инженера Сазина. № 10.
Логоинов С. Соленые огурчики. № 12.
Лоза А. Обидел... № 12.
Мелихан К. Ледовое побоище. № 12.
Мишкин М. Конверт-рекордсмен. № 12.
Митина Н. Его величество — Книга. № 10.
Овчаренко В. «Игорь к Дону вои велдет...» № 5.
Пантелеев В. Книга моего папы. № 5.
Повилейко Р., Царев В. Спокойно ли морское дно? № 5.
Прусс А. Мелодия узора. № 12.
Семик Г. Приличная работа. № 3.
Скоморовская Н. Честь мундира. № 7.
Смирнов Г. Добрая кисть уральца. № 3.
Старцева Л. Этюд о себе. № 3.
Тридцать лет спустя... № 4.
Царев В., Повилейко Р. Катастрофа планируется на завтра. № 2.
Черкашина А. Твоим просторам в горизонтах тесно. № 6.
Широкоев Н. Баталии, каких не было в Италии. № 4.
Шумилов Е. Рыцарь моторизации. № 5.
Якубовский Э. Уральский «Нарзан»? № 2.

Увлечение императора

Император Японии Хирохито (в этом году ему исполнилось 87 лет) порадовал свой народ уже тридцатью книгами. Последняя его работа посвящена жизни и поведению морских пауков. Еще в юности император увлекся зоологией и заявил о своем намерении изучать крупных животных. Однако ему отсоветовали: ведь никто из специалистов не осмелится работать над темой, которой интересуется император. Тогда Хирохито посвятил себя изучению невзрачных существ со дна морского, которыми никто не занимался. Насладиться полувекковой исследовательской работой императора смогут лишь немногие из его подданных: новая книга рассчитана лишь на институты и библиотеки, в продажу она не поступила.

По материалам журнала «Шпигель» (ФРГ) подготовил
Б. ПИНАЕВ

Чистота — залог здоровья

Это «понимают» даже птицы. Как выяснили биологи, скворцы, использующие свои гнезда в течение нескольких лет, ежегодно вплетают в них молодые побеги определенных растений, содержащих противобактериальные вещества. И некоторые другие птицы, использующие гнезда многократно, тоже занимаются их дезинфекцией — вплетают в них свежий дезинфицирующий растительный материал. Причем такого материала у них гораздо больше, чем у птиц, строящих гнезда каждый год.

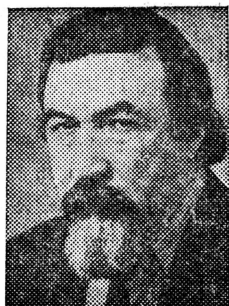
Е. СОЛДАТКИН

В библиотеку — по проводам

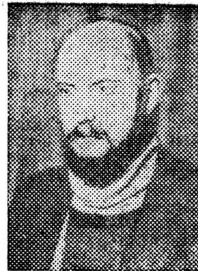
Японские журналисты, специалисты связи и рекламного дела совместно создали первую в мире электронную библиотеку.

«Посетителями» этой библиотеки могут стать все, кто имеет домашний компьютер (правда, зона действия электронной библиотечной сети ограничена пока районами Токио и ряда соседних городов). Не выходя за порог, можно, например, «пролистать» шестьдесят разных газет и несколько сотен популярных журналов, получить сведения о материалах, опубликованных в трех тысячах специальных изданий.

В. ДАН

А. Гольд

Е. Дрозд

Н. Марков

В. Слукин

Р. Солнцев

В. Шавырин

ЛАУРЕАТЫ-88

Решением редакционной коллегии лауреатами журнала «Уральский следопыт» за лучшие произведения 1988 года признаны:

Альфред Гольд (Тюмень) — за публицистическую поэму «Колесо» (№ 7);
Евгений Дрозд (Минск) — за фантастическую повесть «Скорпион» (№ 5);
Николай Марков (Калининград) — за иллюстрационные фотоматериалы (№ 6, 11);

Всеволод Слукин (Свердловск) — за очерк «Тайны уральских подземелий» (№ 3);

Роман Солнцев (Красноярск) — за повесть «Восторженный беглец» (№ 1, 2);

Виктор Шавырин (Тула) — за очерк «Над вечным покоем» (№ 1).

На международном языке радиотелеграфистов «88» означает пожелание успехов, счастья. Мы желаем нашим лауреатам: «88! 88!»

Наверстанная секунда

В этом году у велогонки на приз журнала «Уральский следопыт» появился новый хозяин — Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество профсоюзов. Вероятно, этим чисто организационным моментом можно объяснить, что число участников 16-й велогонки по сравнению с прошлым годом слегка уменьшилось: 137 гонщиков из 20 команд области да еще команды-гости из г. Копейска Челябинской области и из Уфы. Но накал соревнований не ослаб.

Соревнования проходили в пять этапов: индивидуальные гонки на 20 километров, групповая гонка на 100 километров, командная гонка на 50 километров и на такое же расстояние — гонка-критериум. Общеконандные места распределились следующим образом: 1-е место — спортклуб «Калининец» из Свердловска, 2-е место — команда г. Копейска, 3-е место — спортсмены из Уфы. Победителем по сумме всех этапов стал представитель «Калининца» Андрей Долгих. Читатели, которые следят за соревнованиями на приз журнала, это имя помнят. Оно связано с драматичным эпизодом прошлогодних гонок. Всего лишь секунды не хватило Андрею, чтобы финишировать одновременно с прошлогодним абсолютным победителем. А в этом году — победа!

С. ГОРБАНЕВА,
инструктор ВДФСО профсоюзов.

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

Мы не ожидали, что на публикацию «Баталии, которых не было в Италии» (№ 4, 1988 г.) придет такая обильная почта. Оказывается, множество людей самых разных возрастов и профессий увлекается игрой в солдатики! Впрочем, судите по письмам.

«На последней странице вашего журнала я увидела таких красочных, ярких солдатиков, что повело чем-то родным. Когда-то мой отец увлекался игрой в солдатики, он отливал их сам. Увлечение перешло моему брату и мне. Брат погиб на войне. От семейного увлечения осталось лишь несколько формочек; когда подросло третье поколение, я научила своих племянников отливать из олова солдатиков. Племянникам уже за тридцать. У младшего, Александра, отлита вся наполеоновская армия. К сожалению, у него нет таких друзей, и хотя Свердловск далеко от Москвы, может быть, люди с одинаковым увлечением окажутся полезными друг другу? М. Милашевич, Москва».

«Андрей Абол жаловался на скудость сведений по обмундированию армий. Возможно, ему пригодится следующее. В 1987 году, в Ленинграде, в Музее артиллерии и инженерных войск, что около Петропавловской крепости, выставлялась экспозиция к 175-летию войны 1812 года, и было там десятка два-три планшетов с изображениями униформы. Я так понял, что люди, дававшие на выставке консультации, профессионально занимаются этой областью истории. Можно попытаться найти устроителей выставки через Артиллерийский музей. С. Суслин, Магнитогорск».

«Вам пишет ученик пятого класса. Дело в том, что я со своими друзьями тоже хотел сделать послушных, верных солдат. Но они выходят по стойке смирно или марширующие. С ними невозможно играть... К. Хафизуллин, Минск».

«...Как солдатики у Андрея Абола получают такие «живучие»? У меня через две-три игры хоть выбрасывай... Мне 9 лет. Пришлите мне несколько европейских войск. А. Козьмин, Артемовский район Свердловской области».

«Впервые обращаюсь в печатный орган. Понимаете, ваша публикация про солдатиков — это то, о чем я мечтал уже лет десять! Не было поддержки, не было одумцев. Хочу участвовать в этой интереснейшей игре. И. Попель, геолог, 28 лет, г. Жданов».

«Ваш журнал доставил мне приятную неожиданность: у нас есть единомышленники, можно сказать, братья по оружию! Как бы наладить обмен материалами по истории мундира? А. Токмаков, Красноярск».

«Я восхищен коллекцией Андрея Абола! У меня самого 1032 солдата, включая авиацию, артиллерию, танки (165 штук). Ракетные установки, конница, пехота... Неплохо бы обменяться опытом. Е. Сухоруков, г. Сим Челябинской области».

«Собираю униформу всех времен и народов — бьюсь, как рыба об лед, в одиночку. Правильно говорит Андрей: литературы мало, иллюстрированного материала и того меньше. Печатают «знатоков» неохотно, считают — ерунда все это... А «дяди» из Министерства обороны СССР целый

музей с униформой «зажали» и никого не пускают! Хорошо хоть корреспонденты «Известий» (№ 6, 01.87) и «Военных знаний» (№ 5, 1987) прорвались и просветили, что есть в Союзе такой музей — это остатки Интендантского музея, образованного в 1863 году в Петербурге, — но ведь без права посещения!.. Платье Екатерины и мундир Павла можно увидеть в Историческом музее; а мундир русского солдата — к чему его народу показывать? Вот и приходится искать контакты среди любителей. Не откажите в знакомстве с Андреем Аболом. Б. Кинев, г. Ачинск».

«С интересом прочитал про «Баталии...» Нашел коллегу по увлечению и хотел бы обменяться с ним опытом по созданию пластилиновых миниатюр. К. Баев, инженер, 26 лет, Свердловск».

Адрес «зачинщика» игры А. Абола нас просили сообщить: В. Ващенко (Днепропетровск), В. Рубинов (г. Сарань Карагандинской обл.), В. Попов (Комсомольск-на-Амуре), А. Борисенко (пос. Горки Московской обл.), С. Леонидов (Воркута), В. Левашов (Алма-Ата), В. Лахтинов (Александровск-Сахалинский), М. Моисеев (г. Химки), П. Ершов (г. Старый Оскол), А. Бондарь (Усть-Янский р-н Якутской АССР), М. Сальников (Москва), В. Петрович (Днепродзержинск), В. Тупикин (Владивосток) и многие другие.

Адрес Андрея Абола выслан всем. Но одному человеку не под силу вести такую переписку. В письмах высказывается пожелание создать такое общество — «Братья по оружию».

Должны сказать, что такие общества уже есть. В Москве, при ВООПИК, есть «военно-историческая комиссия» — клуб «ВИК». В Ленинграде существуют клуб Преображенского полка и «Бонапартистский клуб» и общество любителей истории при Доме ученых. Есть такие клубы в Ростове-на-Дону, Краснодаре.

В Свердловске, при обществе охраны памятников истории и культуры тоже создается клуб «братьев по оружию». Пришедшие в нашу редакцию 83 писем с адресами знатоков, любителей и коллекционеров мы передадим этому клубу. Адрес его пока такой: 620219, Свердловск, ул. Первомайская, 24 в, общество охраны памятников истории и культуры.

«Мне 28 лет, инженер-конструктор, кораблестроитель. Мой друг Павел — тоже инженер, корабел. В отличие от Андрея Абола мы выбрали другое место и другое время — первая треть XVII века, Карибское море. Мой друг предводительствует могучим флотом злых английских пиратов, я довольствуюсь ролью генерал-губернатора голландской колонии. К сожалению, мы не можем устраивать сражения чаще раза в год (Павел живет в 120 километрах от Петрозаводска, там, на берегах тихого озера, и «селятся мои голландцы»). Армия у нас тоже поменьше — до 300 человек с обеих сторон. Но зато мы играем на природе и с привлечением флота и артиллерии: строим береговые батареи, гавань с причалами и складами.

Мы поняли, что ваши войны выполнены в масштабе 1:30. Увы, не можем позволить себе такой роскоши: флот и береговые сооружения непомерно выросли бы. Поэтому используем масштаб 1:100, хотя и приходится жертвовать некоторыми подробностями. У нас со временем выработалась довольно четкая система, так что хотелось бы сравнить с вашими правилами. Кавалерия легкая, тяжелая, линейная пехота, егеря — это мы знаем; а вот «полхода», «ход» — хотелось бы с этим разобраться детальнее. А. Топориков, Ленинград».

«Моделирую военную форму и технику конца XIX века по настоящему времени. Леплю из пластилина, с применением картонных, фанерных, пластмассовых каркасов. Но сражения не устраивал. Прочитав вашу заметку, решил расширить сферу деятельности. Прошу вас, хотя бы вкратце, дать правила игры. Мне 18 лет, учусь в Московском историко-архивном институте. Г. Малютин».

«Мы делаем пластилиновых солдат, но без амуниции и

знаков различия. Правила нашей игры таковы: играем до двух «ранений» или одного попадания; ход производится тогда, когда наступает очередь выстрела. А каковы ваши правила? С. Казаков, г. Россошь».

«У нас давно существует такая игра, но с нарисованными солдатиками. Раньше играли всем двором, но с правилами туго, а ребята не хотят играть без правил,— игра из-за этого рушится. Поделитесь с нами!.. Г. Галенков, г. Дзержинск».

«Я уже пробовал придумать правила сам — не получилось. Расскажите, как вы играете, а то мои солдатик лежат без дела. А. Николаев, Новосибирск».

О правилах игры просят рассказать М. Голуб (г. Красноводск Туркменской ССР), Л. Варюхин (Северодвинск), И. Великжанин (Новосибирск), А. Холмиков (Череповец), К. Гоман (Караганда), В. Звонков (Братск), Д. Зыкин (Нововятск), С. Темных (Катав-Ивановск), С. Подкопаев (с. Урлопово Алтайского края), А. Вавилов (Усть-Каме-ногорск), Артем Рогов и его девять товарищей из Перми, братья Е. и С. Васильковы из села Коршуновка Омской области и другие читатели.

Мы попросили А. Абола дать самую основу правил (понятно, что каждый может вносить изменения — у Андрея они годами менялись и совершенствовались).

Каждая из воюющих сторон имеет право на комбинацию из 10 ходов. Комбинация выполняется по очереди. Первым ходит наступающий. При встречном сражении очередность устанавливается жеребьевкой. Что можно за один ход? 1 — передвинуть полк пехоты (20 солдат). 2 — передвинуть полк кавалерии (10 солдат). 3 — передвинуть 4 орудия. 4 — спешить или посадить на коней полк кавалерии. 5 — произвести выстрел из орудия. 6 — произвести выстрелы 10 солдатам.

Выстрел из орудия производится маленькой механической пушкой. От огнестрельного орудия отказались еще лет десять назад, чтобы не портить фигурки.

Передвижение — по специальным кубикам (их всего три, на разные случаи жизни): пехота шагом или бегом, кавалерия шагом, рысью и галопом, пехота или кавалерия влავь и т. д. Единица измерения шага — 4 см. Величина фигурок $9 \pm 0,5$ см.

Система действия различных родов войск: легкая пехота имеет неограниченное количество выстрелов, тяжелая — только два, но пользуется преимуществом в рукопашном бою (тяжелый пехотинец за одну комбинацию может сбить трех легких, а легкий — только одного тяжелого и т. д.). Оговариваются действия солдат в конном и пешем строю. Система коэффициентов при поражении из ружей: солдаты в укрытии — $\frac{1}{3}$, солдаты за лошадьми — $\frac{1}{2}$, кирасиры — $\frac{2}{3}$ и т. д. А помимо этого еще много-много всяческих деталей. Оговорены переправы, передвижения армий, скрытые маневры, тыловые ходы, действия офицеров, взятие в плен, захват орудий и пр.

«Я инженер-радиотехник, но интересуюсь военной историей. Лепил разное: римские легионы, фаланги Александра Македонского, армию Спартака, крестоносцев, русские дружины, шляхту... Многие детали вылавливал из обрывков фраз в литературе, из литографюр и кинофильмов. У меня убедительная просьба: дать эскизы гренадера прусского линейного полка, саксонского гренадера, солдата баварской пехоты и еще что-нибудь по своему вкусу. А. Пешков, Новосибирск».

«Больше семи лет увлекаюсь пластилиновой миниатюрой. Мои интересы ограничиваются русской и французской армиями 1812—1814 годов. Мне очень помог набор открыток «Русская армия 1812 года». Но другие армии создавать трудно — негде получить представление о вооружении и обмундировании. А. Чигорин-Дашенко, Москва».

Во многих письмах читатели обращаются с просьбой

рассказать о деталях отделки мундиров, снаряжения и т. д. Дать подробно такое описание нет возможности, но по просьбе читателей мы сделали новые слайды, которые дадут представление об обмундировании и экипировке разных родов войск.

К сведению читателей: в издательстве «Художник РСФСР» вышел альбом «Русский военный костюм XVIII — нач. XX вв.» Автор — В. М. Глинка.

«Занимаюсь военной историей и также коллекционирую солдатиков различных времен и стран. Давно ищу адреса коллекционеров, в какие только журналы не обращался. Ваш журнал помог мне обнаружить одного из них. И. Мишуров, Невинномысск».

«Всю свою сознательную жизнь, с детства занимаюсь пластилином. Леплю на военную тематику, очень интересуюсь военной историей. Но все делаю один. У Андрея есть единомышленники, я завидую ему. А. Дикарев, Таллин».

«Уже много лет мечтаю встретить человека с близким мне увлечением. Моя жена говорит: «Ты один такой...» Оказалось, нет! В. Маслаков, г. Талица Свердловской области».

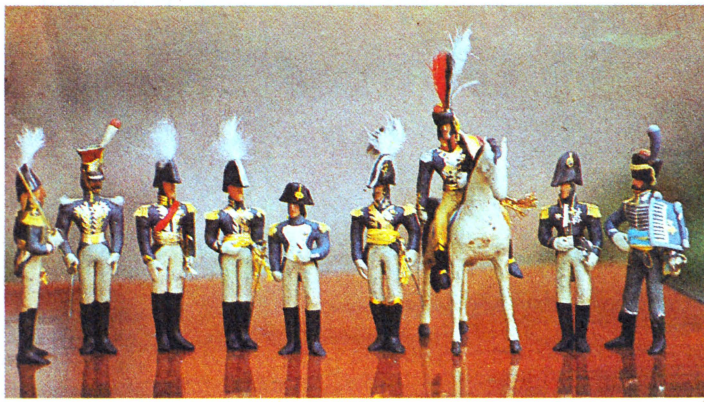
«Мы с пацанами тоже делаем солдатиков, но они очень примитивны — из пластилина и спичек. Хотим научиться их делать по-настоящему. А. Иванов, Чебоксары».

«В нашей семье все увлекаются лепкой. Отец любил строить пластилиновые замки и города. Я учусь в седьмом классе. Моя армия пока не может сравниться с армией Андрея Абола, в ней всего 157 солдат и офицеров русской, прусской, итальянской и австрийской армий. Литературы о солдатах других государств найти не мог. Надо мной или смеются, или восхищаются, но никто не хочет помогать. А это так трудно — увлекаться чем-нибудь в одиночку. А. Побережный, г. Южноуральск».

«Хобби это действительно редкое. Сужу как знаток, поскольку сам увлекаюсь солдатиками уже более 20 лет, и ни разу не встречал человека с таким же увлечением — даже не слышал о таких. Известно много коллекционеров солдатиков, военной униформы и атрибутики. Но чтобы игрушечные армии сражались! — такой пример до сегодняшнего дня я мог бы привести только из своей прошлой практики... Обретя, наконец, родственные души в лице Андрея Абола и его друзей, готов помочь им интересующей их литературой (Москва с ее книжным богатством от меня в лучшем случае езды). И, как знать, не послужит ли установление связи между нами началом становления международного клуба игры в солдатик? А. Залевский, г. Железнодорожный Московской области».

Нам тоже кажется, что создание общества любителей игрушечных солдатиков было бы хорошим симптомом в эпоху разоружения. Лучше играть, чем воевать... Почта нашего журнала показала, что есть все основания для организации, по крайней мере, всесоюзного клуба «братьев по оружию» — не в интересах милитаризма, а как раз против него, в интересах нашей истории и культуры.

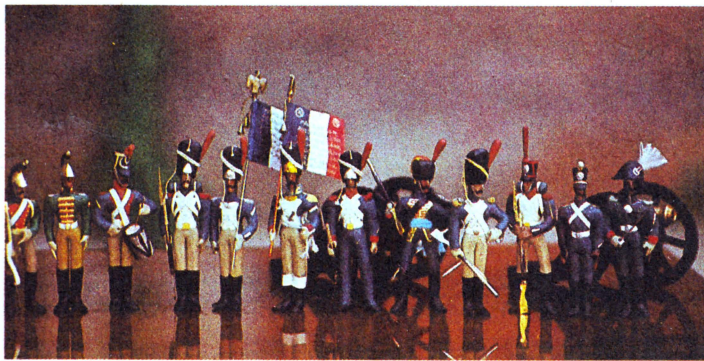
Обзор готовила Н. ШИРОКОВА

1. МАРШАЛЫ И ГЕНЕРАЛЫ I ИМПЕРИИ

2. ГЕНЕРАЛЫ АНГЛИЙСКОЙ И ИСПАНСКОЙ АРМИИ

3. ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ I ИМПЕРИИ

а) драгун б) трубач кирасирского полка в) барабанщик линейного полка г) гренадер Старой Гвардии д, е) офицеры Старой Гвардии ж) егерь Старой Гвардии з) конный егерь Гвардии (форма пешего строя) и) конный гренадер Гвардии к) рядовой линейного полка л) егерь м) офицер легкой пехоты

4. АРМИЯ I ИМПЕРИИ

а) гусарский офицер б) сербский пехотинец в) иллирийский кавалерист г) офицер Бергского уланского полка д) офицер польского гусарского полка е) офицер польской пехоты ж) офицер польского конноегерского полка з) легионер польской пехоты и) польский улан к) гусарский офицер

5. АРМИЯ I ИМПЕРИИ

а) уланский офицер б) Вюртембергский конный егерь в) Бергский конный егерь г) французский кирасир д, е, ж) — гусары 3-го, 8-го и 10-го полков з) датский егерь и) саксонский гренадер к) баварский легкий пехотинец л) неаполитанский легкий кавалерист м) французские артиллеристы

6. АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ

а) морской пехотинец 2—3) стрелок и волыничник шотландского полка 4—8) артиллеристы 9—10) армейский и гвардейский шотландские кавалеристы 11) гвардейский гренадер 12) линейный пехотинец 13) барабанщик гренадерного полка 14) егерь 15) гренадерский офицер 16) тяжелый драгун

7. АНГЛИЙСКАЯ И ИСПАНСКАЯ АРМИИ

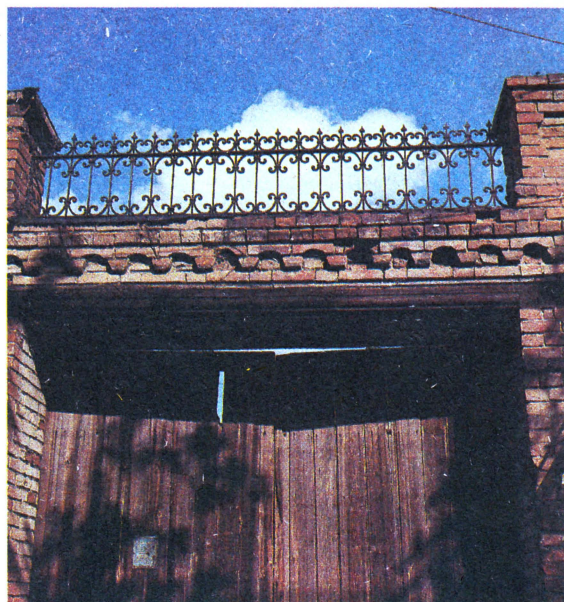
1—5 — офицеры пехотных полков 6 — испанские офицеры 7—8 — трубач драгунского полка 9 — испанский линейный пехотинец 10 — испанский драгунский офицер 11—12 — солдат и офицер испанской легкой пехоты

8. АРМИЯ II ИМПЕРИИ

1—2. Зуавы 3. Маршал 4. Генерал 5—6. Кавалерийские офицеры

Воронья

Читайте на стр. 33 очерк Анатолия Прусса

Фото Игоря Горячева